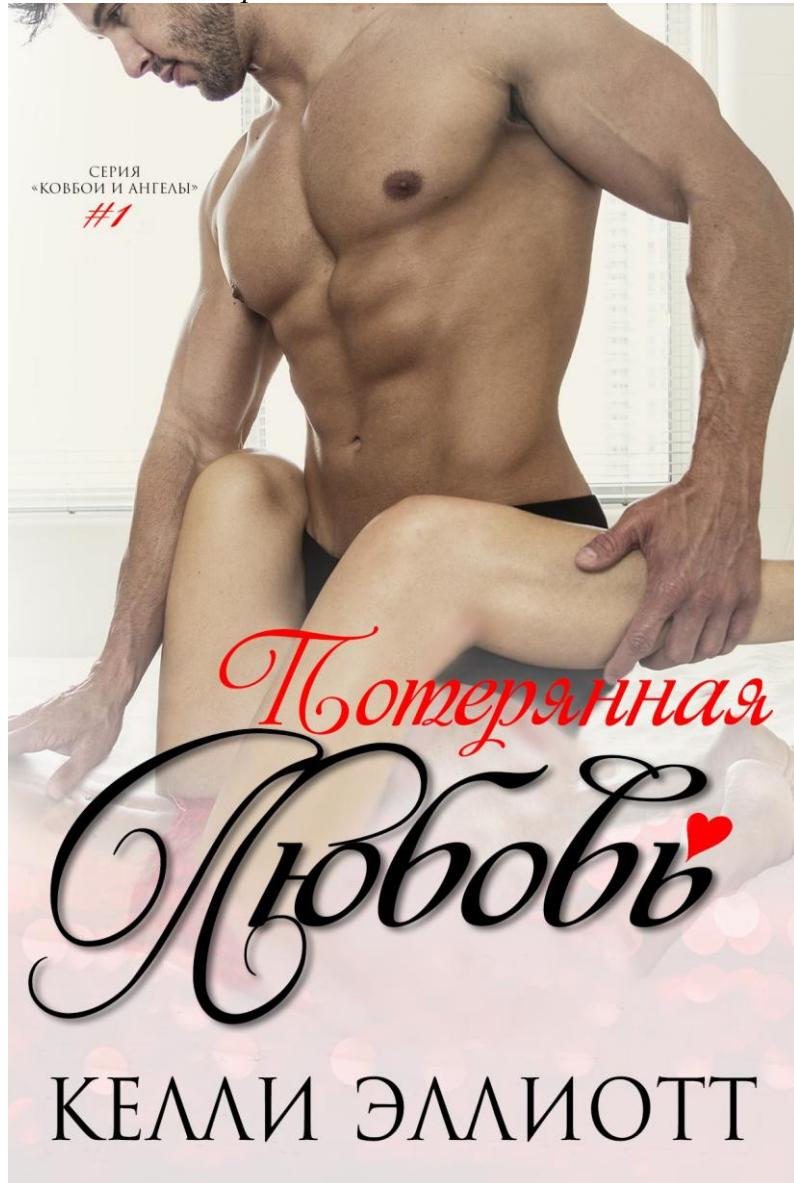

Келли Элиот
«Потерянная любовь»
Серия «Ковбои и ангелы» - 1

Переводчик - Elina Wainwright
Редактор/сверщик/вычитчик - Анна Бродова
Обложка - Мария Гридина
Оформление - Анна Бродова и Наталья Павлова

Перевод группы - https://vk.com/beautiful_translation

Аннотация:

Возвращение домой, к родителям на ранчо в Техас, было то, к чему я стремился.

Стремился и одновременно оттягивал.

Ну вот, я стою перед школьной подругой. Красивая, уверенная в себе женщина заменила молодую девушку, которую я когда-то знал и любил. Черт! Да я, до сих пор в нее влюблен.

Да, Пакстон была моей любовью, и единственным человеком в городе, кто меня ненавидел. Последнее что она произнесла, это клятва, что она отрежет мне член и засунет его, мне же в горло.

Борьба с моим сердцем, моей головой, и не менее важным – моим членом, начинается сегодня. Потому что все, о чем я думаю, это то, как я хочу погрузить свой член глубоко внутрь Пакстон, чтобы она забыла, как я разбил ей сердце, или как оставил ее, когда она нуждалась во мне больше всего.

Но кто победит? Мое сердце тоже разбито, чтобы слушать голову. А мой член вообще на всех плевал, пока не получит то, чего он хочет. А хочет он Пакстон Монро.

Стид

Журчания вод реки Фрио недостаточно, чтобы заглушить звук плача Пакстон в моей голове. Он бесконечно засел в мозгах и ничего не может стереть его.

Поднеся пиво к губам, я сделал большой глоток. Мой брат Корд сидел рядом. Он был единственным, кто знал страшную тайну, которая будет преследовать меня вечно.

— Она ненавидит меня, — промямлил я.

— Сейчас, да. Но это не может продолжаться вечно.

Я прикончил бутылку и поставил ее рядом. Это была ночь окончания средней школы, и один из худших дней моей жизни.

— Я ее оставил. Она сказала, что беременна, а я испугался и оставил ее. Единственное, о чем я думал, что наша жизнь будет разрушена.

— Но ты вернулся, Стид.

Я фыркнул, прежде чем прикрыл лицо ладонями.

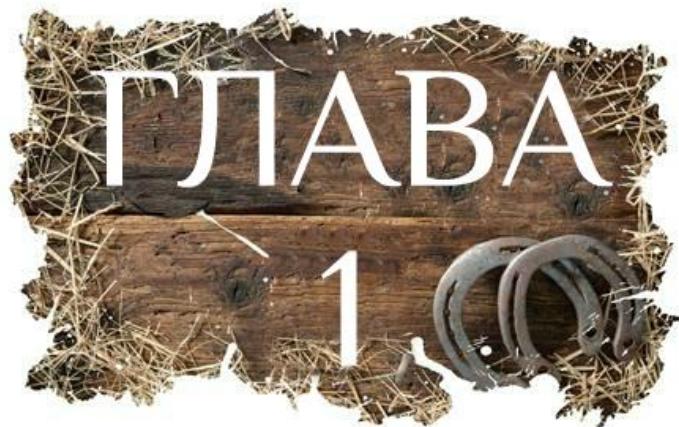
— Я вернулся слишком поздно. Никогда не забуду ее взгляд, когда она сказала, что потеряла ребенка, а я с облегчением вздохнул. Я никогда не видел ее настолько сокрушенной, — моя голова опустилась, и я почувствовал слезы в своих глазах. — Она сказала, что больше никогда не хочет меня видеть, — вглядываясь, я повернулся к своему брату. — Что мне делать, Корд? Я люблю ее больше чем воздух, которым дышу, и она не может вынести меня.

Он покачал головой и пожал плечами.

— Дай ей время. Это все, что ты можешь сделать.

Мое сердце говорило мне бежать за ней, втянуть ее в объятия и показать, как мне жаль и умолять о прощении.

Если бы я только слушал свое сердце, а не голову.

Десять лет спустя

Стид

Я подъехал к воротам и улыбнулся.

Десять лет назад, после окончания школы, я уехал из Техаса в Орегон. С тех пор я не видел своего дома.

Восхищенным взглядом я прошелся по знакомым подъездным аллеям, которые вели к ранчу моего отца, где он разводил крупный рогатый скот.

— Это здесь, папочка?

Взглянув вниз на красивую светловолосую голубоглазую девочку на переднем сидении, я кивнул.

— Да, тыковка.

Ее улыбка стала еще больше.

— Я не могу дождаться, чтобы увидеть всех! Ты думаешь, они будут рады меня видеть?

В груди все сжалось.

— Конечно, рады Хлоя. Они твоя семья.

Хлоя нахмурилась.

— Мама никогда не была рада видеть меня.

Это потому, что твоя мама была сукой.

С Ким, матерью Хлои и первой женщиной, с кем я завел отношения после Пакстон, я начал встречаться в конце моего выпускного года в колледже.

— У мамочки были проблемы, тыковка. Ей себя любить было тяжело, а еще тяжелее любить кого-то еще.

Хлоя кивнула. Как всегда и делала, когда я отвечал на один и тот же вопрос о ее никчемной матери.

Когда родители Ким погибли, она впала в депрессию. Я знал единственный способ вытащить ее из этого. Просить ее выйти за меня. Это было глупо. Я был глупым.

Когда я понял, что совершил огромную ошибку, она умоляла не оставлять ее.

В ту ночь, когда я сказал, что хочу развестись, она сказала, что беременна.

После рождения Хлои, Ким превратилась в совершенно другого человека.

Я понял, что жажда денег моей семьи, была единственной вещью, что держала ее в браке. По какой-то безумной причине, она думала, что может получить деньги и статус моих родителей. И я придумал план. Потребовались годы борьбы и тайных встреч с моей семьей. Наконец, она поверила в ложь, что мои родители отреклись от меня. Ким сдалась, и развелась со мной. Я много раз предлагал разойтись, и каждый раз после попытки развестись, ее ненависть ко мне росла. К сожалению, и к Хлое тоже.

— Папочка, я плохая девочка, если я не скучаю по мамочке? — спросила Хлоя, глядя на свои маленькие ножки.

Я взял ее за ручку.

— Нет, тыковка. Я тоже не скучаю по ней. Я жалею, что мы не смогли приехать в Техас раньше.

Она улыбнулась.

— Мы здесь, сейчас! И я знаю, что я буду любить его! Это наш новый дом.

— Он всегда был нашим домом.

Дом.

Единственное место, где я хотел быть, но и был напуган до смерти. Воспоминания об этом месте были излишне сильными, но мне и Хлое нужна семья.

Ей нужно ощущение нормальной жизни, после пяти лет абсолютного безумия. И мне, необходимо исправить давнюю несправедливость.

Пакстон.

Я даже не уверен, что она все еще живет в городе. Как я знал, она была замужем за Джо-мудаком Миллером. Я вытолкнул эту мысль из головы.

— Давай посмотрим на дедулю и бабулю, — сказал я.

Хлоя сжала кулаки.

— Да! Я так волнуюсь. Я могу покататься на лошади?

— Да, — ответил я.

— Как насчет коровы?

— Если ты хочешь.

Ее глаза загорелись, когда распахнулись ворота. Мгновение она молчала.

— На самом деле? Я могу ездить на корове?

Смеясь, я кивнул.

— У дедули есть козы?

— Да.

Голова Хлои упала обратно на подголовник.

— Я так счастлива, папа!

Я рассказывал Хлое историю о том, как я вырос на ранчо с шестью братьями и сестрами. Каждую ночь, когда она ложилась спать, она просила историй, особенно, после вечерних разговоров с бабушкой и дедушкой по Скайпу. Было тяжело держать ее на расстоянии от всех. Воспоминания о Пакстон удерживали меня от возвращения в Техас в течение первых четырех лет после того, как я уехал. Кошмар под названием Ким, был следующим препятствием. Но это в прошлом.

Я смотрю в будущее не только ради себя, но и для Хлои.

— Техас как Орегон, папа?

— Нет, детка. Тут намного жарче и не так много дождей.

Она улыбнулась.

— Больше времени играть на улице! С моим новым козликом!

Я усмехнулся. Мой отец, при разговоре по Скайпу пару дней назад сказал, что собирается купить Хлое домашнего козлика. И имя она уже выбрала. Патч.

Мы ехали вниз по дороге, и Хлоя жадно впитывала окружающее.

— Где дом?

— У бабушки и дедушки много земли, тыковка. Дом находится довольно далеко отсюда.

Кивнув, она повернулась и уставилась в окно. С губ девочки сорвался крик:

— Коровы! Папочка, посмотри как много коров!

Хотя меня подташнивало от мыслей о возвращении домой и шанса нарваться на Пакстон, я был рад видеть волнение Хлои. Она, наконец, поймет, что является нормальным. Она ахнула.

— Это наш новый дом?

Я тормознул и уставился на дом где вырос. Столько воспоминаний. И все хорошие. Я не смог выудить ни одной плохой мысли из памяти о том времени, когда я рос здесь, на ранчо. Ну, может, когда Трипп положил скорпиона в мою постель. Или Корд, скинул охапку сена на мою голову. Я улыбнулся. Да. Это было то, что я хотел для дочери. Расти с семьей в самом лучшем месте на земле.

Ранчо моих родителей.

Рядом с двухэтажным домом из песчаника рос дуб. Отец посадил рядом с ним несколько магнолий для матери, и это было идеальное место для них. Это был не просто маленький милый дом. В нем было более десяти тысяч квадратных футов (Прим.ред.: примерно 930 кв.м.).

— Это главный дом, тыковка. Мы собираемся жить в гостевом доме.

Она изучающе смотрела на меня, и я не мог не затаить дыхание при виде своей дочери. Эти яркие голубые глаза, и столько надежды в них.

— Сколько домов у дедули и бабули? — спросила она, откидывая челку с глаз и склонив голову набок в замешательстве.

Усмехнувшись, я сказал:

— Один главный дом, два дома на ранчо, и два гостевых дома.

Ее глаза расширились.

— Bay.

— Да, круто.

— Сколько спален в этом доме?

Я засмеялся.

— Десять.

Ее глаза расширились от удивления.

— Там много мест для игры в прятки.

— Это, точно, тыковка.

Сейчас жизнь Хлои резко изменилась. В Орегоне, мы жили в хорошем доме, но ничего подобного как здесь не было. Тот дом, был среднего класса — двадцать три сотни квадратных футов (Прим.ред.: примерно 214 кв.м). Я устроился в инвестиционную компанию сразу после колледжа. Единственная хорошая часть этой работы — была возможность иногда работать дома, что позволило мне ухаживать за Хлоей. Ким болталась где-то днем, а иногда уезжала на несколько дней, и называла это спа-экскурсии. Но меня это мало интересовало.

Я слегка нажал на газ, и мы поехали к передней части дома. Я припарковался и вышел. Хлоя выскочила из машины, отстегивая кукол с заднего сиденья.

— Мы в нашем новом доме! Посмотрите, как красиво! — рассказывала Хлоя, показывая своим куклам дом.

В груди защемило. Я часто слышал, как она рассказывала своим куклам, что она всегда будет любить их, и будет лучшей мамой. В отличие от собственной матери, которая вряд ли когда-нибудь сидела и играла с Хлоей.

Я закрыл дверь автомобиля и осмотрелся. Ничего не изменилось за десять лет. Все так же, свежие цветы свисали из кашпо на крыльце. Четыре кресла-качалки, по-прежнему стояли на месте, и на них были те же пятна. Мой живот скрутило, когда в памяти всплыло, как Пакстон сидела на моих коленях, и мы говорили о нашем будущем.

Хлоя взяла меня за руку.

— Папочка, почему ты такой грустный?

Я присел на корточки и положил руку ее щеку.

— Я не грустный, тыковка.

Она покачала головой.

— Глаза грустные.

Я испустил мягкий вздох. Эта маленькая девочка была окном в моей душе. Она всегда чувствовала меня, что мне плохо или хорошо. Никогда не мог ничего скрыть от нее.

— Я люблю тебя, Хлоя Линн. Я хочу, чтобы мы оба были счастливы.

Она улыбнулась, а потом нахмурилась, на глазах выступили слезы.

— Мама не будет жить с нами, да?

С трудом сглотнув, я перевел дыхание. Это была моя карма. Я покачал головой и потянул ее в объятие.

— Нет, детка. Мама больше не является частью нашей жизни, и я обещаю, что она никогда не причинит тебе боль. Никогда.

Хлоя погладила мою спину, как будто пыталась утешить. Когда она отстранилась, ее широкая улыбка вернулась вместе со светом в глазах.

— Возможно, мы сможем найти мне новую маму!

Мои глаза расширились. Моя дочь жаждала мать, чтобы любить ее. Но я старался изо всех сил, чтобы восполнить недостаток любви Ким.

— Эм... ну... давай не будем беспокоиться об этом прямо сейчас.

Она улыбнулась и кивнула.

— Хорошо. Мы подождем неделю.

Я собирался ответить, когда услышал два громких крика с крыльца. Хлоя повернулась и издала визг. Да. Моя дочь — женщина. Они любят кричать и визжать.

— Бабуля! Тетя Мели!

Она побежала, и я был избавлен от нового испытания — искать маму — как минимум на неделю.

Амелия, моя сестра, упала на колени и поймала Хлою, которая просто врезалась в нее. Моя мама шла прямо ко мне. Ее каштановые волосы были убранны вверх, оставив мне четкое представление о ее серых глазах, которые танцевали от счастья.

— Стид, дорогой, я так рада видеть вас дома.

Протянув руки, я крепко обнял мою мать.

— Хорошо быть дома, мама.

— Ваши вещи привезли два дня назад. Я надеюсь, вы не возражаете, но Амелия и я разместили все в доме. Если вам не понравится, сделаете по-своему.

— Я уверен, что все хорошо.

— Стид, дом полностью меблирован для взрослых, и у Хлои нет спальни. Я подумала, ты захочешь что-то более подходящее ребенку, но ты не привез свою мебель.

Я покачал головой.

— Я хочу начать все заново. Чем меньше воспоминаний о Ким, тем лучше. Мы остановились в мебельном «Хаверти» по дороге сюда, и Хлоя выбрала новый спальный гарнитур. Он будет доставлен в субботу.

Мама улыбнулась.

— О, она будет в восторге! Мне жаль, что ты не мог привезти все вещи.

Со слабой улыбкой, я ответил:

— Это не имеет большого значения.

Ким никогда не подвергала физическому насилию Хлою, но душевно, она причинила боль нам обоим. Ее постоянные крики... Она всегда была чем-то недовольна, и когда ее не было дома — давала мне и Хлое, необходимый перерыв. У меня был нанят частный детектив, следивший за Ким в этих поездах, в надежде поймать ее на измене.

Когда она пришла ко мне на работу с документами на развод, и бумагами на полное опекунство, я просто прыгал от радости. Когда она поняла, что не получит ни цента от моей семьи, то сразу же придумала новый план для своей жизни. К счастью, ни Хлоя, ни я, в этот план не входили. Я потратил шесть лет своей жизни на отношения, которые, как я думал, помогут вытравить Пакстон из головы. Ну и посмотрите, в каком дерьме я сейчас.

Мама недовольно покачивала головой, пока мы шли к входной двери, где исчезли Амелия и Хло.

— Я до сих пор не понимаю, как мать могла оставить своего ребенка.

— Легко. Она никогда не хотела дочь. Хлоя являлась для Ким лишь инструментом торга, а не ребенком.

Мы вошли в больше фойе, и мое сердце чуть не лопнуло, когда я услышал звонкий смех Хло, пока ее обнимал мой отец.

Вся моя семья съехалась в Орегон, когда они узнали о рождении Хло. К сожалению, я не мог привозить Хлою в Техас. Однажды, мне удалось вывезти Хло, якобы в поход на выходные дни. Туда же приехала вся моя семья, чтобы ее увидеть. Хло уже была достаточно взрослой, чтобы понять, что это секрет для Ким.

Я ненавидел, что вынуждал Хлою хранить такой секрет, но это был единственный способ избавить нас от Ким. Хло спасали лишь звонки по Скайпу и редкие визиты семьи. Она так любила моих братьев и сестер, что с нетерпением ждала встречи.

— Принцесса наконец-то дома! — сказал сия мой отец.

Я никогда не видел Хло такой счастливой.

— Где все мои дяди?

Все рассмеялись. Мой отец покрутил Хло немного в воздухе, а затем усадил за большой стол посреди фойе.

— Сегодня принцесса увидит их всех за ужином.

Настала очередь моей мамы нежиться с Хло.

— О, мы так повеселимся сегодня. Думаю, ты должна иметь свой собственный уголок в саду.

Хло с придуханием кивнула, и станцевала какой-то счастливый танец, пока мои родители смеялись. Моя младшая сестра Амелия мило улыбнулась. Я подошел и обнял ее. Ее я чаще видел на экране, чем в живую.

— Святое дермо! Ты взрослая женщина.

Она покраснела.

— Мне было только двенадцать, когда ты уехал.

Мое сердце упало.

— Прости, Мели. Мне жаль, что я оставил тебя.

Ее улыбка стала еще шире, и она склонила голову.

— Ну, у меня было еще четыре брата, которые заботились обо мне.

Я покачал головой и убрал волосы с ее лица.

— Моя маленькая сестра. Автор бестселлеров по версии Нью-Йорк Таймс, — она покраснела, и я поцеловал ее в лоб. — Я так горжусь тобой.

— Тетя Мели. Вы почитаете мне одну из ваших книг перед сном?

Амелия рассмеялась.

— Как насчет того, что бы прочитать одну из моих любимых сказок на ночь, а?

Хлоя надула губы, а потом улыбнулась.

— Это про лошадей? Или коров? Или коз?

Мели повернулась и странно посмотрела на меня.

— Хло немного одержима идеей жить среди коз, коров и лошадей, — ответил ей я.

Амелия подошла к Хло и подняла ее со стула.

— Тогда, я предлагаю отправиться в конюшню. Я познакомлю тебя со своим любимым пони — Стэнли.

Прыгая от восторга, Хлоя повернулась ко мне:

— Можно пойти, папа, пожалуйста?

— Конечно.

Моя мама поцеловала Хло в щеку.

— Повеселитесь, и помните, что Хлое нужно в школу этим вечером на собрание, и мы направимся туда перед ужином. (Прим.ред.: американские дети идут в школу, как

правило в пять-шесть лет. Первый год обучения (preschool) считается «детским садом» (kindergarten).)

Амелия хотела что-то сказать, но мама покачала головой. Нахмутившись, Амелия отвела взгляд.

Хлоя начала плясать.

— Ура, я пойду в школу! Я уже большая девочка!

Все засмеялись кроме меня. Я застонал, ведь я не был готов к этому.

— Амелия, почему бы тебе и Хло не пойти в конюшню? — спросила мама.

Сестра взяла Хлою за руку.

— Я проведу небольшую экскурсию, а затем пойдем в конюшню.

— Хорошо, — сказала Хло, повернувшись ко мне и помахав рукой. — Пока, пап!

Я снова выпрямился и шутливо сжал свою грудь.

— Она сказала «пап»? Какого черта? Не прошло и пяти минут с ее рождения, а она уже зовет меня папой.

Отец хлопнул меня по спине.

— Пойдем, выпьем, и ты расскажешь мне о поездке из Орегона.

— Налей что-нибудь покрепче, — пробормотал я.

Я уже последовал за отцом, когда мама взяла меня за руку.

— Я уже зарегистрировала Хло в школе. Им нужно, что бы ты подписал пару бумаг, предоставил копию свидетельства о рождении, и справку о прививках.

Я поцеловал маму в щеку.

— Я ценю твою заботу.

Она усмехнулась:

— Я просто счастлива, что ты дома. Теперь осталось вернуться Вайелин.

Папа вручил мне ром с колой и спросил маму:

— Между ней и Джеком все хорошо?

Они оба нахмурились. Им не нравился Джек Уилсон. В их глазах он похититель их старшего ребенка, и вор ее мечты.

— Она несчастна. Я слышу это в ее голосе, когда разговариваю с ней. Амелия собирается в Нью-Йорк. Она увидится с Вайелин.

— Засыпаете шпиона, — я отпил из бокала и засмеялся.

Мама подняла брови и бросила на меня грозный взгляд. У моих родителей было семь детей. И была бы их воля, мы бы все жили под одной крышей на ранчо.

Вайелин была моей старшей сестрой. Папа был готов к сыну, и уже даже имя выбрал в честь известного кантри-певца. Но когда родилась девочка, он не передумал менять его, все равно хотел, что бы ребенка звали Вайлон. Мама была согласна, но с условием, изменить написание имени. После Вайелин, родился мой брат Трипп. Он был очень серьезным для ребенка. Это и делает его отличным адвокатом. Дальше родились Митчелл и я. Мы близнецы. Единственное наше отличие — в поступках. Кажется, он делает все правильно, в то время как я, гажу всегда и везде. Моя мать изо дня в день испытывает стресс из-за работы Митчелла, но он счастлив быть копом. Дальше идет Корд. Мой братец-бунтарь. Он единственный человек, который знает мои самые сокровенные тайны. Его мечтой было открыть бар, и, к недовольству отца, у него есть кантри-бар в городе. Конечно, он по-прежнему работает на ранчо, когда это необходимо. Это в нашей крови. Никто не может уйти из ранчо. Следующим парнем был Тревор. Он рожден, чтобы быть сыном своего отца. Любит ранчо, любит лошадей и... женщин.

Последним ребенком была Амелия. Папа считает, что она дарована Богом. Маме сказали, что у нее больше не будет детей из-за тяжелых родов Тревора, но два года спустя наша сестра была здесь. Она зеница глаз моих родителей.

— Стид, ты меня слышал?

Мои глаза поднялись на маму:

— Что?

— Хлоя переживает насчет школы?

— Да. Мне пришлось объяснить ей, что эта школа не похожа на дошкольное учреждение, которое было у нее. Эта будет меньше.

— И каким большим было ее прежнее место? — спросила мама.

— Мам, я жил в Портленде, столице штата Орегон. Там живут сотни тысяч людей. Сколько людей живет в Оук-Спрингс? Шестьсот? — засмеялся я.

— Ближе к двенадцати сотням. Если считать окраину города, — сказал отец, беря напиток.

Подняв стакан к губам, я понял, что мама что-то замышляет.

— У меня такое чувство, что Хло полюбит это место, больше чем то.

— Хорошо бы. Я надеюсь, что миссис Бегнет не будет ее воспитателем. Эта женщина злая, как черт.

Мои родители переглянулись. Папа собирался что-то сказать, но мама его перебила.

— О, нет. Она ушла на пенсию четыре года назад. У нас новая воспитательница.

— Слава Богу, — пробормотал я и выпил все до дна.

ГЛАВА

2

Стид

Мы шли вниз по длинному коридору школы. Хлоя шла между моей матерью и Амелией, а я позади, и не мог скрыть улыбку, которая разошлась по моему лицу. Я был здесь очень давно.

Я немного паниковал, думая, что увижу здесь Пакстон. У нее была мечта — стать учителем. Но что сейчас с ней, я не знаю. Мама пыталась заставить меня рассказать, что случилось между нами. Но если я расскажу, то она возненавидит меня. Я взял с мамы клятву, что она никогда не станет говорить о Пакстон. Это произошло после того, как она рассказала, что мать Джо Миллера поведала, что Джо и Пакстон стали близки. Я думаю, они начали встречаться в последний год учебы в Техасском университете.

Эта информация, мало того, ввела меня в депрессию на целый месяц, так и толкнула меня в постель к Ким.

Я отчаянно бежал от прошлого. После этого разговора о Пакстон и Джо, я больше никогда не упоминал о ней. Однажды, даже пригрозил сбросить вызов, когда мама что-то начала говорить о ней. Больше, мы не касались этой темы.

— Я не могу дождаться встречи с моим учителем, — сказала Хлоя. — Надеюсь, она красивая!

Амелия рассмеялась и мама ответила:

— О, она очень красивая. Она тебе понравится, Хлоя.

— А ты знаешь учителя, мама? — спросил я, но они свернули за угол, и зашли в класс.

Я же остановился, чтобы пропустить заходящую в класс семью. Мне показалось знакомым лицо парня, но я не смог его узнать. Мы на мгновенье посмотрели друг на друга, прежде чем разошлись. Когда я вошел в класс, быстро оглядел помещение. Оно был намного красивее, чем в прежнем дошкольном учреждении Хлои. Я удивился, когда увидел в классе кошку. Когда она на моих глазах приземлилась в кресло-качалку, то память о Пакстон ударила меня, словно обухом по голове.

— Когда я буду учителем, то сделаю специальное место для чтения, где ученики, смогут свернуться в мягкое кресло и потеряться в словах книги.

— И где же ты хочешь такое провернуть? — спросил я, держа ее руку, пока мы смотрели на звезды.

— В начальной школе.

Я сделал несколько шагов назад. Мое сердце грохотало в груди.

Ох, ни хера себе.

Когда я повернулся, чтобы найти свою мать, то встретился с голубыми глазами Пакстон. Мыостояли несколько секунд, глядя друг на друга. Ее по-прежнему каштановые волосы, были собраны в хвост, но несколько прядей свободно вились у лица.

Мои глаза пробежались по ее телу. Молодая девушка, в которую я влюбился, превратилась в красивую женщину. Самую красивую женщину во всем мире. Пакстон была совершенно ошеломленной, увидев меня. Так же как и я. Мне показалось, что на ее губах начала формироваться улыбка, которую быстро сменил хмурый взгляд. Она направилась в мою сторону, и я сразу захотел прикрыть яйца, увидев ее мрачный настрой. Ее последние слова, о том, что она отрежет мне член и засунет его в мою глотку, мелькнули у меня в голове. Я ухмыльнулся, и, казалось, сделал ее еще злее.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она злым голосом.

— Я здесь для...

Она схватила мою руку, вонзила в меня свои ногти и потянула в большую кладовую. С нескрываемой злобой она ткнула меня пальцем в грудь.

— Как ты смеешь здесь появляться? Существуют определенные правила, Стид Паркер. Тебе повезло, что у меня нет ножниц, иначе я бы выполнила угрозу.

Я сглотнул, и попытался выйти, но споткнулся.

— Вон из класса!

— Эй, Пакстон, подожди. Я даже не знал...

Она покачала головой.

— Не устраивай сцен. Здесь люди, с которыми мы вместе ходили в школу, Стид. Я прошу тебя уйти.

Так, вот кто это был!

— Мэнни Паттерсон. Вот кто это был, — сказал я, щелкнув пальцами.

Открыв дверь, Пакстон вышла и тихо сказала:

— Пожалуйста, уйди.

Ее голос сорвался, и моя грудь скжалась. Глаза начали бегать по комнате. Несколько человек посмотрело на нас, когда я быстро вышел из кладовки с Пакстон. Думаю, это мое призвание, ложать.

— Я не знаю, почему ты здесь, но пожалуйста, уйди. Это моя работа, Стид. Пожалуйста!

Прежде чем я успел объяснить, ко мне подбежала Хлоя.

— Папа! Папа! Посмотри на мой стол. Это так красиво!

Я наклонился к ней и улыбнулся.

— Я сейчас подойду, тыковка. Я разговаривал со старым другом.

Хлоя взглянула вверх и ахнула.

— Ты красивая. Ты принцесса?

Я смотрел, как тает гнев Пакстон. Она нежно смотрела на Хлою, но я мог видеть боль на ее лице.

— Нет, милая. Я мисс Монро, учитель.

Мое сердце упало, когда Пакстон подтвердила то, что я уже знал. Глазами я нашел маму. Она улыбалась. Она знала. Она знала, черт, побери!

Бля. Моя. Жизнь.

— Папа! Ты слышал это? Твой друг — мой учитель! — ее руки обвились вокруг моей шеи. Я поднялся, держа на руках Хлою. Весь мир застыл, когда я посмотрел в глаза Пакстон, которые наполнялись слезами.

Бля, не так я хотел рассказать Пакстон о Хлое.

— «Папа»? — спросила она дрожащим голосом.

Хлоя повернулась к ней лицом.

— Мы переехали сюда из Орегона. Дожди идут там все время. Папа сказал, что у меня будут собственные козы, и я буду ездить на корове!

Пакстон уставилась на Хлою. Мое сердце так сильно колотилось в груди, что я уверен, все в комнате могли слышать его стук. В памяти всплыл звук плача Пакстон, и он звучал в голове так громко, что я захотел закрыть уши и убежать.

Наконец, Пакстон издала небольшой смешок.

— В Орегоне всегда дождь. И козы? Как интересно. Хлоя, почему бы тебе не пойти за свой рабочий стол. Там тебя ожидает сюрприз.

Я поставил Хлою на пол и наблюдал, как Пакстон наклонилась к моей дочери. Она изучала ее лицо и сморгнула навернувшиеся слезы.

— Я так счастлива, что ты здесь, Хлоя. Я не могу дождаться, чтобы узнать тебя. Добро пожаловать в Оук-Спрингс.

С огромной улыбкой Хлоя обняла Пакстон.

— О, спасибо, мисс Монро! Я пойду искать мой сюрприз, — Хлоя, а вместе с ней я и Пакстон, направилась к столу.

Я взглянул на Пакстон. Ее рука прикрыла рот в попытке удержать свои эмоции. Она медленно обернулась ко мне.

— Мне очень жаль, Пакстон. Я не знал, что ты учитель. Я бы приехал и поговорил с тобой заранее. Я никогда бы не свалил это на тебя. Надеюсь, ты веришь?

Ее подбородок задрожал, прежде чем она подняла его выше и откашлялась.

— Извини меня, мне нужно поговорить еще и с другими родителями, — она посмотрела на меня, продолжая уже деловым тоном. — А сейчас... кх-кх... мистер Паркер, пожалуйста, обратите внимание. На рабочем столе, лежит несколько примеров того, над чем мы будем работать в первую неделю школы. Там же список будущих работ, пожалуйста, выберите что-то, прежде чем уйти, — она остановилась на мгновение, прежде чем снова обрела душевное равновесие. — Еще есть документ на участие в волонтерской деятельности, приглашаются родители. Не стесняйтесь, подпишите, и участуйте вместе с вашей женой. Это высоко ценится.

Я сделал шаг ближе к ней.

— Пакстон. Это не...

Она покачала головой, и опустошенное выражение появилось на ее лице. Я почувствовал, как меня словно ударили в живот.

— Не надо. Пожалуйста, остановись, — тихо сказала она, и отошла к другой семье. Я смотрел, как она улыбнулась им, и представил, что было, если бы я не сломал ее мир... снова.

Счастливое выражение моей матери, стоящей рядом с Амелией недалеко от стола Хлои, сменилось на недоуменное. Гнев охватил меня. Я подошел к ним.

— Почему ты не сказала мне, что Пакстон будет учителем Хлои?

Она пожала плечами.

— Ты запрещаешь мне говорить о ней.

— Мне нужно поговорить с тобой наедине, мама. Сейчас! — наклонившись, я поцеловал Хлою в щеку. — Папа и бабуля сейчас придут. Тетя Мели будет здесь, ладно?

Хлоя рылась на столе, глядя на все в удивлении.

— Хорошо, папа.

Я последовал за матерью из класса, и дальше, до конца коридора. Когда мы, наконец, дошли, я потерял самообладание.

— О чём ты думала? Какого черта, ты не предупредила меня. Мама! Я даже не был уверен, что она живет здесь!

— Не разговаривай со мной в таком тоне. Ты сказал, что не желаешь говорить о ней. Что ты не хочешь знать, что она делает и где она живет. Я не знаю, что произошло между вами двумя, но уверена — вы предназначены друг другу.

Я провел рукой по своим волосам.

— Господи, Боже мой, мама. Зачем ты это сделала?

Она ударила меня по затылку.

— Не произноси имя Господа всуе.

Я согнулся, оперев руки на колени, и сделал несколько глубоких вдохов. Эмоции клокотали во мне. Когда я увидел эти глаза, мой живот скрутило, и я не хотел ничего больше чем поцеловать ее и попросить прощения. Она посмотрела на меня с такой

ненавистью, что все, что я мог чувствовать — страх и сожаление. Вину. Добавим, что дерьмо, там тоже было. Много.

Грусть в ее глазах, уронила меня на пол. Все, что я видел — ей до сих пор больно.

— Стид, я не знаю, почему вы поругались, и что заставило тебя бежать в Орегон, но думаю, что это второй шанс.

Я поднял руку, чтобы остановить ее.

— Мам, не надо. Ты не представляешь, что ты пытаешься сделать.

— Вы оба так сильно любили друг друга. Разве ты не помнишь совместные планы, которые вы строили? Вы оба собирались ехать в Техасский университет. Затем вернуться домой и строить жизнь вместе. Вы говорили о браке и детях.

— Пожалуйста, остановись, — умолял я.

Она продолжала говорить, и мой живот свело. Я больше не мог понять ее слов. Единственное, что я слышал — плач Пакстон. Громче. И еще громче, пока не стал таким оглушительным, что я закричал:

— Стоп!

Мама подскочила от испуга.

— Боже мой, Стид, что с тобой? Ты наверное устал с дороги.

Я не смог остановить слова, что сошли с моих уст.

— Вы когда-нибудь задумывались, почему я не приезжал сюда так долго, мама? Я не был здесь десять лет!

— Ты был упрям. Это семейная паркеровская черта, — сказала она.

Я покачал головой.

— Нет, мама. Пакстон была беременна и потеряла ребенка за день до окончания школы.

Ее глаза расширились в шоке, а рука закрыла рот. Я закрыл лицо руками и издал рык, прежде чем глянуть на нее.

— Когда она сказала мне, что беременна, я ответил, что я не хочу быть отцом. Что мы слишком молоды, и что ребенок разрушит нашу жизнь.

Ее рука опустилась и она прошептала:

— О, Стид. Скажи, пожалуйста, ты просил ее сделать...

— Нет. Но я сказал ей, не могу быть отцом. Мне еще рано. Я избегал ее в течение недели после того, как она сказала мне. Потом она потеряла ребенка, а я... я был так рад. Она кричала и кричала. Напоследок она сказала, что ненавидит меня и не хочет больше никогда видеть. Я знал, что совершил ошибку, и не знал, как исправить. Корд сказал — ей нужно время.

Гнев охватил лицо матери.

— Корд знал?

— Он единственный, кто знал.

Гнев на ее лице быстро сменился ужасом.

— Ты уехал, чтобы справиться с потерей своего ребенка?

Старая вина разорвал меня вновь. Моя мама, посмотрела на меня в первый раз в жизни с разочарованием в глазах.

— Да, — прошептал я.

Она отвернулась. Я закрыл глаза и пожалел, что не могу вернуться во времени назад. Я бы сделал все по-другому. Я бы сжал Пакстон в своих руках и сказал ей, что все будет хорошо. Что мы пройдем через это вместе.

Вместо этого, я сбежал, как трус. Я вошел в состав футбольной команды штата Орегон, и играл там, в течение четырех лет. И не вернулся к единственной женщине, которую я любил.

— Почему ты не вернулся домой?

Мама повернулась и посмотрела мне в глаза. Я молчал.

— Ответь мне, Стид Паркер.

— Я знал, что поступил с ней плохо. Я причинил ей боль. Я обидел ее. Я не мог смириться, что она будет смотреть на меня с ненавистью. Это было легче — держаться подальше.

Ее голова медленно качалась из стороны в сторону, когда мама подошла ближе.

— Легче для кого, Стид?

Снова отвернувшись, мама смотрела в пустой коридор. Она покачала головой и обняла себя за талию.

— Если бы знала, я бы никогда так не сделала. Пакстон заслужила предупреждение о Хлое, — она закрыла в ужасе рот рукой. До нее дошло, как чувствовала себя Пакстон, когда познакомилась с Хлоей.

— Мне жаль, что я никогда не говорил тебе и папе. Я знал, что ты будешь зла на меня.

Когда мама посмотрела мне в глаза, я затаил дыхание.

— Я не сержусь, Стид. Трудно сердиться на собственного ребенка. Но твои действия, то, как ты себя повел. Я глубоко разочарована в тебе. Я не растила тебя трусом.

Поморщившись, я сделал шаг назад. Слова больно ударили меня.

Мама направилась по коридору обратно в класс. Я не двигался. Мои ноги словно налились свинцом, пока я наблюдал за идущей матерью.

Я заслужил это разочарование и многое другое.

Я спустился в холл и вышел за дверь. Вскоре, я оказался сидящим на трибунах, глядя на футбольное поле. Все эти годы я избегал возвращаться домой из-за страха снова потерять Пакстон, и перед тем, что я сделал с ней. Я еще не пробыл здесь и дня, и уже обидел двух женщин, которых любил больше жизни.

Когда я взглянул на часы, то спрыгнул вниз и направился обратно в школу. Классы были пусты, все разошлись. Я шагнул в класс Пакстон, и нашел ее стоящей в одиночестве, глядящей в окно.

Она не обернулась, но знала, что это пришел я.

— Они ошиблись в написании ее фамилии. Написали не «Паркер», а «Парк».

Я стоял неподвижно.

— Мне очень жаль, Пакстон, — сказал я почти шепотом.

— Хлоя — милая девочка.

Моя грудь вновь заболела.

— Спасибо.

— У нее твои глаза, — ее голос дрогнул, и она обняла себя.

Я кивнул. Все, что я хотел сделать, это подойти к ней. Притянуть ее в свои объятия и сказать, как сильно я люблю ее. Сказать, как жаль, что я обидел ее. Но я не двигался.

— Мне очень жаль, Пакстон.

Ее плечи приподнялись, а когда она обернулась, я увидел те же злые глаза, которые смотрели на меня десять лет назад.

— Твоя семья ждет тебя. Ты должен идти. Они ушли минут пятнадцати назад.

Я сделал несколько шагов назад.

— Пакстон я…

Подняв руку, она покачала головой.

— Просто иди, Стид.

Ее голос звучал устало и расстроенно, так что я сделал, что она просила.

Я ушел.

Потому что я, был так чертовски, хорош в этом деле.

ГЛАВА

300

Пакстон

После того как Стид вышел из класса, я досчитала до тридцати, прежде чем прикрыть лицо и позволить себе заплакать.

Он вернулся.

Стид дома.

У него есть дочь.

От негромкого стука в дверь я подпрыгнула. Я опустила руки и увидела мою лучшую подругу со времен колледжа Корин, стоящую с ошеломленным выражением лица. В этом году в школе был недобор учителей, и я умоляла ее переехать из Остина в Оук-Спрингс, чтобы взять первый класс.

— Что произошло? Почему ты плачешь? — она бросилась в класс, закрывая за собой дверь.

Я практически бросилась на нее.

— Он вернулся. О Боже, Корин. Он вернулся, и у него есть семья!

Она отпрянула от меня и посмотрела в глаза.

— Стид?

Я кивнула.

— Святые крекеры. Хорошо. Это чрезвычайная ситуация. Я поняла.

Я почувствовала, как ослабели мои ноги. Я не могла выкинуть его взгляд из головы. В первую секунду когда увидела его, меня охватило счастье. Все, что случилось потом, отбросило меня назад. От его улыбки я потеряла контроль и позволила гневу выиграть.

Корин бросилась к столу, схватила мою сумку, выключила свет и потянула меня за руку к двери.

— Куда мы идем? — тупо спросила я.

— За мороженым.

Мое лицо обдувал прохладный ночной воздух, пока я бесцельно шаталась по городу. Большинство встреченных людей здоровались со мной. Оук-Спрингс был небольшим городком, и в большинстве, люди знали друг друга. Хотя, за последние годы все больше людей переезжало из Сан-Антонио и Остина, и наш маленький городок рос. Возросла деловая активность на центральной площади. И в историческом центре забурлила жизнь.

Я остановилась и огляделась. Тяга зайти в новый бар была сильной, но меня останавливало то, что Стид может быть там. Впрочем, есть вероятность, что он проводит вечер дома с женой и дочерью.

Подошла пара молодых людей.

— Простите?

— Ох, простите! — сказала я и отошла с их пути, дав им войти. Музыка кантри донеслась изнутри, и я вытянулась, чтобы заглянуть внутрь. Мужчина придержал для меня дверь.

— Вы заходите?

— Ох. М-м. Нет, — я сделала шаг назад.

Он пожал плечами, и позволил двери закрыться. Глядя вверх, я засмотрелась на неоновый знак.

«Cord's Plase»

Я сделала глубокий вдох, и решительно зашла внутрь. Я довольно сильно рисковала, заходя в бар принадлежащий Корду. В конце концов, он был младшим братом Стида. Несмотря на то, что это был небольшой городок, я делала все, что было в моих силах, чтобы избегать встреч с семьей Паркеров. Включая Корда, несмотря на то, что он стал мне хорошим другом после того, как Стид уехал из города. Впоследствии, даже быть рядом с ним, оказалось слишком болезненным.

Оглядевшись, я не могла поверить своим глазам. Корд действительно превратил это место в нечто удивительное. Я не была в баре с тех пор, как Корд купил его. Бар стал красивым. Стены облицованы деревянными панелями, и над барной стойкой висел гигантский неоновый знак: «Эй, как вы?». Бутылки с алкоголем стояли длинной линией вдоль бара. Я обратила внимание, что был надстроен ярус второго этажа. Наверху за столиками сидели посетители. На массивном деревянном танцполе, множество пар танцевало под песню Джорджа Стрейт.

— Пакстон?

Обернувшись, я улыбнулась.

— Привет, Корд.

Казалось, он рад меня видеть.

— Необычно видеть тебя здесь, — обняв, сказал он.

— Он вернулся. Я не знала о ней, — сказала я, вглядываясь в голубые глаза Корда.

Он кивнул и положил руку на мою талию, выводя из зала, направляясь вероятно, в свой кабинет. Место было перестроено, и все выглядело иначе. Когда мы вошли в кабинет, он закрыл дверь, и стало тихо.

Корд присел на край стола, пока я садилась в огромное кожаное кресло.

— Ты в порядке? — мягко спросил он.

Я сжала губы, пытаясь остановить дрожащий подбородок. Только Корд знал, что на самом деле произошло между мной и Стидом.

— Нет, — честно ответила я.

Он нахмурил брови.

— Я хотел рассказать тебе, но это не мое дело. Он должен быть тем, кто скажет тебе. К тому же, каждый раз как я видел тебя, Пакстон, ты уходила в другом направлении.

Я усмехнулась.

— Я избегала тебя и семью. Слишком боялась узнать что-нибудь о его жизни. Оглядываясь назад, я понимаю, что было довольно глупо вычеркивать вас всех из моей жизни.

Корд задержал дыхание.

— Он не сказал никому из нас, что он возвращается в Техас, только моим родителям, и это решилось лишь неделю назад.

Я покачала головой. Как я могла быть настолько глупой, чтобы думать, что я могу жить в этом городе и продолжать притворяться, будто Паркеров и Стида не существует?

— Он был не в себе на ужине, — сказал Корд.

Я посмотрела ему в глаза.

— Ужин?

— Да, родители задумали приветственный ужин для него и Хлои. Стид был неуравновешен, но пытался сохранять спокойствие ради дочери. После, он рассказал мне что случилось. Он чувствует себя ужасно. Никто не сказал ему, Пакстон. Он не имел ни малейшего представления, что ты будешь учителем Хлои. Честно говоря, я полагал, что мама предупредит и тебя и Стида. Но она не сказала ни слова.

— Да, он выглядел шокированным, когда увидел меня. Почти таким же, как я в тот момент.

Корд вздохнул.

— Я думаю, что он рассказал маме.

Он, сказал ей правду?!

Я ахнула и прикрыла рот. Что Мелани могла подумать обо мне?

— Она никому ничего не сказала, не волнуйся. Стид сказал, что она говорила о вас двоих, о том, как хорошо вам было вместе, о втором шансе. Стид растерялся и брякнул о ребенке, и вот что случилось.

Я откинулась в кресло с сильно бьющимся сердцем.

— Твоя мать подумает, что я шлюха, забеременевшая в школе.

Корд усмехнулся.

— Вряд ли. Но она не разговаривает со Стидом.

Я выпрямилась.

— П-почему?

— Она взбешена. Разочарована. Сердита. Печальна. Считает себя виновной в том, что тебе не сказала о его приезде.

Я обняла себя руками. Меня подташнивало. Я не думала о том, каково будет нашим родителям узнать, что они потеряли внука. С трудом сглотнув, я закрыла глаза.

— Когда я увидела его, была так счастлива. Около тридцати секунд. Затем каждая унция гнева вернулась ко мне. Все, что я хотела сделать, это пнуть его по яйцам. Потом подбежала его маленькая девочка, и мое сердце снова разбилось. Я так разозлилась, что у него есть ребенок, — взглянув на Корда, я не смогла сдержать тихий всхлип. — Как я могла злиться на невинного ребенка? Но я злилась, и в тот момент хотела высказать ему, как это несправедливо по отношению ко мне — иметь ребенка с другой женщиной, не со мной.

Глаза Корда казались грустными.

— Пакстон, ему было восемнадцать, и он был напуган до усрачки. Это была первая реакция, и в итоге он опомнился.

— Ты не видел облегчения в его глазах. Он был рад, что я потеряла ребенка.

— Не поверю, что небольшая часть тебя, не чувствовала так же.

По моим щекам покатились слезы.

— Нет. Внутри меня была часть Стида, и хотя я и знала, что беременность изменит все, этот ребенок был частью нас. Частью нашей любви. Мне было страшно, да, но сказать, что я почувствовала облегчение, нет. Все было наоборот, — я посмотрела в сторону и мягко усмехнулась. — И еще, я думала, что он любил меня.

— Он любил. Он любит, Пакстон.

— Ха! Он уехал из города и не вернулся, Корд. Он оставил меня бороться с потерей нашего ребенка в одиночестве. Я чуть не вылетела из колледжа в первом семестре, потому что была эмоционально разбита. Я не только потеряла ребенка, но и потеряла любовь всей своей жизни.

Корд смотрел на пол с мрачным выражением лица перед тем, как вскинуть взгляд.

— Ты угрожала отрезать ему член, если он когда-нибудь вернется.

Я улыбнулась уголком рта.

— Он мог позвонить или написать. Спросить, как я. Он ничего не сделал.

— Уверен, у него есть причина, Пакстон. Может вам стоит поговорить.

Холод прокатился по моему телу. Все эти чувства, которые я так долго пыталась похоронить, выбирались на поверхность.

— Причина? Он пошел дальше, и у него есть собственная семья.

Корд выглядел так, будто хотел что-то сказать, но сдерживался.

Я внутренне пыталась решить, задать следующий вопрос или нет? Любопытство победило.

— Какая она? Его жена?

Кордрыкнул от смеха.

— Стид больше не женат на этой психичке.

Вдыхая глоток воздуха, я пыталась не позволить этим новостям показать на моем лице слишком много.

— Что случилось?

Корд провел рукой по волосам.

— Ты уверена, что хочешь, чтобы я сказал тебе? Может быть, это должен сделать Стид.

— Ну, учитывая, что ты задолжал мне новость, что он женат и имеет дочь, думаю, что ты, должен рассказать мне это.

Его лицо вытянулось.

— Черт возьми, Пакстон. Ты бегала от меня как от чумы. Черт, ты избегала всю семью, и даже призналась в этом. В общем, это должен сказать тебе Стид.

— Мне жаль. Это было так тяжело. Вы все напоминаете мне о нем. Особенно Митчелл. Слишком больно видеть семью Стида.

Корд кивнул.

— Я знаю. Прости, что позволил оттолкнуть меня. Я не лучше чем Стид, раз позволил тебе разбираться с такими вещами в одиночку.

Я покачала плечами.

— О'кей. Ты был со мной, после того как он ушел.

Он кивнул. Я понимаю, что он ужасно себя чувствует из-за того, что произошло. Он был моложе меня и Стида. Если уж мы не справились, а он тем более.

— Что случилось с женой Стида?

Он сделал глубокий вдох и выпалил:

— Стид не встречался ни с кем до Ким. Они встретились семь лет назад, и я могу сказать, что он ничего не планировал. Потом умерли ее родители, и она пригрозила ему серьезным дерзом, и Стид запаниковал. Он не знал что делать, поэтому позвал ее замуж. К тому времени, он понял, что пиздецки облажался. Примерно через месяц после того как они поженились, он сказал Ким, что хочет развода. Она сказала ему, что беременна. Несмотря на то что он не хотел быть в браке с ней, он чувствовал вину в том что случилось с тобой. Это ударило по нему, и он остался. После рождения ребенка Ким превратилась в другого человека. Она думала, что Стид принесет много денег. Он пытался несколько раз подать на развод. А Ким пригрозила, что уедет вместе с Хлоей, и он никогда не найдет их. Дошло до того, что мои родители должны были тайно встречаться со Стидом и Хлоей, чтобы Ким не узнала.

— Почему они должны были хранить эти визиты в секрете? — спросила я.

Корд снова провел рукой по волосам.

— Это был план, Пакстон. Ким была жадна до денег и одержима тем, что Стид унаследует ранчо. Несмотря на то, что он держал ее подальше от Техаса, он все еще помогал папе с некоторыми финансовыми вещами на ранчо. Инвестиции и все такое. Ким наткнулась на информацию, и все, что она могла видеть, это знаки доллара. В конечном итоге придумали план. Сделать вид, что родители отказались от Стида, чтобы вычеркнуть Ким из его жизни. Когда Ким поняла, что ничего не получит от Стида кроме брака и

дочери, которую она не хотела, она подала на развод и подписала отказ на права на Хлою. Первое, что сделал Стид, это переехал сюда.

К тому времени, как Корд закончил, я сидела в оцепенении. Одна часть меня была рада услышать, что Стид прошел через ад с этой женщиной, но другая часть меня чувствовала боль за него, и особенно за Хлою.

— Значит, мама отказалась от дочери без раздумий? — ошеломленно спросила я.

Корд кивнул.

Он выглядел обеспокоенным.

— Что? Что такое? — спросила я.

— Стид рассказал, что бывшая эмоционально оскорбляла Хлою. Она ненавидела Стида, и в основном игнорировала дочь. Насколько он мог, он пытался оградить Хлою, но некоторые высказывания Ким о том, как сильно она ненавидела свою жизнь, дошли до ушай бедняжки.

Мое сердце разбилось.

— Бедный ребенок. В аду есть особое место для этой женщины.

Корд согласился.

— Да, надеюсь, она сюда не доберется. Я не представляю, что Стид может с ней сделать.

Я пожевала свои губы и встала.

— Мне лучше уйти. Уже поздно.

Корд подошел ко мне.

— Я рад, что ты пришла, Пакстон. Рад был тебя видеть. Пожалуйста, не пропадай. Наша семья скучает по тебе.

Он тепло улыбнулся, и я ни смогла не сделать тоже.

— Скажи всем, что я передаю привет и скучаю по ним. Я сегодня общалась с Амелией в школе. Не могу поверить, она такая прекрасная и взрослая. Я помню ее маленькой девочкой с косичками.

Корд простонал, закатив глаза.

— Да, а сколько я дрался из-за нее.

Я подавила смешок. Амелия, должно быть, недалеко ушла от своей старшей сестры Вайелин, которой самое место охотницы в отряде повстанцев.

— Спасибо за все, Корд.

Он притянул меня в объятия.

— Ты все еще часть нашей семьи, Пакстон. Тебя всегда рады здесь видеть.

Дверь в кабинет Корда открылась, и еще не видя пришедшего, я поняла кто это.

Корд опустил руки, и я развернулась. Взгляд Стида метался между нами двумя, смятение быстро перешло в гнев. Тревор хлопнул в ладоши и вошел в кабинет.

— Пакстон! Моя девочка! Где, черт возьми, ты была?

Он обнял меня. Я засмеялась, когда он меня отпустил. Полагаю, он увидел обнимающего Корда, и это послужило знаком для Тревора, что можно сделать то же самое.

— О, Трев, ты так вырос.

Его ухмылка расширилась.

— Что ты делаешь здесь с Кордом?

Я посмотрела на Стида. Он пялился на Корда так, будто хотел оторвать ему голову. Я знала, как это выглядело со стороны, когда они вошли и увидели нас в объятиях. Он не знал, что я не разговаривала с Кордом несколько лет.

— Я проходила мимо и подумала, что было бы неплохо зайти. Я не была здесь с тех пор, как Корд открыл бар.

— Мы наверстывали упущенное, — подмигнув, добавил Корд.

Мое тело задрожало, когда я почувствовала на себе пристальный взгляд Стида.

Тревор засмеялся.

— Ну, черт возьми, ты все еще хочешь оторвать Стиду яйца, Пакстон?

Наши глаза встретились. Он будто заглядывал в мою душу. Меня накрыла неуверенность. Сердце тянуло меня к нему, но моя голова стояла на страже чувств. Я обещала себе, что никогда не позволю другому человеку уничтожить меня как Стид.

Я немного улыбнулась.

— Это был его член. И я собиралась отрезать его и засунуть ему в глотку.

Тревор зашелся смехом, и Корд усмехнулся. Глаза Стида потемнели, но он улыбнулся. Внизу живота рас пространилось тепло, и я адски старалась игнорировать это. Когда я больше не могла терпеть его пристальный взгляд и то, как его сексуальная улыбка действует на меня, я повернулась к Корду.

— Спасибо за то, что выслушал. Надеюсь, мы еще увидимся.

Он кивнул.

— В любое время, Пакстон.

Тревор снова обнял меня.

— Потанцуй со мной перед уходом.

Я засмеялась и уперлась в его широкую грудь. Я забыла, каково это, чувствовать под своими руками мужское тело. Тревор, казалось, шел по стопам старшего брата. Парни Паркера были не только великолепны, но и адски горячи.

— Гарантийный талон на следующий танец устроит? — с улыбкой спросила я. Тревор кивнул и снял ковбойскую шляпу, чтобы поцеловать меня.

Глубоко вдохнув, я направилась к двери, где все еще стоял Стид. Он был в ковбойской шляпе, и мне понадобилась вся сила воли, чтобы не облизнуть губы. Я остановилась перед ним. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но тут же закрыл его.

Он шагнул в сторону, чтобы позволить мне пройти, но когда я шла мимо, он взял мою руку. Сердце чуть не выпрыгнуло из груди, и я судорожно вздохнула. Знакомое чувство вновь пронзило мою кожу.

— Пакс, мы можем поговорить?

Все внутри кричало: «бежать». Все, кроме моего сердца. Стид был единственным человеком, который называл меня Пакс, и он обычно говорил это шепотом, занимаясь со мной любовью.

Мои глаза устремились назад к Корду. Он усмехнулся.

Сосредоточившись на Стиде, я прикусила губу, и коротко вздохнула.

— Сегодня я не могу, Стид.

В его глазах читалась надежда, и он слегка сжал мою руку. Мое сердце так сильно стучало в груди, я едва могла думать.

— Когда?

Я пожевала губы. Моя голова кружилась, и я так запуталась. Я хотела злиться. Я хотела его ненавидеть. Все во мне хотело уйти, сказав, что я больше не хочу с ним разговаривать. Но я не смогла. Не тогда, когда он так смотрел на меня. Не тогда, когда мое сердце болело за него.

— Я не знаю, когда буду готова.

— Могу я позвонить тебе через несколько дней?

Я тяжело сглотнула.

— У тебя нет моего номера.

А потом это произошло. Он улыбнулся, и на щеках показались ямочки. Мои пальцы зудели, настолько я хотела погладить его однодневную щетину. Я жаждала почувствовать это на своих губах.

— Твой мобильный телефон находится в информационном пакете, который Хлоя привезла домой.

— О-о, — протянула я, погрязнув в мечтах о его прикосновениях ко всему моему телу. Я не могла оторвать глаз от его губ, пока мои мысли продолжали меня мучить.

Боже. Соберись, Пакстон. Помни, что он с тобой сделал.

Освободив руку, я сделала шаг назад. Я сщурила глаза и подняла подбородок. Я не хотела позволять моему желанию контролировать мои эмоции. Он причинил мне достаточно много боли, и его сексуальная улыбка не могла это исправить.

Мой голос треснул, когда я сказала:

— Я должна идти.

Улыбка Стида исчезла. Пульсирующую боль в груди было трудно игнорировать. Знакомая боль поселилась вновь. Я нашла в себе силы повернуться и уйти. Задержись еще немного, я стояла бы перед выбором, поцеловать его или же дать ему по яйцам.

Выравнивая дыхание, я направилась к двери. Голова боролась с сердцем, и я не знала, кто одержит победу.

Пакстон

Войдя в дом, я включила свет и осмотрела его от гостиной и до кухни. Спокойствие омыло мое тело. Я любила свой дом. Он был построен в 1898 году, и последние владельцы покинули его десять лет назад, оставив его разваливаться. Когда я наткнулась на объявление о продаже дома, то мне показалось, что у нас есть что-то общее.

Мы были брошены и сломлены.

С помощью моего отца и нескольких друзей, я выбросила все старое и вернула его к жизни. В процессе восстановления дома, я восстановилась и сама. На первом этаже была открытая планировка, за исключением гостиной и туалета.

Сбросив обувь, я медленно поднялась по лестнице. На втором этаже размещались две гостевые комнаты, до которых у меня еще не дошли руки, ванная комната и моя спальня.

Моя спальня — первая комната в доме, которую я отремонтировала и обставила. Умиротворяющие оттенки серого были по всей комнате. Темно-серые занавески, светло-серые стены. Стулья были того же цвета, что и стены, но отделаны синей окантовкой. Постельное белье было смесью цветов бирюзы и серебра. В то время, когда я выбирала этот цвет, я даже не поняла, что делаю. Теперь... теперь, когда вернулся Стид, из памяти всплыло воспоминание, захватив мое сердце и заставив меня упасть на пол и закрыть лицо руками.

— Когда у нас будет собственный дом, как ты хочешь украсить нашу спальню?

Стид сплел свои пальцы с моими.

— Ну, тебе нравится синий цвет, и мне нравится серый. Я думаю, мы должны объединить их вместе.

Мы сидим в нашем любимом месте, я прислонилась к его телу и наблюдала, как течет река Фрио.

— Мне нравится. Может быть, добавить немного серебра для гламура.

Стук сердца в груди Стида заставил мое тело согреться.

— Да хоть светло-зеленый, или желтый банановый цвет. Мне все равно до тех пор, пока я просыпаюсь утром, держу тебя, и целую каждую ночь.

Звонок телефона вытащил меня из воспоминаний. Утерев слезы, я вынула из заднего кармана телефон.

Корин.

Нажав кнопку, я переправила звонок на голосовую почту. Мне нужно было побывать одной, чтобы определиться с планом.

Я подошла к большому серебряному комоду и открыла верхний ящик. Отодвинув одежду, я вытащила черный бархатный мешочек, который хранил воспоминания о моем прошлом со Стидом. Я прижимала его к груди, пока новый поток рыданий сотрясал мое тело.

Глубоко вздохнув, я выдохнула. Я ждала в классе, когда прибудут дети. Первый день школы всегда был напряженным как для детей, так и для родителей. Но сегодня я была одной из взволнованных.

Прошло четыре дня, с тех пор как я увидела Стида. Он не звонил, что меня не удивило. Хотя я ругала себя, что позволила себе ждать его звонка в эти дни.

Я улыбнулась, когда первые дети начали входить в класс.

— Доброе утро! Мамы и папы прощаются у двери, а потом мальчики и девочки, пожалуйста, заходите и садитесь на свои места. Вас ждет интересная раскраска.

Я повторяла приветствие каждые три минуты или около того.

Это был один из самых сложных моментов в моей работе. Каждый год я сдерживала слезы, когда смотрела, как родители держатся за своих детей. Их слезы были трудно игнорировать, поскольку я боролась с собственными.

Улыбка. Просто продолжай улыбаться.

Прогуливаясь по классу, я помогла каждому ученику начать свой проект окраски, ожидая появления всех учеников. Мое тело начало покалывать, и когда я подняла глаза, увидела Стида и Хлою в дверях. Мое сердце разбилось, когда я увидела, как она плачет, вцепившись в Стида. Он обнял ее и что-то прошептал. Она покачала головой и сильнее сжалась его.

Обычно я никогда не прерывала родителя и ребенка в первый день, но я видела, что они оба плохоправляются. Глубоко вздохнув, я направилась к ним. Хлоя оглянулась на меня и слабо улыбнулась. Сев на корточки, я встретилась с ней глазами. От меня не ускользнуло, как близко я была к Стиду. Мое тело мгновенно почувствовало его жар.

— Доброе утро, Хлоя-Кэт.

Ее глаза загорелись, услышав прозвище. Я даже не поняла, как у меня оно вырвалось. Я никогда не давала своим ученикам прозвища.

— Все в порядке? — спросила я, вытирая ее слезы.

— Боюсь, — сказала Хлоя между всхлипываниями.

Взглянув на Стида, я увидела, что это убивает его.

— Это нормально бояться, Хлоя. Ты не единственная, кто нервничает, но я обещаю, что сегодня тебе будет очень весело.

Хлоя наклонила голову.

— Я просто нервничаю? Не боюсь?

Я засмеялась.

— Может быть, немного того и другого.

Она повернулась к Стиду.

— С тобой все будет хорошо без меня, папа?

Мое сердце остановилось. Он так ей дорог? От взгляда на лице Стида, я затаила дыхание.

Стид взял ее руки.

— Я буду скучать по тебе, тыковка. Обещаю, что со мной все будет в порядке.

Я замерла. Это было имя, которым он назвал меня много лет назад.

Он поцеловал каждую ее ручку.

— Спой, папочка.

Лицо Стида побледнело.

— Хм, мы делали это в машине, Хлоя.

Ее маленькие губы надулись, и я была уверена, что она вот-вот расплачется снова.

Обратившись к Стиду, я сказала:

— Сегодня такой особенный день, а твоя песня дважды сделает его особенным. Хлоя кивнула. Мы ждали, когда взгляд Стида метнулся от меня к Хлое. Было очевидно, что он нервничал.

— Я не думаю, что это хорошая идея, — пробормотал он.

— Папочка, пожалуйста! — умоляла Хлоя.

Он сглотнул, а затем мягко начал петь.

— *Ты и я.*

Я молилась, чтобы он не заметил как часто и резко я начала дышать.

Затем и Хлоя запела.

— *Я и ты.*

— *Никто не должен рассказывать мне,* — пел Стид.

— *Ибо ты всегда будешь моей истиной.*

Глаза Стида поймали меня, когда он исполнил последнюю строчку.

— *Да-а, ты всегда будешь моей истиной... истинной... любовью.*

Он пел так тихо, я едва слышала слова.

Глаза мои наполнились слезами, когда Стид смотрел на меня.

— Я люблю тебя папочка.

Не отрывая взгляда от меня, Стид прошептал:

— Я люблю тебя.

Посмотрев на Хлою, он прочистил горло и сказал:

— Я тоже тебя люблю. Хорошего дня, тыковка.

Когда встала, я чуть не потеряла равновесие, и Стид взял меня за руку, чтобы удержать. Я почувствовала, как меня тряхнуло, как от удара током. Посмотрев на него, я поняла, что он почувствовал то же самое.

Он пел *нашу* песню дочери. Моя рука неосознанно легла на живот, так как моя мечта о том, что бы Стид пел это нашему ребенку, вспыхнула перед глазами. Я еле сдерживала слезы.

— Пакстон, — прошептал он, смотря умоляющими глазами. — Прости. Я пою ее с первого дня ее рождения.

Я хотела сказать ему, что все в порядке. Но это было не так. Ничего из этого не было. Гнев заменил все эмоции, которые я чувствовала сейчас.

— Ты опять не позвонил, — резко сказала я. — На прошлой неделе. Ты сказал, что позвонишь.

О Боже! Я как глупый раненый подросток.

Он улыбнулся.

— Я думаю, в документах твой номер написан неверно.

Изогнув бровь, я откинула голову назад. *Какое оправдание.*

— Что? Я так не думаю.

— Когда я позвонил по номеру, мне ответил пожилой человек по имени Фрэнк. Он разговаривал со мной почти час, прежде чем я смог положить трубку.

О нет. Я оставила неправильный номер?

Стид достал телефон, чтобы показать мне.

Ага. Я оставила неправильный номер. Я закрыла рот, чтобы скрыть свой смешок.

— Дерьмо, — прошептала я.

— Мисс Монро, я должна пойти и сесть на свое место?

Я взглянула на Хлою.

— Обними быстренько своего папу на прощание, и начнем веселиться!

Она махнула рукой, и Стид сделал то же самое. Я повела Хлою к ее столу.

— Доброе утро, мои прекрасные детки.

— Доброе утро! — закричали пятнадцать звонких голосов.

Я подошла к своему столу и оперлась на него.

— Сегодня будет то, что мне нравится называть днем веселья.

— Неужели мы не будем веселиться после сегодняшнего дня? — спросил маленький мальчик по имени Тимм.

Смеясь, я ответила:

— Надеюсь, мы будем веселиться каждый день, но сегодня это особый день веселья. Мы будем изучать всевозможные забавные вещи. Но сначала мы отправимся на экскурсию и пойдем в библиотеку!

Взорвались возгласы счастья. Оглядев класс, я увидела, что Стид все еще стоит в дверях, глядя на Хлою. Он, должно быть, расшифровал мой взгляд — кивнул и ушел, прежде чем Хлоя повернулась и увидела отца.

Хлопая руками, я оттолкнулась от стола. Я была в своей стихии. Мне нравилось учить. Мне нравилось быть с детьми. И, конечно же, я была бы рада отвлечься от Стида Паркера.

— Первое, что мы узнаем — что нужно обращать внимание, когда учитель говорит. Я собираюсь научить вас песенке-речевке. Когда я начну ее напевать, все должны смотреть на меня.

Я осмотрела очаровательные лица детей и остановилась, увидев большие голубые глаза, которые смотрели в мои. Хлоя была точной копией своего отца.

Так много для того, чтобы «не думать» о Стиде. Он ушел, но оставил о себе напоминание, со светлыми косичками и яркими нетерпеливыми глазами.

Стид

Ключи издали громкий звук, как я бросил их в маленькую чашу, которую Хлоя сделала в прошлом году.

Зайдя в большую гостиную, я начал говорить сам с собой:

— Какого хрена мне теперь делать?

Зазвонил дверной звонок.

Открыв дверь, я улыбнулся, когда увидел, что там стояла моя младшая сестра.

— Привет, — сказала Амелия.

— Эй. Что привело тебя сюда?

Она пожала плечами, а потом вошла. На плече висела сумочка, в одной руке банка диетической Пепси, в другой гигантская сумка.

— Я решила, что смогу поработать здесь, и составить тебе компанию. Я подумала, сегодня будет тяжелый день, когда Хлоя уйдет в школу и все такое.

Я провел рукой по волосам.

— Да, это было несколько жестко.

Амелия положила сумку на журнальный столик и повернулась ко мне.

— Пакстон?

Кивнув, я опустился в мягкое кресло. Я все еще не привык к дому. Не то чтобы я скучал по дому в Портленде. Но все это было... приятным. Мои родители были загружены, пока мы росли. Нас никогда не баловали, и каждый делал свою работу на ранчо, и в дальнейшем, выбирал соответственное направление в обучении. Я всегда думал, что вернусь из колледжа и буду работать рядом с отцом. Вместо этого я получил диплом в области управления бизнесом, со специализацией в математике. Я, блядь, ненавидел математику, но был хорош в этом.

— С тех пор, как ты уехал, Пакстон старалась избегать нашей семьи. Если же сталкивалась с нами, всегда была вежливой. Когда она приезжала домой на каникулы из колледжа, то никогда не приходила к нам в гости, сколько бы мама не звала. Потом, после возвращения домой, когда видела нас, всегда сворачивала с пути, лишь бы не сталкиваться с нами.

Мой желудок сжался.

— Что ты с ней сделал, Стид? Я знаю, что ты рассказал все маме. Поэтому она с тобой не разговаривает. Она сказала папе, что еще никогда так не злилась на одного из своих детей.

Я открыл рот, чтобы ответить, но Амелия продолжила:

— Она сказала, что не будет мешать Пакстон, если она исполнит свою угрозу. Я помню, о чем речь, хотя мне было двенадцать. На выпускном, она сказала, что ненавидит тебя, что отрежет твои...

— О. Мой. Бог. Мэли, прекрати.

Она откинулась на спинку стула.

— На прошлой неделе, в школе, когда вы с мамой вышли из класса, Пакстон была расстроена. Она пыталась вести себя, словно все в порядке, но ее руки дрожали, и она все время касалась живота, — глаза Мели сщурились. — Я не глупая, и сложила два и два. Пожалуйста, скажи мне, что ты не заставил ее сделать то, о чем вы оба пожалели.

Я замер.

— Что? Какого, черта, ты имеешь в виду?

Она наклонилась вперед.

— Аборт?

Я вскочил.

— Нет, блядь. Я бы никогда этого не сделал!

Выдохнув, она пробормотала:

— Слава Богу! Так почему мама так злится на тебя?

Я покачал головой. Воспоминания сильно ударили по мне. Крики Пакстон вторили моим мыслям. Может быть, это было не очень хорошо, рассказать Мэли, но я устал держать это в секрете. Надоело притворяться, что этого никогда не было.

— Последний учебный день в школе, Пакстон сказала мне, что беременна.

Амелия прикрыла рот рукой.

— Она была беременна?

Тяжело сглотнув, я мыслями вернулся в день.

Пакстон сидела на трибунах, глядя на футбольное поле. Я получил ее сообщение о встрече, незадолго до этого. Как только я ее увидел, то понял, что что-то не так. Мое сердце начало биться сильнее. Мы оба были готовы ехать в Техасский университет «A & M». Что, если она передумала? Черт.

— Привет, тыковка. Все в порядке? — Пакстон вяло улыбнулась и расплакалась. Бросившись к ней, я обнял ее.

— Пакс, детка, скажи мне, что не так.

Она уткнулась лицом в мою грудь и дернула меня за футболку.

— Скажи мне, что все будет хорошо, Стид.

Мольба в ее голосе напугала меня.

— Ты должна сказать мне, что случилось, Пакстон, прежде чем я пообещаю что «все будет хорошо», — я посмотрел на нее и обнаружил, что ее голубые глаза были красными, будто она плакала часами. Мое сердце колотилось.

— Все в порядке, тыковка? Скажи мне.

Она прикусила губу и уставилась на землю.

— Я беременна.

Мне показалось, что в меня бросили кирпич.

— Чт-о-о?

Она покачала головой.

— Я знаю как это страшно, но мы можем справиться с этим.

Я вскочил оттолкнув ее, и сделал несколько шагов назад.

— Я не хочу быть отцом прямо сейчас. Бля. Я не могу быть отцом прямо сейчас. Это все испортит.

Ее лицо побледнело.

— Я не брошу этого ребенка, Стид.

Сделав несколько шагов туда-сюда, я снова покачал головой.

— Мне жаль. Я не могу решить прямо сейчас. Мне нужно подумать.

— Значит, ты оставил ее там одну?

Я кивнул. Не пытаясь ничего приукрасить.

— Ты полный мудак. Неудивительно, что мама не разговаривает с тобой.

Нахмутившись, я ответил:

— Это не самое худшее. Я игнорировал ее до выпускного вечера.

Амелия ахнула.

— Стид Паркер.

— Мне нужно было время подумать. Черт, вся моя жизнь изменилась. Как только шок прошел, я понял, что мы сможем справиться со всем, пока будем друг с другом. Я понял, что буду любить нашего ребенка, и пошел к ней. Но было слишком поздно.

Глаза сестры расширились.

— Почему? Что она сделала?

Пакстон медленно поднималась по лестнице в школе, опустив голову. Бросившись к ней, я позвал ее:

— Пакстон!

Ее глаза наполнились слезами, как только она увидела меня.

— Прости, что избегал тебя. Мне нужно было время подумать обо всем. Мне жаль.

Она выглядела так, будто не спала неделю, и я ненавидел себя за то, что она пережила стресс в одиночестве.

— Я сказал, что не хочу быть отцом, но... я много думал. Мы можем сделать это, Пакс. Я люблю тебя и знаю, что буду любить нашего ребенка.

Слеза сползла вниз по ее щеке.

— Я потеряла ребенка рано утром. Я только что от врача.

Облегчение омыло мое тело, и я закрыл глаза, прошептав:

— Слава Богу.

Когда я открыл глаза, ужасное выражение Пакстон ошеломило меня.

— Что?

— Ничего. Мне очень жаль. Почему ты мне не позвонила, Пакстон? Ты прошла через это в одиночку?

Ее глаза казались потерянными.

— Зачем мне звонить? Ты дал понять, что мы не нужны тебе. Что-то мне нехорошо. Зря я приехала в школу. Нужно было поехать домой и отдохнуть.

Я стоял ошеломленный, а она развернулась и направилась на репетицию выпускного вечера.

Мой живот скрутило. То, что я сделал, было непростительно. Я оставил ее, чтобы самому справиться с неожиданной беременностью. И потерей.

Когда я открыл глаза, слезы катились по щекам Амелии.

— О, Стид, как ты мог? Думаешь, она из-за стресса потеряла ребенка?

Я пожал плечами.

— Не знаю. После отъезда, я покопался в информации по выкидышам. Скорее всего, с беременностью изначально могло быть что-то не так, и она естественно прервалась. Но мое сердце говорит, что это из-за стресса, что испытывала Пакстон. Из-за меня она потеряла нашего ребенка. Вот почему я никогда не возвращался домой. Ни на праздники, ни просто так. А уж после рождения Хлои, тем более. Идея увидеть Пакстон, зная, что я сделал с ней... Чувство вины разрывает меня изнутри все эти годы. Иногда я думаю, что мой брак с Ким был моей кармой. Мое наказание за то, через что я подвел Пакстон. Хорошо, что я вытащил Хлою из этого.

Амелия подошла ко мне.

— Это безумие, Стид. Ты не знаешь, что заставило ее потерять ребенка.

Грубо рассмеявшись, я кивнул.

— На выпускном вечере, я пытался поговорить с Пакстон, но она была так зла. Она упрекнула меня моими же словами, что я рад потере ребенка. Когда я пытался сказать ей, что это была странная смесь эмоций, она сказала, что ненавидит меня, и пригрозила, сама знаешь чем.

— Она, наверное, уже не сердиться.

— Ты не знаешь Пакстон. Я приезжаю в город, и в довершении всего у меня есть дочь. Это как втирать соль в рану.

Амелия поморщилась.

— О, я даже не беру в расчет Хлою. Пакстон никогда бы не сделала ничего Хлое.

Я потер шею, пытаясь прогнать боль.

— Я знаю. Но ты бы видела, как она смотрит на меня. Там ненависть, как и десять лет назад.

Амелия заглянула мне в глаза и взяла за руку.

— Стид, я тоже проводила исследование по выкидышам, когда писала книгу. Для некоторых женщин, это потеря настолько велика, что они чувствуют ее в течение многих лет. Любая мелочь вызывает память о потере. Вот почему Пакстон избегала нашу семью. Мы напоминали ей о тебе, а ты, в свою очередь, напоминал ей о младенце, которого она потеряла.

— Но она была на маленьком сроке.

Амелия так сильно ударила меня по голове, что мой мозг звякнул о череп.

— Какого хрена, Мэли!

— Ты идиот! Стид, вспомни момент, когда ты узнал, что Ким беременна. Что ты чувствовал?

— Честно?

Она кивнула.

— Печаль. Злость. Потому что единственная женщина, с которой я хотел иметь ребенка, это Пакстон.

Амелия прикрыла рот рукой.

— Это самое печально-сладкое, что ты сказал. Ты тупой мудак.

Мои плечи упали.

— Прекрати называть меня так!

— Эй, что если это тебе подходит!

Я вздохнул.

— После того как Пакстон сказала мне, что беременна, я испытал шок, а потом был действительно взволнован. Мне было немного страшно, но я знал, что мы сделали что-то красивое и замечательное вместе. Я хотел сказать ей это. Я просто растерялся, когда она сбросила бомбу на меня. Когда Ким сказала мне, что беременна, на меня нахлынула вина перед другой женщиной. Единственное, что я знал наверняка, я хотел ребенка. Когда я увидел УЗИ, я сразу же влюбился.

— Если бы ты увидел УЗИ ребенка Пакстон, ты бы тогда реагировал по-другому?

Я пожал плечами.

— Черт, я не знаю. Я был старше, когда Ким забеременела. Почти закончил колледж. Более уверен в себе и в своем будущем.

— Ребенок был внутри Пакстон, Стид. Твой ребенок рос в ней. Подумай о том, какова была эта потеря для нее, ведь она не только потеряла вашего ребенка, она потеряла ВАС.

— Бля. Твою мать.

Тошнота поднялась к горлу. Я побежал в туалет, и меня вывернуло завтраком.

ГЛАВА 6.

Пакстон

Хлоя и Тимми стояли рядом и держали меня за руки, пока родители подходили, чтобы забрать своих малышей. В южной части школы, вдали от старших школьников, находилась уличная площадка детского сада, где в ожидании родителей играли дети. У родителей была возможность подняться за ребенком в класс или забрать с улицы. Обычно, в первые дни, большинство родителей забирали детей из класса. С оставшимися детьми я стояла на улице.

— Сегодня было весело, мисс Монро.

Взглянув на Тимми, я улыбнулась.

— Я рада, что ты повеселился.

— Я надеюсь, что найду питомца, чтобы на следующей неделе, принести его в класс, — добавил Тимми.

Я сделала заметку, что нужно подобрать питомца в класс. Мне и так пришлось заимствовать на время чужую кошку. Я совершенно забылась на этой неделе. Еще одна вещь, в которой я могла бы обвинить Стида.

Тъфу.

Стид.

— А у вас есть домашнее животное, мисс Монро? — спросила Хлоя. Я взглянула на нее. Отлично. Эта, никто не собирается пропускать. Яблоко от яблони далеко не падает.

Я приложила палец к губам и наклонившись, прошептала:

— Я забыла взять его, Хлоя-Кэт!

Ее глаза загорелись, и она попыталась сдержать улыбку. Я не задумывалась, почему начала ее так называть, и делала это, когда другие дети не могли слышать. Я боялась уделять ей больше внимания потому, что она дочь Стида. Но, зная, что ее мать никогда не давала ей любви, которую она заслуживала, мое сердце болело. Я хотела уделить ей так много внимания, что мне приходилось сдерживать себя. Опять же — Стид виноват.

Тъфу.

— Там моя мама! Пока, мисс Монро! — крикнул Тимми.

Часть родителей подходила ко мне, спрашивали, как прошел первый день у детей. Некоторые, просто забирали своего ребенка и уходили.

Хлоя отпустила мою руку, и пошла к своей новой подруге Лилли. Я улыбнулась, наблюдая, как обе шепчутся и хихикают.

— О Боже! Вот он.

Я повернулась на возглас, и увидела, как одна из мам разговаривает с другой мамой недалеко от меня.

— Я видела, когда он привел свою дочь этим утром. Я слышала, что он вдовец.

Другая мама ахнула:

— Нет!

— Да! Посмотри на это тело. Сразу видно, он один из братьев Паркер. Дайте мне одну ночь с ним, и я заставлю его забыть мертвую жену.

Мои глаза расширились от шока. *Что происходит в этом мире?*

— Папа! — крикнула Хлоя, и побежала к Стиду. Он поднял ее одной рукой, как будто она ничего не весила, и обе мамы рядом со мной вздохнули.

— Посмотри, как он силен, — замерла одна.

Я закатила глаза.

Стид встал на колени, вытащил из-за спины маленький букет цветов и протянул Хлое.

Теперь я вздохнула одновременно с этими двумя мамашами. Я не могла не улыбнуться. Это было характерно для Стида. Он всегда приносил мне цветы просто так. От этого я чувствовала себя особенной.

Хлоя обняла шею отца. Она схватила руку Стида и потянула его туда, где стояли Лилли и ее мать.

Одна из мам хмыкнула, заставив меня вновь обратить внимание на их разговор.

— О, круто. Джина Хиггинс собирается вцепить в него зубы.

— Сука, — рыкнула другая мамаша.

В конце концов, я узнала их — мамы Пола и Джерри

— Ух ты, леди, если я вас слышу, дети тоже могут вас услышать.

Они повернулись ко мне, покраснев.

— Извините, просто он такой красивый.

Другая мама «поиграла» бровями.

— Все паркерские мужчины великолепны. Я ходила в школу с Вайелин, их старшей сестрой. Я видела их всех. И черт возьми, они были горячи. Даже младшие.

Обе мамы закрыли рот и засмеялись.

— Постойте! — воскликнула одна из них, посмотрев на меня. — Боже мой! Пакстон, ты же встречалась со Стидом!

— Что? — челюсть другой мамы «упала».

— Мама! Я готов идти!

— Подожди, Джерри, — сказала она, не отрывая глаз от меня. — Мама прощается с мамой Пола.

Мне нужно сменить тему, и быстро.

— Первый день занятий был потрясающим. Вы обе должны гордиться своими сыновьями. Джерри выдвинул стул Лилли, когда она садилась.

— Это мой мальчик! — засияла мама Джерри и повернулась к другой маме. — Мне нужно бежать. Скажи мне, если Джина обломает зубы, — перевела взгляд на меня и сказала: — Нам нужно все узнать про вас!

После того, как она ушла, другая мама нахмурилась.

— Пакстон, мне жаль, что мы сплетничали при тебе. Я забыла, что вы встречались.

Очевидно, эта женщина знала раньше меня, но я ее не помнила. Черт. Обычно я уже знала всех родителей по именам к первому дню учебы. Я вежливо улыбнулась ей. Повернувшись, я посмотрела на Стида.

Его вина. Еще одна.

Взглянув на маму Пола, я ответила:

— Все в порядке. Вы на пару лет старше меня, я не ожидаю, что вы вспомните то, что было так давно.

Мы улыбнулись друг другу, развернулись и стали наблюдать за Стидом и Джиной. Я знала, что это неправильно, и никогда не сплетничала, особенно с родителями. Но я не могла остановить слова, которые вылетели изо рта:

— А где папа Лилли?

— Оставил ее. Ради своего босса. Они вроде переехали в Даллас. Сама же Джина неместная, поэтому мечтает убраться отсюда. Она ждет, когда продаст свой дом. Хочет вернуться в Денвер.

— Правда? Хлое будет так грустно, если Лилли переедет.

— Ну, если Джина зацепится за Стида Паркера, ей не придется никуда уезжать. Особенно, когда узнает, что он сын самого богатого человека в округе. Черт, наверное, даже в штате.

Ревность пронеслась по моим венам.

— Мне нужно бежать, Пакстон. Я рада, что первый день прошел отлично!

Выдавив улыбку, я помахала рукой.

На площадке остались только два родителя: Стид и Джина. Я посмотрела, как они разговаривают, и направилась в здание. Я старалась, но не смогла удержаться — посмотрела через плечо. Мои глаза поймали его фигуру, перед тем как захлопнулась дверь.

Я провела следующий час, пытаясь работать, но все, о чем я могла думать, это Джина. Как она рассмеялась и положила руку на плечо Стида. Мне показалось, что она готовится к играм для взрослых девочек, или уже договаривается о свидании со Стидом.

Бросив ручку на стол, я издала расстроенный стон.

— Стид, — прошипела я.

Кто-то постучал в дверь классной комнаты. Корин.

— Плохой день? — спросила она, нахмурившись.

— Нет. Это был отличный день. Как насчет тебя? Как прошел первый официальный день в качестве учителя первого класса. Ну, я имею в виду здесь.

Она засмеялась.

— Оказывается, иметь маленькое количество детей в классе замечательно! Дети драгоценны. Родители же — боль в моей заднице. Так что я испытываю огромную потребность в бокале или двух вина.

— Это плохо? — подняла я бровь.

— Скажем так, одна мама спросила, свободна ли я на этих выходных. У нее есть знакомый идеальный парень для знакомства.

— Что ты сказала на это?

Она раскрыла рот.

— Что ж, сначала я ничего не сказала, потому что была совершенно потрясена. Откуда она узнала, что я одинока?

— Добро пожаловать в маленький город США. Все знают о твоих делах, — усмехнулась я.

— Хм, мне, наверное, не следовало говорить ей, что у меня планы с Бобом в эти выходные.

Мои глаза расширились.

— Пожалуйста, скажи, что ты не сказала это ей.

— Сказала, — она широко улыбнулась.

— Поняла ли она, что ты имеешь в виду?

Корин пожала плечами.

— Черт ее знает, но это научит ее не лезть в чужие дела.

— Тебя уволят, и я порекомендовала тебе!

Смеясь, Корина повернулась, чтобы уйти.

— У меня есть еще работа. Такое сегодня вечером?

Мой телефон загудел на столе. Это был странный номер. Не местный.

— Да, конечно. Будь у меня в семь.

Корин помахала мне на прощание и вышла. Проведя пальцем по экрану, я ответила:

— Алло?

— Пакстон? — его голос прорезал мое тело, и от шока я не смогла ответить. — Алло?

Иисус. Соедините его с Пакстон! Сейчас!

— Простите, кто это?

Хорошо-хорошо. Заставь его думать, что ты не сразу поняла, что это он. Я старалась держать голос прямым, бесчувственным.

— Это Стид. Оказывается, ты многим раздаешь свой номер. Я надеялся, что этот правильный.

Сжав телефон, я затаила дыхание и медленно выдохнула.

— Что ты хотел?

Вау. Это звучало более холодно, чем я рассчитывала.

— Ты сказала позвонить тебе позже, чтобы мы могли поговорить. Кроме того, у меня не было возможности спросить тебя, как прошел первый день Хлои.

— Верно, — ты *идиотка*, Пакстон. — Хлоя отлично поработала. Она очень общительная и сегодня, завела несколько друзей. Были моменты, когда она скучала по дому, но все дети проходят через это. Такое настроение продержится нескольких дней, а потом она привыкнет.

— Я рад слышать, что она хорошо себя вела.

Я слышала улыбку в голосе. Было очевидно, что Стид был хорошим отцом.

— Ты свободна этим вечером? Хлоя сегодня ужинает с моими родителями. Они хотят начать новую семейную традицию — проводить вместе один раз в неделю.

Я просияла. Это замечательно.

— Сегодня у меня запланирован ужин.

— О, — разочарование в его голосе одновременно вызвало у меня и восторг, и грусть. Он достал мой номер телефона. Может быть, мне не следует быть жестокой к нему. Кроме того, я хотела узнать, о чём он говорил с Джиной.

— Это подруга с работы. Я уверена, она не будет возражать, если я отменю его.

— Да? — его голос казался обнадеживающим.

Я не хотела улыбаться, но часть меня была счастлива, зная, что сегодня вечером Стид был свободен, и не потратит время на Джину.

— Да. Я думаю, нужно наконец, выяснить отношения. Каждый раз, когда вижу тебя, я еле сдерживаюсь, чтобы не приставить нож к твоему члену.

— Гм...

Подняв ноги на стол, я сжала губы, чтобы скрыть смешок. *Пакстон — один. Стид — ноль.*

— Нужно сделать это ради Хлои. Мне бы не хотелось оставлять ее без младших братьев и сестер. Особенно, после того как ты подружился с Джиной.

— С кем?

Я вздохнула.

— Не притворяйся. Я не в настроении для твоих игр.

— Какие игры?

— Послушай, ты хочешь встретиться за ужином или нет?

От тишины на другом конце телефона, у меня сжалось в груди. *Дерьмо. Я зашла слишком далеко в режиме суки.*

— Какое время и где?

Я не доверяла себе настолько, что бы встречаться с ним наедине. Не для того, чтобы он сделал меня горячее и сумасшедшее. Как бы ни сердилась на него, я все еще была влюблена, а мои пальцы чесались, так хотели прикоснуться к нему.

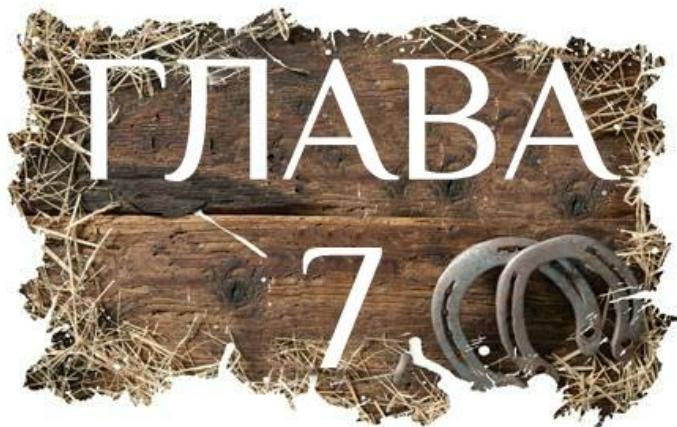
— Там где людно.

Стид засмеялся.

— Хорошо. У Корда, скажем, около шести?

Взглянув на часы, висевшие на стене, я улыбнулась. Было четыре. Это давало мне достаточно времени, чтобы подготовиться. Когда я войду сегодня вечером в бар, Стид Паркер пожалеет, что ушел от меня десять лет назад.

— Отлично. Увидимся.

Стид

Я пил пиво в баре Корда. Громкая музыка наполняла помещение. Я наблюдал, как Корд через стойку бара заигрывает с блондинкой. Она выглядела податливой, поглядывая на него. Конечно, моему брату не нужно было прилагать сил — у братьев Паркер, не было недостатка в привлечении женщин, у нас были гены нашего отца. Корд был копией папы: темные волосы, стройное тело, и знаменитые голубые глаза Паркеров.

Корд не выдержал, перепрыгнул через стойку и, взяв блондинку за руку, скрылся в кабинете. Я покачал головой.

— Корд нравится женщинам, — сказал я своему старшему брату Триппу. Он сидел, уткнувшись в телефон. — Трипп. Ты слушаешь меня?

Он резко поднял голову.

— Что? Да. Корд. Ты что-то сказал про Корда?

Смеясь, я сделал глоток. Трипп был политиком в семье. Как только он окончил юридическую школу, то вернулся в Оук-Спрингс и проявил интерес к работе в мэрии. Может быть, он даже будет выставлять свою кандидатуру на выборах. Ему было всего тридцать, и он стал бы самым молодым мэром, если бы выиграл.

Я поставил пиво на барную стойку.

— Я сказал: Корд нравится женщинам.

Трипп закатил глаза.

— Черт, ты понятия не имеешь насколько. Митчелл боится, что однажды он приедет на вызов, и найдет Корда, трахающимся с какой-нибудь девицей в припаркованной машине на шоссе.

Покачав головой, я сказал:

— Черт. У него вообще были серьезные отношения?

Трипп засмеялся.

— Корд? Наш брат Корд свяжет себя с одной киской? Да, ладно!

Мои глаза расширились.

— Эй, ты не победишь на выборах, если люди услышат, как ты выражаяешься.

— Эй, — подмигнул Трипп, — политика и закон это мое, но я так же люблю женщин. Я ничем не отличаюсь от Корда или Тревора. Хорошая киска пройдет мимо, и я пойду за ней.

Я засмеялся.

— Я помню историю в средней школе. Это случилось с Харли? Вас поймали в библиотеке. Ее отец, верно?

Трип отвлекся от пива и улыбнулся.

— Я не видел Харли несколько лет. И да, ее отец поймал нас. Нет сильнее впечатления, когда ты трахаешь дочь директора школы, и вас застает ее же отец.

Я хлопнул по барной стойке.

— О, я помню, как ты бегал по коридору с голой задницей, а мистер Харви преследовал тебя с бейсбольной битой.

Трипп снова засмеялся.

— Это верно! Придурок поймал бы меня, если бы Митчелл не встал перед ним.

— Точно! Будущий техасский рейнджер помогает и содействует.

Трипп рассмеялся и допил свое пиво.

— Черт, у нас были хорошие времена.

В груди возникла напряженность, сопровождаемая виной.

— Я сожалею, что так долго пропадал.

Он хлопнул меня по спине.

— Ну, ты вернулся, и привел с собой одну чертовски, красивую девочку.

Улыбаясь, я отпил пива.

— Хлое понравилось в Техасе. А ранчо, она вообще не может насытиться. Не помогает даже то, что отец катает ее на лошадях каждую свободную секунду. Кроме того, он подарил ей козлика. Клянусь, если я позволю, она будет спать в конюшне.

Трипп усмехнулся.

— Это хорошо, что она любит лошадей. Ты помнишь, как Харли любила лошадей?

Харли, была не только дочерью директора, с которой он переспал в библиотеке, она была девушкой, с которой он встречался, пока учился в школе. Я был уверен, что она разбила ему сердце, когда бросила его. Он официально не встречался ни с кем после нее.

— Да, я помню.

Он улыбнулся.

— Она любила этих чертовых лошадей. Любила их больше чем меня. Я уверен, если бы она не была так одержима ими, то я влез бы в ее трусики намного раньше.

Мое сердце упало. Паника пронеслась по моему телу.

— Блядь. В школе будут мальчики, пытающиеся залезть в трусики моей дочери.

Трипп посмотрел на меня с ужасом в глазах.

— Черт, нет. Не при ее отце и четырех дядях, которые смотрят за ней.

Больное чувство забралось в мой желудок.

— Я убью маленького ублюдка, — сказал я.

Корд появился за стойкой бара с широкой улыбкой на лице.

— Кого ты убьешь?

— Маленького ублюдка, который попытается залезть в трусики моей дочери.

Корд пораженно отступил.

— Как?! Так рано? Они начинают это раньше?

— Что? — спросил я недоуменно.

— Кто-то пытается, ну... того... с моей племянницей!

— Нет, мудак, я говорю, когда она станет старше.

Корд прислонился к стойке и вздохнул.

— Черт возьми, Стид. Ты чуть не поставил меня на путь воздержания.

Моя голова дернулась, и я уставился на него.

— Что? Ни в коем случае, — я оглянулся, и заметил ту самую блондинку, сидящую в конце бара, в компании своих друзей, и взглянул на Корда. — Ты оттрахал ее так быстро?

Корд ухмыльнулся от уха до уха.

— Лизни, вставь, заставь кричать.

Трипп рассмеялся.

— Черт чувак, я за это время не смог бы даже надеть презерватив.

— Она хотела быстро — я сделал быстро, — сказал Корд, с ложной скромностью разглаживая рубашку.

— Иисус, ты хоть дал ей кончить? — спросил я.

— Черт, да! Да. Я забочусь об этом в первую очередь. Я не могу кончить, если девушка не «пришла» первой.

— Ну, разве это не мило? Рада слышать, что у братьев Паркер ничего не изменилось. Все еще «грязно» разговаривают, и используют женщин, как секс-игрушки.

Я застыл.

Улыбка Корда расплылась, и он ударил себя в грудь.

— Это ранит меня, Пакстон. Я никогда не буду обращаться так с женщиной. Если она просит меня о сексе, кто я такой, что бы отказываться?

Пакстон шагнула между мной и Триппом. Мой член мгновенно ожило, когда увидел красивую грудь выглядывающую в вырез красного платья. Темные волосы были убранны в пучок на макушке. Несколько выпавших прядей, струились по спине. У меня зачесались пальцы, так я хотел убрать их в сторону и поцеловать шею. На длинных ногах — черные туфли на каблуках. Я не мог сдержать улыбки — моя милая Пакстон поменяла ковбойские сапоги на «трахни-меня» каблуки. Я понял, что она так оделась, чтобы показать мне, что я пропустил за последние десять лет.

Я сел на табурет, чтобы скрыть растущий член в штанах. Подняв глаза на нее, я подавил стон.

Она была чертовски, великолепна.

— Черт побери, ты выглядишь как дьявол-искуситель! Все еще пьешь Бад (Прим.ред.: сорт пива)? — спросил Тревор, стоящий рядом с Кордом за стойкой, и поставил перед Пакстон бутылку. Иногда Тревор помогал Корду в баре, и зарабатывал дополнительные деньги. Хотел бы я, что бы сегодня вечером его здесь не было.

Пакстон покраснела и сделала глоток.

— Спасибо, Трев. Ты выглядишь очень хорошо.

Улыбка Тревора расплзлась шире.

— Потанцуй со мной, милая леди. Ты должна мне танец.

Я взглянул на него, а Корд и Трипп рассмеялись. Что за хуйня? Мой брат?

Пакстон сделала глоток, поставила пиво и кивнула. Я чуть не упал со стула.

— Ты не можешь танцевать в этих туфлях, — вылетело у меня из рта.

— Черт побери, ты облажался, — сказал Корд, когда Трипп покачал головой и одарил меня недобрый взглядом.

Пакстон посмотрела на меня. Ее глаза были темными, пока взгляд бродил по моему телу. Перехватив мой взгляд, она спросила:

— С чего ты это решил?

Слова резали мое сердце, как нож.

Тревор перепрыгнул через стойку, ударили меня по плечу и засмеялся.

— Ты облажался, брат.

Я смотрел, как Тревор обнимая за талию Пакстон, ведет ее на танцпол. Гнев вскипел в моей крови, когда он обнял ее.

— Я собираюсь убить этого маленького ублюдка, — сказал я вставая.

Трипп вскочил передо мной.

— Стид, сделай глубокий вдох и подумай о том, что ты собираешься сделать.

Корд, должно быть, перепрыгнул через бар, потому что он был тут же, отталкивая меня назад на табурет.

— Сядь на свою задницу. Мне нехорошо, когда люди начинают заниматься деррьмом в моем баре, и меня не ебет то, что ты мой брат. Ты не можешь ожидать, что Пакстон бросит все и упадет к твоим ногам, потому что ты снова в городе, Стид. Тревор трахает твой мозг, потому что знает, что это тебя разозлит. Отпусти ситуацию. Ты знаешь, черт побери, что он только танцует с ней.

Я смотрел, как они танцуют. Тревору повезло, что это была быстрая песня.

— Стид. Ты меня слушаешь? Стид!

Моя голова дернулась к Корду.

— Что?

Качая головой, Корд сказал:

— Чувак, ты потерял право, когда оставил ее.

Я сделал несколько шагов назад и сел на табурет, давление на грудь затрудняло дыхание.

Корд положил руку мне на плечо.

— Послушай, я знаю, что это трудно для вас обоих. Но ты должен увидеть ситуацию с ее точки зрения. Ты вошел в ее жизнь десять лет спустя, будто ничего не случилось. К тому же, привел с собой ребенка. Я уверен, что независимо от того, насколько она притворяется, что ненавидит твою задницу, вы любили друг друга. Она не просто потеряла тебя, Стид. Я не представляю, что она почувствовала, узнав, что у тебя есть Хлоя.

Мое тело застыло. Я и вправду не думал о том, что она чувствует, когда видит меня и Хлою.

Я развернулся, схватил свое пиво и залпом выпил его. И тут же чуть не захлебнулся, почувствовав хлопок по спине.

— Не пей слишком много. Я бы не хотел тебя арестовывать.

Я хмыкнул, когда мой брат-близнец Митчелл сел рядом со мной. Единственное, что нас внешне отличало — небольшой шрам над моим правым глазом, который я получил от Триппа бейсбольной битой, когда мне было четырнадцать. И сейчас, у нас были разные прически.

— Как ты, Митчелл? — спросил я с полуулыбкой.

Он усмехнулся и жестом показал бармену, что он будет пить то же, что и я.

Как же я соскучился по братьям. Я оглянулся на каждого из них и подумал, почему, черт возьми, они все еще одиноки. Мы все, взяли только хорошее от наших предков. Ни один из них даже не встречался с девушкой, не говоря уже о том, чтобы остынуть.

— Ты этим вечером не работаешь? — спросил Корд, ставя перед собой еще одно пиво. В этот раз, он обошел бар, вместо того, что бы прыгать через него.

— Просто ушел. Тяжелый день, мы нашли тело женщины на берегу Фрио.

— Черт! Опознали, кто это? — спросил Трипп.

Митчелл покачал головой.

— Нет. Мы проверяем списки пропавших без вести. Гребаная хрень, знать, что чья-то дочь пропала, и она мертва, — он выпил пива и огляделся вокруг.

— Ебать! С кем Тревор танцует? Я бы вдул в эту задницу! О, черт возьми... Это...

Мое тело дрожало, когда Трипп положил руку мне на плечо.

— Пакстон, — прорычал я.

Митчелл дернул голову назад.

— Это Пакстон? Сладкий невинный учитель детского сада, Пакстон? Черт, побери. Посмотри на это тело.

Он засмеялся и повернулся ко мне, и его улыбка тут же спала.

— Дерьмо. Прости, Стид. Я как бы забыл, что ты здесь.

Мои глаза расширились от шока.

— Я сижу рядом с тобой, мудак. Как ты мог забыть, что я здесь?

Пожав плечами, он выпил пива.

— Я тут подумал, прогуляюсь-ка по бару. Посмотрю, есть ли здесь девушка, с которой я еще не спал.

Качая головой, я спросил:

— Вы все шлюхи?

Митчелл ухмыльнулся и направился к столику, за которым сидела компания молодых женщин, следившая за приближением Митчелла, не собираясь подбирать свои челюсти с пола.

— Я ухожу, — встал Трипп. — У меня завтра утром встреча.

— Увидимся, — сказал Корд и пожал ему руку. Трипп потянулся к моей руке, и я потряс ее. Затем он наклонился и прошептал:

— Иди, идиот.

Я улыбнулся ему, и посмотрел на Тревора и Пакстон. Она, откинув голову, смеялась над шуткой Тревора.

Трипп, прежде чем уйти, предупредил:

— Если не ты, то Митчелл. Он пробирается к ним, если ты не заметил.

Подпрыгнув, я направился к танцполу. Тревор увидел меня, и развернул Пакстон так, что мы оказались лицом к лицу.

Я улыбнулся, а ее улыбка, напротив, испарилась.

— Твое, чертова, время, — сказал Тревор, хлопнув меня по спине.

Пакстон пожевала губу, глядя на меня.

— Потанцуй со мной, — попросил я. Она опустила голову. — Пожалуйста, Пакс.

Вздохнув, она подошла ближе. Я обнял ее. Все мое тело, казалось, ожило после многих лет ощущения омертвления. Черт, было здорово, снова держать ее в руках. Я закрыл глаза, глубоко вздохнул, и притянул ее ближе. Когда она не отреагировала, я повел нас в танце.

Ее голова лежала у меня на груди, и я ни мог не вспомнить, насколько хорошо нам было вместе. Не только в танце — во всем, что мы делали.

— Я скучал по тебе, Пакстон.

Она ничего не сказала, но я почувствовал, как ее тело напряглось.

— Пожалуйста, не ненавидь меня. Я не могу смириться с этой ненавистью.

Откинув голову назад, она смотрела на меня большими голубыми глазами.

— И почему я не должна тебя ненавидеть, Стид? Ты оставил меня разбираться со всем самостоятельно. Все в одиночку, и не с кем было даже поговорить. Ты даже не позвонил, не узнал, все ли со мной в порядке.

Удар боли пронзил грудь, и слова застряли в горле. В глазах Пакстон стояли слезы, и я знал, что она сдерживает их из последних сил.

— Если бы я мог вернуться в тот день, когда ты рассказала мне, Пакстон, я бы сделал все по-другому. Но это невозможно. Но я могу объяснить, почему я ушел.

Мы медленно двигались по танцполу, несмотря на энергичную песню.

— То, как ты смотрела на меня в тот день, когда сказала что ненавидишь — я знал, почему. Я тоже ненавидел себя, потому что считал, что был причиной того, что ты потеряла ребенка.

Глаза ее расширились, рот приоткрылся, но она промолчала. Ей не пришлось отрицать это. Я знал, что она обвинила меня, как обвинил себя и я.

— Я был разбит, когда ты начала плакать. Я никогда не видел тебя такой расстроенной, и знал, что был причиной этого. Я причинил тебе боль, и это разрушило меня. Когда я признался, что люблю тебя, я пообещал, что никогда не причиню тебе вреда. Но нарушил это обещание, и я, честно, не мог смотреть тебе в глаза. Я понятия не имею, почему я выбрал Орегон. Наверное, потому что это было далеко. Никаких напоминаний о нас. Сначала, я собирался вернуться осенью, и пойти учиться в «А&М», как мы и планировали, но даже мысль о том, чтобы смотреть в твои прекрасные глаза и видеть в них боль, для меня была убийственна. Когда я прошел в футбольную команду, и мы заключили контракт, я был ошеломлен. Я воспринял это как знак, что тебе будет лучше без меня.

С губ Пакстон сорвалось рыдание, и она покачала головой.

— Как ты мог так думать? — спросила она шепотом. — Я любила тебя, Стид.

— Я был глуп. Так все чертовски, глупо, пропади все пропадом! — я прислонился лбом к ее макушке. — Я не хотел причинять тебе боли. Я не хотел тебя покидать. Никогда. Клянусь Богом. Пожалуйста, верь мне.

Пакстон вцепилась в мою футболку, смяв ткань в кулаке, и опустила голову на грудь, чтобы скрыть слезы.

Песня изменилась, и я не мог поверить, когда услышал Крис Банди «Мужчин достаточно сейчас».

Пакстон стянула мою футболку сильнее, и заплакала. Я крепче обнял ее. Я бы отдал все, чтобы увести ее из этого бара и побыть с ней наедине. Было так много вещей, о которых я хотел ей рассказать. Так много всего, что я хотел сделать с ее прекрасным телом.

Песня закончилась, и DJ объявил короткий перерыв. Мы с Пакстон стояли посреди танцпола, пока народ, обтекая нас, направлялся к своим столикам.

Я не хотел ее отпускать. Запах ее духов, тот, который она носила все эти годы, держал меня в плену. Не говоря уже о том, каким горячим становилось мое тело рядом с ней.

Наконец она откинула голову и посмотрела на меня. Я хотел провалиться сквозь землю. Я ненавидел видеть ее боль. Всегда так было, и всегда так будет.

— Ты меня оставил, — сказала она тихо.

Боль в моем сердце стала невыносимой, и я закрыл глаза.

Она опустила меня и отступила.

— Я был глуп.

Она кивнула.

— Но ты пошел дальше.

Я покачал головой.

— Нет, Пакстон. Я не двигался дальше.

Пакстон громко выдохнула, одарив озадаченным выражением лица.

— Ты женился. У тебя родился ребенок, — она обняла себя за талию. — У тебя родился ребенок, — громче повторила она, и слеза скатилась по щеке.

Я потянулся и вытер ее.

— Я не любил свою жену, Пакстон, и она это знала — я рассказал ей о тебе.

Она дернулась, как будто ее обожгли. Покачала головой и сделала несколько шагов назад, потом развернулась, и направилась в бар. Я наблюдал, как она уходит, будто не может находиться рядом со мной. Что, черт возьми, только что произошло?

Пробираясь сквозь толпу, я пошел за ней. Она сидела у стойки и пила свое пиво. Когда я положил руки на ее талию, она подпрыгнула от неожиданности. Поставив пиво на стойку, Пакстон повернулась ко мне. От мысли, что она не хочет, чтобы я прикасался к ней, мне стало плохо. Мы были в нескольких дюймах друг от друга. Пакстон задышала быстрее и тяжелее, когда ее глаза опустились на мой рот.

Черт, я хотел поцеловать ее. Мои пальцы впились в ее тело, и она втянула воздух. Несмотря на то, что в баре было много людей, казалось, что мы только вдвоем. Тепло между нашими телами росло. Страсть, которую мы, когда-то разделяли друг к другу, все еще присутствовала. Не было смысла это отрицать.

Я облизал губы и наклонился ближе. Ее глаза не отрываясь, смотрели на меня.

— Пакстон, — прошептал я.

— Скажи мне, Стид, — сказала она.

Наши губы все еще далеко друг от друга.

— Что?

Ее глаза потемнели.

— Скажи, почему ты был против рождения нашего малыша, но захотел ребенка от женщины, которую даже не любил?

В этот миг, словно весь воздух выкачали из бара, и я боролся за каждый вздох.

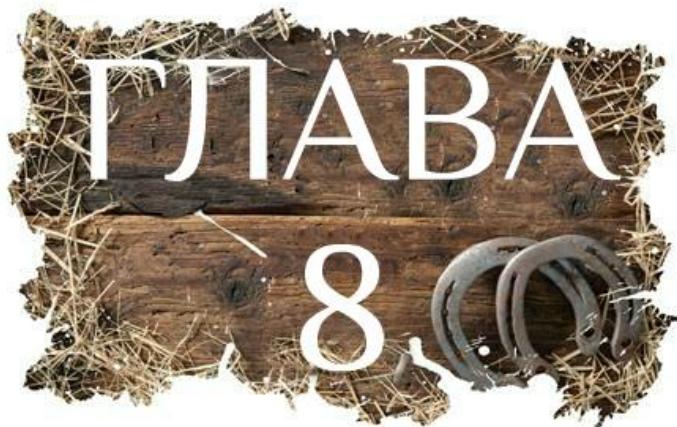
— Ч-что?!

Подняв руки, она оттолкнула меня.

— Я думаю, наш разговор закончен.

Она ушла.

Мои ноги онемели. Я смотрел на то место, где Пакстон сидела несколько минут назад, когда ее слова ударили меня, как огромный грузовик. Как я ни пытался что-то сказать... Я не мог.

ГЛАВА

8

Стид

— Папа!

Я вскочил в кровати и застонал. У меня была самая, блядь, худшая головная боль.

— О Матерь Божья, — простонал я, откидываясь обратно на подушку.

Хлоя забралась на кровать и начала прыгать.

— Папа! Вставай! Я опоздаю в школу!

— Хлоя, детка, пожалуйста, перестань прыгать на кровати. Папочка пло...

— Похмелье?

Повернув голову к двери, я кинул на Амелию грозный взгляд.

— Весело провел прошлую ночь? — спросила она с ухмылкой.

Хлоя продолжала прыгать.

— Хлоя, пожалуйста, остановись.

— Корд сказал, что ты пил, пока не отключился, — сказала Амелия. — Митчелл вынужден везти тебя домой. К тому времени, ты крепко спал.

Не отвечая, я опустил ноги с кровати и попытался встать.

— Это была тяжелая ночь, — Амелия издала грубый смешок. — Что молчишь? Как понимаю, с Пакстон все плохо.

— Кто такая Пакстон? — спросила Хлоя.

Прежде чем я успел ответить, Амелия сказала:

— Пакстон — мисс Монро, старая подруга папы.

Хлоя ахнула. Я повернулся к Амелии.

— Что, черт возьми, Мели ты делаешь?

Пожав плечами, она показала мне средний палец за спиной у Хлои.

— Что? У тебя проблемы из-за моей выпивки, Мели?

Хлоя потянула меня за футболку.

— Папа, ты и мой учитель ходили на свидание?

Господи! Я не хочу разговаривать об этом с Хлоей. Особенно сейчас.

— Ты не могла закрыть свой рот, не так ли? — выплевываю я Амелии.

— Хлоя, принцесса, иди в свою комнату. Дай мне и папе несколько минут для взрослого разговора.

— Конечно!

Хлоя вышла из моей спальни, Амелия закрыла дверь и повернулась ко мне.

— Сейчас я не в настроении для твоего дерзыва, Амелия.

Ее брови поднялись, и она бросила на меня дерзкий взгляд.

— Ты, упрямое дерзыва. Ты мудак, ты это знаешь?

Я направился в ванную и включил воду. Мне нужна холодная вода, чтобы проснуться.

— Это я понял много лет назад, когда ушел от единственной женщины, которую любил.

— Так какого черта, ты напиваешься, и звонишь Пакстон?

Мои руки замерли под струей холодной воды, я посмотрел в зеркало, на отражение Амелии.

— Что?

Она кивнула.

— Да, ты называл ей. У нее не было номера Митчелла или Корда, только мой. Пакстон беспокоилась, что ты слишком пьян. Я ее уверила, что Корд и Митчелл присмотрят за тобой.

Посмотрев на воду, я пожал плечами.

— Почему ей не все равно?

— Так вот как?

— Да. Я пытался объясниться с ней, но сделал только хуже. Так что, на хер все...

— На хер?!

Я выключил воду и схватил полотенце. Вытерев лицо, вскинул руки перед собой:

— Да, Амелия. На. Хер.

— Хорошо, — кивнула она, — как скажешь. Тогда тебя не волнует, что Джо Миллер увидел ее плачущую и одинокую у бара, и проводил домой?

Мое сердце подпрыгнуло к горлу.

— Откуда ты знаешь?

— Он был у нее дома, когда она звонила.

Мои глаза расширились от ужаса.

— Он был в ее доме? В какое время это было?

— Я не знаю, — Амелия пожала плечами. — Может десять тридцать.

— Но ей рано вставать на работу! — закричал я.

Сестра рассмеялась.

— О, из-за того, что Пакстон рано вставать на работу, она должна отказаться от личной жизни?

Я тяжело сглотнул.

— Она встречается с ним?

Амелия поджала губы.

— Понятия не имею. Думаю, не мое дело спрашивать, что он там делал.

Закрыв лицо руками, я застонал:

— Бляяя. Что мне делать, Мели?

Выражение на ее лице стало мягким, и она покачала головой.

— Ты хоть представляешь, как сильно я хочу, чтобы мужчина смотрел на меня так, как ты смотришь на Пакстон? За такую любовь нужно бороться. Не знаю, что тебе сказать Стид, я ведь не испытывала таких чувств. Единственное что могу посоветовать — не сдавайся, потому что уверена, что Пакстон этого не хочет.

От печали в глазах моей сестры, заныло сердце. Я подошел к ней и поцеловал в макушку.

— Ты знаешь, ни один парень, не будет достаточно хорош для тебя, Амелия.

Она усмехнулась и обняла меня.

— Борись за нее, Стид. Покажи ей, что ты ошибся и сделаешь что угодно, чтобы загладить свою вину.

— Чувствуешь себя лучше? — спросил Трипп, через голову Хлои. Мы оба держали ее за руки, подкидывая на каждом шагу. Я попросил подбросить нас в школу, боясь столкнуться с Пакстон лицом к лицу.

— Нет, — проворчал я.

— Митчелл сказал, что ты выкинул номер прошлой ночью.

Я засмеялся.

— Да, уж. Нет ничего лучше, чем топить твои горести в алкоголе, не так ли?

— Помогло?

Взглянув на него, я улыбнулся.

— Ненадолго.

— В этом вся проблема. Это временное оцепенение.

Я кивнул.

— Иногда бывает приятно, ничего не чувствовать.

— А зачем, папочка? — спросила Хлоя, дергая наши руки.

— Один. Два. Три, — «замял» я тему. Трипп и я снова подбросили ее. Мы завернули за угол школы, и у меня перехватило дыхание, когда я увидел ее. А что я хотел? Пакстон встречала всех детей во дворе школы. Здесь же, находились и многие родители.

Хлоя отпустила мою руку и потянула Триппа к Пакстон.

— Дядя Трипп, это моя школа! А это мой учитель!

— Давно не виделись, Пакстон! — сказал Трипп, и Пакстон улыбнулась ему.

— Вы видели дядю Триппа вчера вечером, мисс Монро?

Я вздохнул с облегчением. Слава Богу, Хлоя не называла ее Пакстон.

С милым смехом, который прекрасно устроился в моей груди, Пакстон ответила:

— Да. Я видела так же твоего папу и других дядюшек.

Хлоя широко улыбнулась.

— Мисс Монро, а вы с папой снова встречаетесь?

Все повернулись, чтобы посмотреть на меня.

Вот дерньмо!

— Хлоя, почему бы тебе не подойти к детям.

— Но...

Пакстон посмотрела на Хлою и подняла бровь.

Аргумент закончился, и Хлоя пошла к детям. Пакстон уперла руки в бок, и обратила внимание на меня.

Подняв ладони в защиту, я сказал:

— Амелия нечто такое сказала перед Хлоей. Я ничего не говорил.

Трипп нахмурился.

— Зачем ей такое говорить?

— Я не знаю. Может она дура?

— Стид? — возмутилась Пакстон. — Мы не используем эти слова! Честно говоря, мне придется запретить родителям заходить на территорию школы!

Зазвонил звонок, и Пакстон развернулась, направляясь к своим ученикам. Хлоя, из толпы детей, нашла меня взглядом. Я увидел, что в ее глазах начали собираться слезы.

— О, нет. Она сейчас расплачется, — прошептал я.

— Что? — протянул Трипп с ужасом в голосе.

Пакстон подошла к ученикам и напела:

— Бритье и стрижка!

Дети замолкли, и дружно ответили:

— Ни к чему!

Завладев их вниманием, она дала инструкции направляться в класс. Я не мог не улыбнуться. Взглянув на Триппа, увидел на его лице счастливую улыбку.

— Помнишь, мама пела это же, чтобы привлечь наше внимание? — сказал я со смехом.

— Да. Похоже, Пакстон использует песенку для того же.

Кивнув, я посмотрел на класс Хлои, надеясь, что Пакстон обернется. К сожалению, она этого не сделала, но мое сердце взлетело, когда я увидел, что она взяла Хлою за руку и проследовала в здание школы. Трипп ударил меня по плечу.

— Поехали. Нужно забрать кое-какие документы у отца.

Мы направились к моему грузовику.

— Насколько ты в курсе, что происходит в нашем городе?

— Я в курсе многого, — рассмеялся Трипп.

— Ты не знаешь, Джо Миллер встречается с Пакстон?

Трипп остановился и посмотрел на меня.

— Я могу узнать, если хочешь.

— Сделай это, — сказал я, открыв дверь грузовика, и забрался внутрь.

ГЛАВА

9.

Пакстон

Сентябрь пролетел, как буря. Буквально. Ночью нас накрыл холодный фронт, и свернули палатки, установленные для осеннего фестиваля. На нем мы собирали достаточно много денег для школы, и если не сможем навести быстро порядок, то много потеряю.

— Пакстон! Нам нужна еще помощь! И я не могу забыть этот дурацкий кол в палатку, — простонала Корин.

Я издала разочарованный стон.

В этом году ответственными за осенний фестиваль были назначены первый и четвертые классы. Как правило, в организации, младшим классам помогали родители-волонтеры. Корин была чертовски озабочена тем, что пыталась включить родителей своего класса в волонтерскую работу, но прошел месяц с начала занятий, и ни один из родителей не вызывался помочь.

Кого бы мне позвать в этот ад, для помощи?

Джон? Но если я позвоню ему, он может неправильно понять, как три недели назад, когда проводил меня домой от бара Корда. Это было глупо с моей стороны использовать его в качестве жилетки для плача. Когда он наклонился, чтобы поцеловать меня, я быстро пришла в себя.

— Хмм... Попробую позвонить отцу, — сказала я.

Ветер дул все сильнее, и температура упала. Если так продолжиться дальше, для детей станет слишком холодно. Я набрала номер отца, и помолилась, чтобы он ответил.

— Привет, дорогая.

— Папа, привет. Мне нужна помощь. Мы на площадке пытаемся выставить оборудование для осеннего фестиваля, и никто из пап не явился нам на помощь. Еще этот ветер — пинает наши задницы.

— Сколько вас там?

Я оглянулась.

— Я, Корин, еще три учителя, и четыре мамы.

Я слышала, как отец с кем-то переговаривался.

— Я как раз на ранчо. Думаю, я нашел тебе помощников.

— Правда? О, папа! Это было бы замечательно! Они сильные? — он засмеялся в ответ. — Приму это за «да». Вы сами доедете?

— Да, дорогая. Мы приедем.

Улыбаясь, я показала Корин большой палец.

— Хорошо, папа. Будь осторожен.

Нажав «отбой», я подошла к Корин.

— Мой папа нашел кого-то в помощь. Скоро будут.

— Слава Богу. Мне жаль, что помощников от моего класса нет.

— Так бывает. Сегодня справимся, а завтра... Возможно, стоит посмотреть прошлогодний список, и попросить помочь прежних родителей. Хотя, если они не

явились на установку палаток, то навряд-ли выйдут завтра работать на стендах. Особенно, в такой холода.

Корин положила руки на бедра.

— Если я завтра увижу, что они гуляют среди палаток с ватой в руках, я напихаю ее во все их отверстия!

Улыбаясь, я покачала головой. Я любила свою лучшую подругу. Меня бы выгнали из «А&М», если бы не она. Когда у нас в школе открылась вакансия учителя первого класса, я сказала ей, что сделаю все, чтобы ее взяли к нам.

Мы по очереди, ударяли молотком, пытаясь вбить кол в землю.

— Проклятье, земля такая твердая! — сказала я, и ударила со всей силы, но колышек ни на дюйм не вошел в землю.

Корин рухнула на землю и вздохнула.

— Я все. Как ты еще не устала?

Смеясь, я ответила:

— Мой отец производит и поставляет корма, помнишь? Я помогала таскать мешки по пятьдесят фунтов (Прим.ред.: 50фунтов — прим.22,6 кг) и больше.

Корин ошарашенно на меня посмотрела.

— Это объясняет силу твоих рук. Честно говоря, когда ты рассказывала, что твой отец выращивает и продает траву, я понятия не имела, что это корм для скота. Я думала, что ты имеешь в виду «травку».

Я остановилась в замахе, посмотрела на нее, выпучив глаза, и мы расхохотались.

— Будем надеяться, что на помощь папа привезет с ранчо большое количество молодых парней.

Глаза Корин засветились.

— Ковбои. Да. Пожалуйста-пожалуйста.

Выросшая в пригороде Чикаго Корин, все еще не привыкла к ковбоям и ко всей ковбойской атрибутике. В университете Техаса, они естественно встречались, но здесь, в нашем маленьком городке, они были повсюду.

Тридцать минут спустя показался грузовик. Я улыбнулась и помахала отцу, когда он подъехал и припарковался. Следом подъехало еще два грузовика (очень знакомых грузовика!).

Я с трудом сглотнула. Господи, пожалуйста, нет.

Когда подъехал четвертый грузовик, мое сердце рухнуло в живот.

— О, нет...

— Что случилось? — спросила Корин.

— Когда я звонила, он был на ранчо Паркеров.

— Паркер — фамилия как у бывшего? Богатейшая семья в этом округе?

Я фальшиво рассмеялась и ответила:

— Да, как у бывшего. И расширил один округ, по крайней мере, до десяти.

Двери грузовиков открылись, и оттуда начал вываливаться народ.

— Святая мать всех творений. Сладкий Иисус. Я умерла и попала на ковбойские небеса, — запричитала Корин.

Медленно повернувшись к ней, я невольно улыбнулась. Она действительно выглядела так, будто умерла и попала на небеса.

— Корин, подотри слюни в уголке рта.

Она бездумно протянула руку и вытерла рот.

— Ковбои. Посмотри на них. Они все... они все... О, Господь.

Сжимая ее руку, я сказала:

— Хватит. Да, это парни Паркер. А теперь приди в себя, Корин. Они просто ребята. Ее голова дернулась ко мне.

— Ты не видишь то что вижу я? Я вижу пять парней... пять парней в джинсах и ковбойских шляпах. Нет, подожди! Пять офигительно красивых парней, в ковбойских

шляпах и ковбойских сапогах, — она вновь оглянулась на них, а затем сосредоточилась на мне. — И они грязные.

Я рассмеялась.

— Да, это так. Каждый из них.

Корин с трудом слогнула.

— Я имела в виду: их одежда грязная.

Оглядывая их, я ответила:

— Да. И это тоже.

— О, Боже. Мое сердце.

Мой отец подошел к нам, нацепив широкую улыбку. Я точно знаю, что он задумал. Он всегда любил Стида. Черт, он любил всех парней Паркер. Я представила себе предвкушающую улыбку на его лице, когда просила о помощи, а он стоял посреди них всех.

— Посмотрите, на кого я наткнулся сегодня утром.

Я подняла брови.

— Я вижу.

Мои родители давно перестали давить на меня и расспрашивать, почему мы расстались и почему Стид покинул город. Я думаю, что никогда не наберусь мужества, чтобы сказать им правду. Когда я сообщила, что Стид вернулся, мама обрадовалась, а отец начал зудеть о том, что бы мы начали все сначала. Я рассказывала им о Хлое, не вдаваясь в подробности. Поначалу, я думала, мне будет сложно видеть Хлою в своем классе, но я все больше и больше очаровывалась ею, и это не потому, что она дочь Стида. У нее золотое сердце, и она одна из самых милых учениц в моей жизни.

— Вы просили помощи, и вот, — сказал мой отец с лукавой улыбкой, когда Митчелл, Трипп, Корд, Тревор, и, наконец, Стид, подошли к нам.

Я изо всех сил пыталась не смотреть на Стида, и это было тяжело. Облегающая черная футболка не скрывала то, что его тело стало еще лучше, чем было в восемнадцать лет, черная ковбойская шляпа и эти джинсы... Я с трудом делала каждый вздох. Поймав взгляд его стальных голубых глаз, я быстро отвернулась. Мое сердце билось так быстро, что трудно было сосредоточиться.

Соберись, Пакстон.

— Значит, ты привел всех пятерых ребят Паркер?

— Ребят? — воскликнул Тревор со смехом. — Черт возьми, женщина, перед тобой куча сильных мужчин.

Корин что-то пробормотала, что именно я не смогла понять. Я притянула ее под четыре голодных взгляда. Единственным, кто не смотрел на Корин, был Стид — он не отводил глаз от меня.

— Это моя лучшая подруга Корин. Мы вместе учились в «А&М». Она учитель в первом классе здесь, в Оук-Спрингс.

Митчелл и Трипп, толкая друг друга, ринулись к Корин. Трипп победил.

Взяв ее за руку, поднес к губам.

— Рад познакомиться, Корин. Я Трипп Паркер.

Нечто вылетело из ее рта. Смешок? Стон? Я закатила глаза, но в глубине души была рада видеть, что ребята уделяют ей внимание. Корин была прекрасна. В ней была некая невинность. Она почти всегда убирала свои светлые волосы в хвост, не обращая внимания на свою красоту. Мужчины западали на нее, а она была невосприимчива ко всему этому. Пока мы учились, Корин встречалась лишь с парой парней, и один из них разбил ей сердце, когда она поймала его на измене.

Корин, наконец, обрела голос:

— Приятно познакомиться, Трипп.

Митчелл вытолкнул Триппа с пути. Подражая своему брату, он взял руку Корин и поцеловал ее.

— Митчелл Паркер. Приятно познакомиться, мэм.

— Господи помилуй, — прошептала Корин.

Митчелл улыбнулся, и я уверена, что Корин уже растаяла. Когда он подмигнул, она качнулась.

— О-о, ради любви ко всему хорошему, — я оттолкнула Митчелла. — Нас ждет работа! Корин, держись подальше от Триппа. Он политик.

— Эй! — возмущенно воскликнул Трипп.

— Митчелл — техасский рейнджер.

Корин кивнула:

— Бейсболист! (Прим.ред.: «Texas Ranger», бейсбольная команда США)

Митчелл рассмеялся.

— Ты ведь не из Техаса, дорогая?

Глядя на меня удивленными глазами, Корин улыбнулась, а затем повернулась к Митчеллу.

— Чикаго.

Он кивнул.

— Ну, Корин из Чикаго, техасские рейнджеры, это еще и элитная группа полицейских.

Трипп разражено пыхтел, стоя за Митчеллом.

— Вы полицейский? — спросила мечтательно Корин.

Ухмылка Митчелла стала шире.

— Да, мэм.

Когда она закусила губу, я дернула ее за руку.

— Корин, это Корд Паркер. Он владеет баром.

Корин протянула руку, и Корд последовал примеру братьев.

— Удовольствие — это мое все.

— Приятно познакомиться, Корд.

Остановившись перед Тревором, я глубоко вздохнула. Уж его-то, больше всего стоит опасаться.

— Корин, это Тревор. Хоть он и самый младший брат, но он самый опасный.

Тревор откинул голову и громко засмеялся, потом посмотрел прямо на Корин.

— Да, черт возьми.

— Приятно познакомиться, Тревор, — сказала Корин, протянув руку.

Тревор посмотрел на нее, и усмехнулся, как будто сделал улов дня.

— Черт возьми, подруга Пакстон — моя подруга. Иди сюда.

До того, как я поняла, что он задумал, Корин была уже в объятьях Тревора. Он приподнял ее над землей. Она взвизгнула и рассмеялась. Когда он поставил ее на ноги, щеки Корин пылали.

— Тревор, — прорычала я, сузив глаза.

Хотела бы я на этом развернуться и уйти, не представив, Корин Стиду, но я не могла это сделать перед папой. Он воспитал меня лучше.

Стид все еще плялился на меня, но повернулся к Корин, вежливо улыбнулся и ... просто пожал руку.

— Стид Паркер, приятно познакомиться.

Корин дернула головой и кинула на меня многозначительный взгляд:

— Стид?

Я закусила губу, безмолвно умоляя: «Пожалуйста, Корин не здесь».

— Да, Корин, это Стид. Он только что переехал из штата Орегон со своей дочерью Хлоей.

Корин выдала фальшивую улыбку.

— Ну, я много слышала о Вас.

Улыбка Стида исчезла, и он откашлялся.

— Уверен, много.

Наклонившись к нему, Корин тихо, что только он мог услышать, прошептала:

— Я бы хотела, схватить тебя за яйца и запихнуть их в твое же горло за то, что ты с ней сделал.

Его глаза расширились, и он сделал шаг назад.

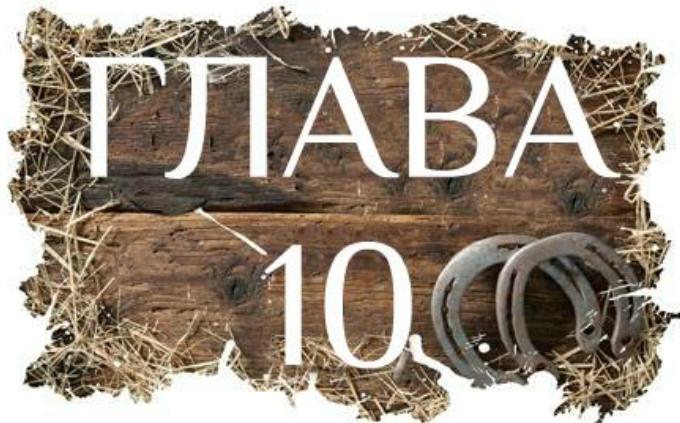
Я хлопнула в ладоши.

— Восхитительно. Поскольку теперь у нас есть помощники, мы должны установить все эти палатки.

Тревор первым ринулся в дело.

— Давайте сделаем это деръмо!

Стид на мгновение остановился передо мной, а затем направился к Корду, не сказав ни слова. Я постаралась скрыть боль от этого. В конце концов, я первая оттолкнула его. Почему я должна ожидать, что он остановится и поговорит?

ГЛАВА

10.

Пакстон

— Он не может оторвать от тебя взгляд, — прошептала Корин.

— Ну и что, — возразила я, глядя на Стида. Я бы ни за что не призналась Корин, да и себе едва ли, но в груди все дрожало, а желудок делал кувырок каждый раз, когда я ловила взглядом Стида, наблюдающего за мной.

Она вздохнула, и я перестала заниматься стендом и повернулась к ней.

— Что?

Она пожала плечами.

— Не знаю. Он выглядит очень грустным.

— Правда? А мне все равно, грустен он или нет.

— Пакстон, не может быть. Я уверена, ты все еще переживаешь за него.

Она ошиблась. Не переживала. Я все еще любила его.

Мой отец подошел, как обычно, с улыбкой.

— Дорогая, все палатки установлены, и я думаю, что мальчики должны вернуться на ранчо. Я вытащил их, но у них своя работа.

Я обняла его.

— Спасибо, папочка, за помощь.

Он отстранился и подмигнул.

— Ну, как только они услышали, что ты в беде, сразу вызвались помочь.

Вина вновь набежала на меня, ведь я долго избегала всю семью Паркер, а они, как только услышали призыв о помощи, не думали дважды. С улыбкой я сказала:

— Да, это похоже на мальчиков Паркер.

— Пакстон, они не мальчики. Они на сто процентов мужчины, — заявила Корин.

Я закатила глаза, а отец рассмеялся.

Митчелл подошел, протирая руки, и я отметила, как Корин выпрямилась, а глазки засверкали.

— Было очень приятно познакомиться с тобой, Корин.

Митчелл пожал ее руку. Я точно могу сказать — она была разочарована. Корин явно хотела повторить момент поцелуя своей ручки.

Трипп подошел следующим, и практически оттолкнул Митчелла с дороги. Вот уж он был счастлив, поцеловать ладонь Корин.

— Корин, для меня большая честь работать рядом с тобой. Может, скоро встретимся.

Корин широко улыбнулась и ответила:

— Мне бы это понравилось.

Я посмотрела на Митчелла. Он не выглядел довольным, когда направлялся к грузовику Тревора.

Я поблагодарила каждого из ребят, удивившись, что Стид не с ними. Посмотрела через плечо, и увидела, что он разговаривает с Джиной Хиггинс.

— Когда Джина сюда приехала? — спросила я Корин.

Она пожала плечами.

— Не знаю. Но, похоже, она положила глаз на твоего мужчину.

Я дернулась.

— Он не мой, Корин, — я отвернулась и направилась к отцу, стоящему у грузовика.

Там же стоял Корд и улыбался мне.

— Пакстон, ты обязательно должна зайти к родителям. Я знаю, мама была бы рада тебя видеть.

Боль кольнула мое сердце. Я любила Мелани и очень по ней скучала.

— Я бы с удовольствием — тихо ответила я.

— Он не заинтересован в ней, — Корд кивнул мне за спину.

Я посмотрела через плечо. Джина изо всех сил любезничала со Стидом. Когда наши глаза встретились, я тут же отвернулась.

— Меня не заботит, даже если он и заинтересован.

Его брови приподнялись.

— Да ну? Когда ты смотрела на них, все в тебе кричало что заботит.

Только я хотела ответить, как Тревор нажал на клаксон своего Форда, поторопливая братьев. От неожиданности я подпрыгнула и вскрикнула. Корд погрозил ему пальцем, Трипп и Митчелл рассмеялись и направились на автостоянку к машине.

Папа, стоящий у открытой двери своего грузовика махнул на прощание.

— Пока, милая. Мне пора.

— Еще раз спасибо, что пришел мне на помощь, папа.

— Не благодари меня. Спасибо мальчикам, — рассмеялся он.

Я улыбнулась.

— Будь осторожен. Поцелуй и обними маму за меня.

Забравшись в грузовик, он закрыл дверь и в окошко крикнул:

— Сделаю!

Корд все еще стоял рядом, словно чего-то ждал. Только я открыла рот, чтобы спросить, когда мое тело пронзил удар тока, начиная с нижней части спины, где... Стид положил руку.

— Пакстон, у тебя есть минутка, чтобы поговорить?

Я сводила глаз с Корда, и мысленно просила помочь мне. Но ублюдок, повернулся и направился к машине Стида.

— Пакс, пожалуйста, — попросил Стид.

Я закрыла глаза. Его мольба, обхватила в кокон мое больное сердце.

Я повернулась к нему и задержала дыхание. Боже мой, он такой красивый. Взрослая версия мальчика, которого я так безумно любила.

— Хорошо, но не здесь. Не хочу, что бы родители сплетничали.

— О'кей. Где?

— Давай встретиться у меня дома сегодня вечером, — вылетело из моего рта, прежде чем я смогла остановиться. Ноги от испуга покосились.

Он широко улыбнулся, но я указала на него пальцем и рыкнула:

— Даже не думай.

От его взгляда, воздух застрял у меня в груди. Стид выглядел так, будто хочет поцеловать меня и, честно говоря, если бы мы не стояли на площадке Осеннего фестиваля на глазах людей, вероятно, я позволила бы ему это. Конечно после, отрезала бы ему яйца.

— Во сколько? Мне нужно договориться о Хлое.

Бам! Опять боль в груди.

— В пять. Это достаточно рано, чтобы не пропустить ужин или еще что-нибудь?

Его глаза стали грустными.

— Да. Да, отлично.

— Договорились, — кивнула я. — Пришлю тебе адрес.

Развернувшись, я пошла к палатке, где стояла Корин. Я сосредоточилась на дыхании, так как чувствовала спиной взгляд Стида. Один взгляд через плечо доказал, что я права. Я слабо улыбнулась ему, но мое сердце колотилось как бешеное. Я не хотела прощать его, хотела злиться, но сердце начало побеждать в войне с головой.

Когда я добралась до стенда, почувствовала еще один взгляд. На этот раз — Джина. О, эти глаза были наполнены злобой.

Я стояла перед зеркалом и стонала.

— Зачем я позвала его домой?

Корин сидела на краю моей кровати.

— Потому что в глубине души ты хочешь, чтобы кое-что случилось.

Я возмущенно посмотрела на нее в зеркало, открыв рот.

— Нет!

Корин рассмеялась.

— Хватит. Вы смотрите друг на друга, с таким голодом, — она откинулась на кровать, и простонала: — О-о-о, иметь такую любовь...

— Ты сошла с ума, — фыркнула я — Я не смотрю на него так, а уж он и подавно. Кроме того видела, как он разговаривал с Джиной?

— Да, ладно, — Корин села, — Джина — потаскушка. Стид не заинтересован в ней. Она просто вешается на него. Верь мне. Я вижу.

— С каких пор ты стала поклонницей Стида? — спросила я, укладывая волосы в прическу.

— О, нет. Поверь, когда он представился, я хотела врезать ему как следует. Хотя на его красивое лицо можно запасть, — подмигнула Корин, и я не могла не засмеяться.

— Он красивый, не буду спорить по этому поводу.

— Черт, они все красивы. И тела как у греческих богов. Что, черт возьми, их мать пила во время беременности?

Смеясь, я села в кресло.

— В юности, все девочки сходили с ума от братьев Паркер. Трипп — старший брат, вел себя как лорд, и девочки толпами бросались на него. Было даже грустно на них смотреть.

— Он когда-нибудь серьезно встречался с кем-нибудь?

— Да, у него была девушка, Харли. Они расстались, и он стал своего рода легендой — Паркер-шлюха. Я думаю, Харли разбила ему сердце, и он нашел единственный способ преодолеть боль — переспать с каждой девушкой, которая согласится.

Корин закатила глаза.

— Что о Митчелле?

Я улыбнулась.

— Он всегда был серьезным. Всякий раз, когда мальчики задумывали что-нибудь на грани, Митчелл пытался отговорить их.

— Это объясняет то, что он стал полицейским.

— Да. Наверное, он самый скромный из ребят.

— Да, интересный, — Корин встала. — Думаю, мне пора, пока Стид не приехал.

Моя грудь затвердела и началась паника.

— Может, мне позвонить и переговорить на завтра?

Корин взяла мои руки и посмотрела пронзительно в глаза.

— Пакстон, тебе нужно поговорить с ним. Тебе нужно было поговорить с ним тогда, десять лет назад. Вы не сможете двигаться дальше, если не разберетесь. Ты говоришь, что у тебя нет чувств к нему, но я твоя лучшая подруга, и знаю, что это ложь. Я вижу, как ты смотришь на него. Поговори с ним, дорогая. Ты больше не можешь держать это внутри.

— Я знаю, — прошептала я. Слеза соскользнула из глаза и медленно стекла по лицу.

Сжимая мои руки, Корин ободряюще улыбнулась.

— Расскажи, как он тебя обидел, Пакстон. Будь откровенна, и закрой эту главу своей жизни. Тогда ты решишь, является ли Стид Паркер частью следующей главы или нет.

Мой подбородок дрожал, и все, что я могла сделать, это кивнуть.

Корин поцеловала меня в лоб и повернулась, чтобы уйти. Быстрый взгляд на часы показал, что у меня есть пятнадцать минут до прихода Стида.

— Может, тебе стоит что-нибудь сделать, — намекнула Корин, остановившись у двери.

Дернув головой, я спросила:

— Зачем?

— Ты трясешься, как лист на ветру, — подмигнула она.

После того как Корин ушла, я несколько минутостояла, глядя на дверь. Вдохнув глубоко, я мысленно вернулась ко дню, который изменил все.

Все отмечали окончание школы. Все, кроме меня. Спазмы в животе постоянно напоминали о том, что сегодня рано утром я потеряла ребенка. Я так устала. Когда почувствовала боль, поехала в одиночестве в больницу и там, доктор рассказал что произошло.

Подошел Стид, сел рядом со мной и взял за руку. Вырвав ее, я прошипела:

— Не трогай меня.

Его глаза были грустными, но мне уже было все равно.

— Пакс, прости, что меня там не было.

— Это ты виноват.

Наверное, ужас, отраженный на его лице, должен вызвать сожаление об этих словах, но нет. Что думала — то и сказала.

— Пожалуйста, давай выйдем, поговорим.

— Поговорим о чем, Стид? Твои слова не сделают все лучше.

Он снова взял мою руку, и на этот раз я не боролась.

— Может, мне уехать на несколько недель?

Я резко повернулась к нему.

— Что? Почему?

Он опустил глаза в пол.

— Ты расстроена, и нам обоим нужно время, чтобы успокоиться.

Вскочив, я бросила на него взгляд.

— Ты бежишь. Вот что ты делаешь. Ты кусок дерьяма! Ты бросаешь меня! Снова! Как ты можешь так поступать?!

Стид тоже встал.

— Погоди, Пакстон, я не это имел в виду.

Я толкнула его изо всех сил.

— Ненавижу тебя! Я так сильно тебя сейчас ненавижу. Оставь! Беги и спрячься!
Я больше не хочу тебя видеть. И клянусь Богом, в следующий раз, если ты надумаешь
поговорить со мной, я отрежу тебе член и засуну его, тебе в горло!

— Пакстон, подожди.

Он потянулся ко мне, и я закричала. Я никогда в жизни не видела Стида таким
напуганным. Видя, с какой болью в глазах он тянул ко мне руки, чуть не вынудило меня
сказать, что мне жаль. Но я этого не делала.

— Я никогда не причиню тебе вреда, Пакстон. Никогда.

— Уже. Ты уже причинил мне огромную боль. Пожалуйста... оставь меня в покое,
Стид. Просто оставь.

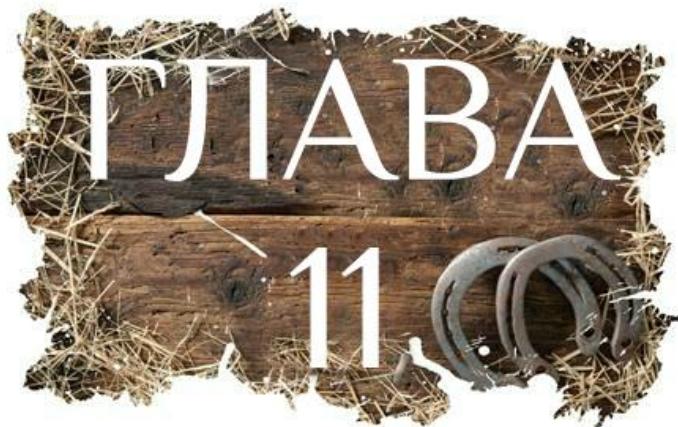

Глаза открылись, и я глубоко вдохнула. Картинка того дня засела в моей голове.
Повернувшись, я пошла на кухню, взяла бутылку рома и колы, и сделала себе коктейль.

Напиток попал в пустой желудок, и я застонала.

Я оттолкнула его.

Я — сказала ему уйти и никогда не возвращаться. Тогда я не думала, что он примет
это близко к сердцу.

ГЛАВА

11.

Стид

Когда я подъехал к дому Пакстон, я не мог не улыбнуться. Это место Пакстон однозначно очень любит. Она всегда мечтала владеть одним из старых домов в центре города. Бьюсь об заклад, она купила старый скучный фермерский дом и переделала все, вернув его к жизни.

Вынув ключи, я дернул себя за волосы и глубоко вздохнул. Я ждал десять лет, чтобы поговорить, и не мог заставить свои чертовы руки перестать дрожать.

Ступая на крыльце, я огляделся и усмехнулся, увидев два черных кресла-качалки. Напоминание о том времени, когда мы сидели на таких же креслах-качалках на крыльце родительского дома, и говорили о нашем совместном будущем.

Когда я посмотрел на дверь, мои руки словно налились свинцом. Наконец, я нажал на дверной звонок. Менее чем через десять секунд дверь открылась.

Воздух из легких мгновенно пропал. Самая красивая женщина в мире стояла передо мной. На Пакстон было светло-синее платье, ладно сидевшее на ней. Я посмотрел на ее босые ступни, взглянул выше и улыбнулся, когда увидел, что ее волосы заплетены в обычную косу.

— Привет, — тихо сказал я.

Выражение ее лица было бесстрастным и нечитаемым. Ни слова не сказав, она повернулась и пошла вглубь дома. В удивлении подняв брови, я зашел и закрыл дверь.

— Хочешь выпить? — спросила Пакстон, когда я прошел за ней на кухню-гостиную.

— Нет, спасибо.

Она рассмеялась.

— Ну, а я выпью.

Мы остановились у кухонного островка. Пакстон налила ром в стакан и смешала с диетической колой. Когда она сделала глоток, моя челюсть чуть не упала на пол.

— Ты в порядке?

Она стрельнула на меня глазами, и медленно покачала головой.

— Нет, Стид. Я далеко не в порядке. Я не в порядке с тех пор как ты ушел от меня. Я тяжело сглотнул.

— Я запутался, Пакстон. Ты сказала, что ненавидишь меня. Сказала мне уйти.

— Я ненавидела тебя и хотела, что бы ты ушел, — слеза скатилась по ее щеке. — Даже сейчас, когда одна в постели, я ненавижу тебя.

— Тыковка, мне так жаль.

Пакстон зло рассмеялась.

— Тебе жаль?! Жаль, что ты оставил меня, чтобы самому разобраться с потерей нашего ребенка? Что не вернулся? Или, может быть, жаль, что ты уложил другую женщину в постель, и решил, что с ней стоит остаться?

Гнев промчался сквозь меня.

— Ты обвинила меня в потери ребенка, Пакстон! Сказала, что больше никогда не хочешь видеть. Что, черт возьми, я должен был сделать?

Она хлопнула стаканом по гранитной столешнице.

— Остаться! Ты должен был остаться, черт возьми! Не оставлять меня!

Я упрямо покачал головой.

— Ты сказала мне уйти.

Ее губы сжались в тонкую полоску.

— На самом деле, я не хотела, чтобы ты уходил, Стид. Мне было больно и страшно. Я в одиночестве поехала в больницу. В одиночестве пережила потерю ребенка. Мне не с кем было поговорить.

Ее громкий стон, словно ударил меня в живот.

Она опустила голову на столешницу и заплакала. Я двинулся к ней, но Пакстон жестом остановила меня. Когда она подняла голову, все лицо было залито слезами.

— Сначала я потеряла ребенка. Потом — тебя.

— Пакстон, — прошептал я.

— А после... я потеряла себя, Стид. Часть меня умерла, пока ты не вошел в мой класс тем вечером. Та... маленькая... маленькая... — Пакстон говорила сквозь рыдания, — часть меня... вернулась к жизни, и всколыхнула ненависть к тебе.

А я не вернулся, потому что был трусом.

Пакстон посмотрела в глаза и озвучила мои мысли:

— Почему ты не вернулся?

Я даже не прятал слез. Единственной женщине, которую я любил, было больно. И это моя вина. Снова.

— Вот поэтому... Видеть, как я продолжаю причинять тебе боль. Это убивает... — я прочистил горло, и продолжил: — Это убивает меня, знать, что сделал с тобой и нашим ребенком. Когда я уехал, я... я исследовал информацию о выкидышах. Помнишь, ты сказала, что это случилось из-за меня, я... понял, что это так.

Пакстон, обняв себя руками, молча смотрела на меня.

— Я начал пить, чтобы заглушить твои крики, — от напряжения заныла челюсть.

— Но это не работало. Крики стали только громче. Твои слова, что ты ненавидишь меня, все время вертелись в голове. Я знал, что если вернусь, твоя ненависть вспыхнет вновь. Я был трусом и не мог видеть тебя... видеть в таком состоянии.

Я опустил голову, делая глубоки вдохи.

— Я почти бросила университет, — сказала она.

— Что? — вздернул я голову.

Пакстон оперлась о столешницу и потерла лицо ладонями. Черные полосы туши размазались по красивому лицу.

— Когда ты не вернулся к началу занятий, я поняла, что ты никогда не вернешься. Без тебя было так больно. Куда бы я ни повернулась, везде — память о тебе. О нас.

В моей жизни осталось только страдание. Я была словно посреди песчаной бури, и понятия не имела в какую сторону бежать. Поэтому притворилась, что все в порядке. Сделала то, что ожидали родители — пошла в «А&М». Но все, что чувствовала, это боль. Когда я познакомилась с Корин, я немного успокоилась. Но через пару месяцев, я по ТВ увидела футбольный матч орегонской университетской команды. Тебя объявили как звездного игрока из Техаса, который перешел к ним. Поняла, что ты учишься в Орегоне. Я вновь оказалась в центре бури, под дождем. Перестала ходить на занятия. Тусовалась, пила и дошла до того, о чем могла жалеть всю оставшуюся жизнь.

Мое дыхание остановилось.

Пакстон улыбнулась сквозь слезы.

— Не переживай, Стид. Я знала, когда нужно остановиться. Но боль продолжала расти, и не было сил с ней бороться. Корин заставила рассказать ей все. Она единственная, кто знает о ребенке, ну, кроме психолога, к которому я начала ходить. Потом, я

научилась... — Пакстон закрыла глаза. Я не выдержал, подошел и взял ее за руки. — Я научилась скорбеть о ребенке и единственном человеке, которого я любила.

Я закрыл глаза. Легкие горели при каждом вдохе.

— Мне так жаль, что меня не было рядом, — я взглянул на нее. Печаль в глазах сказала, что Пакстон еще не закончила скорбеть. — Пакстон, если бы я мог вернуться. Если бы я мог все изменить. Я насколько глуп и эгоистичен. Не знаю, какие слова подобрать, чтобы описать, какой я мудак. Но если бы я мог вернуться в тот день, когда ты сказала, что беременна, я бы никогда не ушел. Я облажался дважды, и ничего не могу сделать, чтобы изменить реальность.

Она вытерла слезы.

— Я знаю.

Подняв руку, я заправил ее волосы за ухо.

— Пакстон, я никогда не переставал любить тебя.

Ее подбородок дрожал.

— Почему... почему ты тогда двинулся дальше?

Я покачал головой.

— Я никогда не двигался дальше.

— Прости, что? Стид, ты женился! У тебя ребенок! Ты продолжил жить.

— Нет. Вот о чем я хотел поговорить. Тем вечером, в баре Корда, ты не дала мне объяснить. Мама держала меня в курсе того что происходит с тобой, общаясь с твоей мамой. Она была безумно расстроена, что ты избегаешь ее.

Пакстон вдохнула.

— Я тоже расстроена. Мне этого не хватало.

Я осторожно положил ладонь на ее щеку, думая, что Пакстон отстанется, но нет.

— Однажды мама сказала, что ты встречаешься с Джо Миллером. Я даже не знал, что этот ублюдок учиться с тобой в «А&М». Твоя мама сказала, что у вас скоро помолвка и свадьба.

— Что? — глаза Пакстон расширились в шоке.

Волнуясь, я отошел от Пакстон на пару шагов и облокотился на стойку.

— Я сошел с ума от мысли, что ты выйдешь за него замуж. Черт, даже то, что ты просто встречаешься с ним, сводило меня с ума. Всю вину и гнев, которые я пытался похоронить, вылезли вновь. Мысль о том, что я покинул любовь всей жизни, убивала меня. Я сказал маме, что больше ничего о тебе не хочу слышать. Запретил ей говорить о тебе, угрожал сразу же повесить трубку.

Пакстон смутилась.

— Я встретил Ким на вечеринке, через несколько недель после того как узнал, что ты обручились. С ее помощью я хотел забыть тебя. Я никогда не чувствовал связи с ней, она была полной твоей противоположностью. Мы встречались недолго, и я понял, что нужно быть честной с ней. В тот день, когда я хотел расстаться с Ким, погибли ее родители. Она была в не себе несколько недель. Ее лучшая подруга боялась, что Ким убьет себя, если ей незачем будет жить, и уговорила сделать ей предложение. Я чувствовал себя виноватым... Ох, если бы знал, что это вина отголосок за то, что случилось с тобой, и не имеет ничего общего с Ким... — я замолк и глубоко вдохнул. — К тому же, я был зол на Джо и идея о том, что ты встречаешься с ним... Я думал, вы съехались, Пакстон.

Она нахмурила брови.

Сердце так сильно стучало в груди. Я так долго ждал, чтобы рассказать Пакстон все, и теперь, был напуган, что она возненавидит меня еще больше.

Вдохнув глубоко, я продолжил:

— Поэтому мы поженились. Мне не нужно было много времени, чтобы понять, какая это была огромная, блядь, ошибка. Я не стал тянуть и сказал, что хочу развод.

Предупредил родителей, что вернусь в Техас как только закончу колледж и разведусь. Я собирался разобраться с тобой.

— Что? — Пакстон одновременно положила руки на рот и живот, словно ее сейчас стошнит.

— Эй, ты в порядке?

Она покачала головой.

— Нет. Мне нужно присесть.

ГЛАВА

12

Пакстон

Мне стало плохо. Стид собирался вернуться домой? Ко мне?

Упав на стул, я потянулась за бутылкой рома, но Стид забрал ее.

— Я лучше принесу тебе воды, тыковка.

Тыковка. Каждый раз, когда он называл меня так, в животе всыхивало.

Стид достал бутылку воды из холодильника, налил в стакан и вручил мне. Я сделала жадный глоток и сказала:

— Продолжай.

Когда его рука прошлась по своим волосам, я еле сдержала стон.

— Когда мы поженились, Ким сказала, что не готова к детям и будет принимать таблетки, но и я продолжал пользоваться презервативами.

Мысль о том, что Стид спал с другой женщиной, убивала меня. Разумом понимала, что это его жена, но сердцу было больно.

— Она...

— Не знаю. Подозреваю, что она перестала принимать таблетки еще до свадьбы. Уже позже, из друзей Ким я выбил, что когда мы только познакомились, она увидела в газете статью, в которой моя семья была названа самой богатой в Техасе. И когда она начала постоянно говорить о том, что нам нужно переехать в Техас, я понял, что у нее изначально был план, решил, что не дам ему воплотиться. Кроме того знал, что вру себе — я все еще был влюблена в тебя, и мне нужно скорей разводиться.

— Но она оказалась беременна, — слова с трудом пробились из сухого горла.

Стид опустил глаза.

— Да. Когда она объявила об этом, мне стало плохо. Единственное, о чем я мог думать, это о тебе.

Он медленно поднял глаза, и посмотрел на меня.

— Ты — женщина, на которой я мечтал жениться и завести детей. Ким была огромной ошибкой.

Я сжала губы, чтобы не расплакаться.

— Вина просто захватила меня. Было трудно. Я рассказал ей о тебе, что никогда не смогу полюбить ее, потому что отдал сердце другой женщине. Она настаивала, что ребенок все изменит. Я же — знал, что не изменит, но при этом, боялся совершить ту же самую ошибку, что и с тобой. Я боялся расстроить ее, ведь если она потеряет ребенка, это будет моя вина. Снова.

Мое сердце заныло, когда увидела слезу, сползающую с щеки Стида.

— Стид, это не твоя вина. Нашему ребенку просто не суждено было родиться.

Он уронил голову на сомкнутые руки, и я ошеломленно смотрела, как он плакал.

— Каждый чертов день, я просыпаюсь и думаю об этом, Пакстон. Нет ни одного дня, когда я не думал об этом. Я хочу, чтобы ты знала.

Я не двигалась и смотрела, как Стид скорбит по нашему ребенку. Прикрыв рот, я беззвучно плакала вместе с ним.

— Поэтому я ни хрена не сделал. Я просто не смог бы жить дальше, — он вытер слезы и посмотрел на меня. — Поэтому я остался. И она родила. Но чувство вины никуда не делось, потому что я безумно влюбился в этого ребенка, и этот ребенок не был твоим. Я не знал, как с этим справиться. Я планировал развестись после рождения ребенка, но не знал, как в нашем случае будет работать опека. Когда я наконец-то решился, Ким начала угрожать забрать Хлою и уехать так, что я не смогу их найти.

В молчании мы просидели несколько минут, Стид пытался взять под контроль свои эмоции, а я молча плакала, усваивая информацию.

— Ким никогда не любила Хлою. Делала только то, что необходимо. Я довольно быстро понял, что ребенок был ей нужен только ради денег. Я пытался, черт возьми, избавиться от Ким, умолял ее развестись. Каждый раз, когда поднимал эту тему, она угрожала увезти ребенка. Иногда, я уходил из дома, и не знал, будет ли моя дочь на месте, когда вернусь.

Я покачала головой, удерживая в себе злые слова. Как мать могла быть такой жестокой? Бедная Хлоя.

— На протяжении многих лет я искал выход. И вот однажды, отец предложил вариант. Якобы родители поссорились со мной, из-за того что я не вернулся в Техас. И отец послал документы, что моя семья отказывается от меня. Я сделал так, что именно Ким получила их от курьера. Я знал, что она не удержится и откроет конверт. И уже на следующий день она зашла ко мне в домашний кабинет с адвокатом, и подписала бумаги на развод. И самое главное, отказалась от родительских прав на Хлою. И знаешь, что она сказала? «Я потратила семь лет своей жизни на тебя. Хватит!».

Я задохнулась от ужаса.

— Она даже не попрощалась с Хлоей. Собрала свои вещи и ушла, — Стид закрыл ладонями лицо и грубо рассмеялся. — И вот что сбивает с толку: если бы я не ушел от тебя, у меня не было бы Хлои, — он судорожно вздохнул, пытаясь удержать свои эмоции. Когда он посмотрел на меня, его глаза были полны слез. — И вот теперь, у меня есть Хлоя, но нет тебя.

У меня есть эта удивительная девочка, которую я люблю, но у меня нет мечты, что мы оба хотели. И чертова, порочный круг вины продолжает вращаться. Я здесь, и все, что хочу сделать, обнять тебя и сказать, как сильно люблю тебя, Пакстон. Я никогда не переставал любить тебя. Но я разрушил нашу мечту и не виню, если ты ненавидишь меня за это.

Меня начало трясти. Я медленно встала, и подошла к нему, и не могла не заметить как Стид задержал дыхание, когда остановилась перед ним.

Я хотела больше, чем его объятий и слов о любви. Я хотела, чтобы он сказал, что вернется ко мне и все будет хорошо.

Стид не двигался, и не сводил взгляда с меня.

Я судорожно вдохнула и произнесла:

— Я встречалась с Джо, — знаю, слышать эти слова для него больно, но Сиду нужно знать все, чтобы дальше двигаться. И я должна знать, будем ли мы двигаться вместе или расстанемся. — Но, не спала с ним.

Не было никаких сомнений, ему было больно.

— Что?!

— Мы просто изредка виделись. Я понятия не имею, почему его мать так решила.

Именно в тот момент, круг разомкнулся. Каждая глупость, которую мы говорили друг другу в гневе. Каждая ошибка, которую мы совершили. Каждое сожаление. Все открылось.

Стид закрыл лицо руками и закричал. Обессилено сполз на пол, повторяя и повторяя три слова:

— Мне очень жаль.

Я села на пол рядом с ним. До сегодняшнего дня я никогда не видела Стида плачущим. Он обнял меня и уткнулся лицом в плечо, его тело тряслось, пока он выпускал эмоции.

— Пакстон, мне очень жаль. Прошу прощения. Боже. Мне очень жаль.

Закрыв глаза, я держалась за Стида, в его крепких объятиях.

Я тоже ошибалась все эти годы.

Прежде чем разомкнуть объятья мы просидели в такой позе полчаса. Молча. Наверное, я выплакала все слезы. Уверена, что и Сид тоже.

Я повернулась и посмотрела на Стида. Он смотрел вперед, упираясь затылком в шкаф. Внутри груди все сжалось.

Я все еще любила его.

Возможно, после того что произошло здесь, я смогу открыть свое сердце снова, но пока все еще было больно.

Стид, наконец-то, заговорил:

— Однажды, я прочитал одну цитату, и запомнил ее на всю жизнь.

— Какая? — спросила я.

— «Страх временен, сожаление навсегда», — он повернулся и посмотрел мне в глаза. — Я больше не позволю страху увести меня вниз по дороге, чтобы вновь испытывать сожаление, Пакстон.

Его взгляд упал на мои губы, и я инстинктивно облизала их.

— Я люблю тебя, Пакс. Я буду любить тебя до последнего вздоха.

Потрясенная, я, прошептала:

— Стид, я...

Он поднял руку, останавливая меня.

— Позволь мне закончить, пожалуйста, — он встал на ноги, взяв меня за руки, помог подняться. Стоя лицом к лицу, он всматривался в мое лицо, как будто что-то искал.

— Я не знаю, куда нас приведет жизнь, но уверен, что не перестану бороться за нас, Пакстон. Даже если придется положить на это всю жизнь, я заслужу твое прощение и любовь.

Мое сердце еще никогда не билось так быстро и сильно. Я боролась с желанием поцеловать его с тех пор, когда он вошел в мой класс. Я устала.

Один поцелуй.

Это все, что я хотела.

Все, что мне было нужно.

Мне нужен был этот мужчина.

Делая шаг ближе, я твердо встретила его взгляд.

— Ты никогда не потеряешь мою любовь, Стид.

Он поднял руки и обхватил мое лицо.

Всего один поцелуй.

Глаза Стида не отрывались от моих губ. Медленно, очень медленно он приближался ко мне. Я молча умоляла его о поцелуе.

Когда его губы, наконец, коснулись моих, я издала тихий стон.

Это был медленный и нежный поцелуй, и мое тело ожило. Я углубила поцелуй.

Стид застонал мне в рот и отстранился. Он прижался лбом к моему лбу и вздохнул.

— Прости — прошептал он.

Закрыв глаза, я ответила:

— Не говори так. Не тогда, когда я все знаю.

Неожиданно раздался звонок в дверь, и мы отскочили друг от друга. Я чувствовала в теле легкость и вынуждена опереться рукой на стойку, чтобы устоять на ногах.

Глаза Сида выглядели голодными от желания, но на лице застыло выражение печали.

Вновь раздался звонок, а потом стук в дверь. Я прочистила горло:

— Мне нужно открыть.

Он кивнул, приглаживая волосы. Черт, он такой горячий, когда делает это.

Под впечатлением от Стида, я не глядя открыла дверь. Увидев стоящего, я замерла в шоке.

— Джо?

Широкая улыбка появилась на его лице, когда он промурлыкал:

— Привет красавица. Скучала по мне?

ГЛАВА

13.

Стид

Сердце так сильно стучало в груди, что эхом отдавало в ушах. Мне не нужен был поцелуй, чтобы напомнить о том, как сильно я люблю Пакстон. Когда наши губы встретились и тела устремились друг к другу как магниты, я знал, что эту женщину буду любить до конца моей жизни.

И кажется, сейчас она станет причиной моего сердечного приступа.

Когда раздался звонок в дверь, я молча поблагодарил Бога. Потребовалось много сил, чтобы сдержаться и не схватить Пакстон, нагнуть над столешницей и не похоронить в ней член. Постоянные битвы между головой, сердцем и телом стали слишком утомительны.

Я поправил мой твердый, как скала член.

— Ох, держись, Паркер, — прошептал я себе, и направился к бутылке рома. Я налил в стакан алкоголь, но не донес до рта — застыл, услышав знакомый голос.

— Джо?

— Привет, красавица. Скачала по мне?

Черт! Что он здесь делает?

Я поставил стакан на столешницу, и направился к двери.

— Джо сейчас не самое подходящее время.

Глаза Джо встретились с моими. Его улыбка исчезла, а моя стала шире.

Правильно, ублюдок. Я вернулся.

Он грубо рассмеялся и сказал:

— Стид Паркер. Я слышал, ты вернулся в город.

Козел.

— Точно!

Пакстон прочистила горло и встала перед Джо, помешав ему зайти.

— Сейчас не лучшее время, Джо.

— Да, ладно, похоже, у тебя тут встреча.

— Но тебя на нее не пригласили, — заметил я.

Пакстон взглянула на меня через плечо.

— Стид. Я справлюсь.

Джо зло выпалил:

— Так ты думаешь, что можешь спокойно вернуться в город и вернуть свое?

— Я думаю, тебе нужно уйти, Джо, — сказала Пакстон, и положила руку на грудь Джо.

Он внимательно посмотрел на нее, а потом на меня.

— Не сказать, что вы веселитесь.

— Ты даже не знаешь, зачем я здесь, мудак, — прорычал я.

— Хватит, вы оба — остановитесь. Джо, прошу тебя, пожалуйста, уходи.

Расстроенное выражение появилось на его лице, затем положив руки на плечи Пакстон, он покачал головой и сказал:

— Зачем, Пакстон? Зачем позволяешь этой беде вернуться в свою жизнь? Он бросил тебя, помнишь? Он не любит тебя и никогда не любил. Все, что было между вами — секс, игра.

Я ринулся к нему и за рубашку оттащил от Пакстон.

— Отвали, сукин сын! — я ударил его по лицу, от чего Джо упал на задницу.

Пакстон закричала и бросилась к Джо.

— Стид! Ты сошел с ума?

— Он трогал тебя, Пакстон. Я не позволю ему больше прикасаться к тебе и говорить такие глупости.

Джо вытер кровь из разбитой губы, глядя на меня с пола. Пакстон стояла на коленях рядом с ним. Почему ей было не наплевать как он, я не понимал.

Я указал на него пальцем.

— Если ты, когда-нибудь, скажешь подобное снова, я...

— Достаточно! — воскликнула Пакстон. — Стид, я думаю, тебе нужно уйти.

Мои глаза округлились в шоке.

— Что? Какого черта я должен уходить? Это он, вломился без приглашения!

— Я могла справиться с этим сама. Теперь понятно, что некоторые вещи никогда не меняются. Ты не контролируешь свой вспыльчивый характер.

Она не могла принять сторону этого засранца. Не сейчас.

— Пакс, ты серьезно? Мы разговаривали... мы... я подумал... Зачем ты это делаешь?

— Мне нужно, чтобы ты ушел, Стид. Сейчас.

Джо смотрел на меня с самодовольной ухмылкой на лице.

Кивнув, окинул их взглядом, и посмотрел на нее.

— Хорошо. Как хочешь.

Она в ярости смотрела на меня.

— Наверное, ты ошиблась, — горько сказал я.

Гнев на ее лице сразу же растаял.

— Что?

— Ты перестала любить меня.

Посмотрел на Джо, и просто кивнул.

— Ты получил то, что хотел, ублюдок.

Пакстон замерла.

— Стид. Подожди.

Не оглядываясь, я вышел из дома и направился к своему грузовику.

— Стид!

Я открыл дверь в машину и посмотрел на Пакстон.

— Ты снова попросила меня уйти, Пакстон, ты уверена в своих словах? Или хочешь, чтобы я остался?

Она обняла себя и ничего не сказала.

Я медленно кивнул.

— Хорошо. Как-нибудь увидимся.

Казалось, мое сердце вырвали из груди. На этот раз, прежде чем ушел, я спросил ее, хотела ли она точно, чтобы я ушел. Я завел грузовик и уехал.

Хлоя практически вывернула мою руку из сустава, когда тащила меня за собой.

— Быстрее, папочка! Фестиваль вот-вот начнется!

Огляделвшись вокруг, заметил как много народа. Где, черт возьми, были некоторые из них вчера, когда Пакстон нуждалась в помощи.

— Смотри, мини-зоопарк! — вскричала Хлоя.

Смеясь, я покачал головой.

— Тыковка, ты живешь практически в зоопарке.

Она закатила глаза.

— Это другое, папа!

Пока мы шли к передвижному зоопарку, я искал в толпе Пакстон. Я знал, что она здесь, и боялся встретиться с ней. Тем более что она вынудила меня уйти, оставив ее наедине с этим ублюдком Джо.

Хлоя остановилась у загона с утками. Посмотрела на меня своими голубыми глазками и спросила:

— Можно мне утку?

— Зачем?

Слева от меня захихикали. Я простонал про себя, увидев Джину.

— Они такие милые в этом возрасте. Лили тоже хочет утку.

Хлоя прыгала вверх и вниз.

— Мы можем взять сестричек-уток, папа. И тогда можем праздновать их день рождения в один день.

Лилли подпрыгнула соглашаясь. Я посмотрел на Джину, и тут же отвернулся. Черт возьми, неужели нельзя смотреть на меня не так откровенно.

— Хлоя, мы не возьмем утку. Прости тыковка.

Я взял ее за руку и пробормотал Джине:

— Рад был тебя увидеть. Мы должны идти. Еще нужно кое-кого найти.

Ее губы капризно надулись.

— Эй, ты так и не перезвонил. Я ждала!

Я помахал ей и сказал:

— Конечно. Позвоню.

Мы быстрым шагом вышли из зоопарка.

— Папочка, почему мы так быстро идем?

Я замедлил темп.

— Прости, тыковка. Пойдем еще посмотрим? Может, найдем площадки для игр?

Хлоя широко улыбнулась.

— Игры? Утвердительный ответ!

Мы направились в игровую зону. Чего здесь только не было: и качели-карусели, и творческие мастерские, игры с учителями, даже плаванье на плоту по реке Фрио.

— Папа! Смотри: рыбалка.

Мне показалось, что краем глаза заметил Пакстон, я осмотрелся, но не увидел ее. Хлоя нетерпеливо дергала меня за рубашку, пытаясь направить к небольшому пруду, где дети ловили рыбу.

Когда я подошел и посмотрел в воду, увидел живую рыбку.

О, да! Мы же в Техасе!

— Можно мне?

Моя девочка любила рыбалку. С отцом, на ранчо, она ходила на рыбалку уже больше десяти раз. Улыбаясь, я попросил парня, смотрителя аттракциона, дать нам удочку.

— Только одну, сэр? — спросил он в замешательстве.

Смеясь, я сказал:

— Она ловит лучше меня.

Когда парень передал Хлое резиновых червей, она растерянно посмотрела на него.

— Они же не живые.

— Не настоящие, — поправил я.

Она оглянулась и бросилась в открытое поле.

— Что она делает? — спросил парень.

Улыбка растеклась по моему лицу.

— Ищет червя.

— Но у нас есть черви. Она должна использовать их.

Я оторвал взгляд от Хлои и посмотрел на информационный щит.

— Я не вижу, где написано, что мы должны использовать вашу приманку.

Он посмотрел на пожилого человека, видимо владельца, который рассмеялся и подмигнул.

— Эй, если у нее не тонка кишка, чтобы выкопать собственного червя, она заслуживает использовать его.

Я кивнул ему, говоря спасибо.

Хлоя вернулась с огромным жирным червем.

— Я нашла себе червя, сэр.

— Хочешь, я нацеплю? — спросил смотритель.

Но взглянув на лицо Хлои, он понял ее ответ и отдал удочку. Быстро насадив червя на крючок, Хлоя бросила его в воду. Гордо посмотрев на меня, она улыбнулась, отчего мое сердце затрепетало в груди.

У меня были проблемы с этой маленькой девочкой.

Многооого неприятностей.

Пакстон

Стоя за гигантским знаком фестиваля, я наблюдала как Хлоя выкапывала червя и насаживала его на крючок. Стид же, стоял с гордым выражением лица. Мое сердце ныло, пока я наблюдала за ними.

Как только увидела его сегодня, хотела сразу же подойти и рассказать, что заставила Джо уйти сразу же после его отъезда, предварительно расставив все точки над «и». Сказала, что у него нет шанса со мной, что я все еще влюблена в Стида. Я видела, что эти слова причинили страдания Джо, но такова правда. Кроме того, у нас не было ничего общего, и это была одна из причин, почему мы никогда не работали над нашими отношениями.

Во мне было столько ярости, когда я просила уйти Стида, а не Джо. Когда Стид ударил его, я разозлилась. Я ненавижу насилие, и Стид знает об этом. Кроме того, это был мой способ избежать последствий того что произошло между нами на кухне: его признание в любви, мое признание и этот поцелуй.

Гораздо больше было сказано этим поцелуем. Я еще не была готова справиться со всем этим.

— Что ты делаешь?

Из меня чуть дух не вышел. Я развернулась и схватилась за грудь.

— Иисус, Амелия! Зачем ты подкралась ко мне?

Она попыталась скрыть свою улыбку, но не смогла. Подняв брови, она взглянула за мое плечо.

— Смотришь на Стида и Хлою?

Мои щеки покраснели.

— Что? Нет! Они здесь? Я их не видела.

По ее взгляду поняла, что она видела, что я лгу.

— Понятно. Я была маленькой, когда вы со Стидом встречались, поэтому мы с тобой не общались, и практически не знаем друг друга, — улыбнулась она. — Но я точно могу сказать, что ты ужасная лгунья, Пакстон.

Я смущенно посмотрела на нее.

— Я не шпионю.

Амелия подняла руки.

— Я и не говорила этого.

Поджимая губы, я вздохнула.

— Хорошо. Я шпионила. Я потеряна, Амелия.

С мягкой улыбкой она взглянула на брата.

— Как и он, Пакстон. Его глаза такие грустные. Этим утром, за завтраком, мы с мамой заметили это. Да вся семья заметила.

— Вся семья? — ахнула я.

Она кивнула с усмешкой.

— Все братья последние два дня работают на ранчо, поэтому ночуют в

родительском доме. То что Стид, наконец, вернулся, просто отлично. Папа постепенно перекладывает на Стида все финансовые дела ранчо. То, что Стид занят делами ранчо, многое значит для отца.

Вина ударила меня в грудь. Я, сказала ему уйти. Он оставил свою семью и ушел из-за меня.

— Мне очень жаль, что он покинул город, — сказала я.

— Пакстон, это не ты сдерживала его все эти годы. Это было его решение. Ужасное, но, тем не менее, верное.

Я пожала плечами. Повернувшись, я оглянулась на Стида и Хлою.

— Он хороший отец.

Печаль в моем голосе заставила Амелию положить руку на мое плечо и сжать его.

— Стид сказал маме, что вы вчера вечером поговорили.

Я вздохнула.

— Да. Мы многое прояснили, но боль все еще осталась, и я не знаю, как бороться с этим.

— Но ты все еще любишь его?

Мои губы задрожали, и я открыла рот, но ничего не вышло. Я хотела знать правду. Но знание, принесло боль. Не думаю, что смогу пережить очередной удар в сердце от Стида Паркера.

— Тетя Мели! Я выиграла! Я выиграла!

Мое дыхание остановилось, когда Хлоя подбежала к нам, ведь ее отец где-то рядом.

— Это восхитительно! Ты и дедушка первые, когда дело касается рыбалки, — сказала Амелия с гордым выражением лица. Она улыбнулась, когда подошел Стид. — Посмотри, кого я нашла. Пакстон.

Хлоя обняла меня за ноги.

— Мисс Монро! Я выиграла на рыбалке.

Присев перед ней на корточки, я убрала прядь волос ей за ухо.

— Это замечательно, Хлоя-Кэт. Что ты выиграла?

Улыбка Хлои быстро спала.

— Ну, я не могу использовать приз.

— Почему? — нахмурилась я.

Она пожала плечами.

— Это сертификат в СПА-салон для матери и дочери.

Я посмотрела на Стида. Его лицо было опустошенным.

— Папа сказал, что бабушка может пойти вместо мамы.

Амелия преувеличенно обрадовалась.

— Отлично! Я тоже хочу пойти. Когда?

Стид прочистил горло.

— Ты уезжаешь. Нужно воспользоваться сертификатом в течение двух недель.

Я не знаю, черт возьми, о чем думала, когда открыла рот.

— Я могу пойти с тобой.

Амелия обернулась ко мне.

— Это блестящая идея!

Хлоя загорелась, как рождественская елка, которую выставляли каждый год на городской площади.

Черт! Черт! Черт!

Я должна была сначала спросить Стида. Я посмотрела на него.

— Ну, если ты одобряешь.

Стид не проявлял никаких эмоций, но мне показалось, что в глазах промелькнул намек на признательность.

— Тебе не обязательно это делать, я уверен, моя мама...

Тут вмешалась Хлоя.

— Папа! Я хочу, чтобы мисс Монро пошла со мной! Пожалуйста! О, папа, пожалуйста. Это был бы самый лучший день, если бы моя любимая учительница пошла со мной.

Ее слова обернулись вокруг моего сердца, как теплое одеяло. Конечно, я была ее единственным учителем, но все же. Я была ее любимицей. Я посмотрела на Стида с извиняющимся выражением.

— Прости. Я не хотела ставить тебя в такое положение.

Он пожал плечами.

— Нет, все в порядке. Если Хлоя хочет пригласить *своего учителя*, то все нормально.

Амелия втянула воздух. Это было похоже на словесную пощечину. Я с трудом сглотнула, и обратилась к Хлое.

— Я думаю, Хлоя-Кэт, мы больше чем учитель и ученик. Мы друзья. И когда мы не в школе, ты можешь звать меня Пакстон.

— Это потому, что вы раньше были подружкой моего папы, а теперь просто друг? Вот почему я могу назвать тебя Пакстон?

О, Боже. Думаю, я сделала эту ситуацию еще хуже.

— Хм, да.

Подождите. Я что, сказала: «да»?

Прочистив горло, Стид сказал:

— Амелия, не могла бы ты пройтись с Хло?

Сестра Стида посмотрела на нас и взяла Хлою за руку.

— Пойдем, тыковка. Давай поищем какое-нибудь лакомство, — и на последок оглянулась через плечо. — Не будь Муд.Ак.Ом, Стид.

В ответ он закатил глаза.

— Что это заклинание, тетя Мели?

Стид наблюдал, как они уходят. Когда они отошли достаточно далеко он обратился ко мне:

— Мне не нужно, чтобы ты жалела Хлою.

Я была ошеломлена его тоном. Он никогда раньше не говорил со мной так.

— Прости, что я не спросила тебя об этом. Случайно выскочило.

— Ну, если на самом деле не хочешь, я могу объяснить Хлое, что ты не сможешь пойти. Мама пойдет. Это какой-то день расслаблений: ногти, пальцы и прочее дермо.

Мои руки начали потеть от волнения.

— Если ты позволишь, я хотела бы пойти с ней.

Он сузил глаза.

— Зачем?

— Почему нет? Она очаровательная маленькая девочка. Твоя маленькая дочь. Мне бы хотелось узнать ее лучше.

— Она не замена.

Услышав мой резкий выдох, Стида закрыл глаза и ругнулся:

— Дерьмо. Я не это имел в виду, Пакстон.

Меня начала бить неконтролируемая дрожь, и желчь поднялась к основанию горла.

— Это то, что ты думаешь? Думаешь, я использую твою дочь, играя в большую игру?

Он покачал головой.

— Нет. Конечно, нет. Я зол, прости. Я не должен был этого говорить.

— Мне жаль, что ты ушел вчера. Я хотела тебя остановить.

Стид засмеялся.

— Что? Я спросил тебя, хочешь ли, чтобы я остался, а ты стояла на чертовом крыльце, молча глядя на меня. Если бы ты хотела, чтобы остался я, то смотрела, как

уезжает Джо, а не наоборот.

— Я была смущена. Все, о чем мы говорили... Затем этот поцелуй. Появление Джо, а потом ты превратился в пещерного человека и ударил его.

— Он схватил тебя, Пакстон!

Я покачала головой.

— Мне нужно было с ним поговорить. Я сказала, что у нас нет будущего, Стид. Он вбил себе в голову неправильную мысль, и мне нужно было убить ее в зародыше.

— Черт возьми. Как часто он приходит?

Умоляюще я посмотрела на него и тихо сказала:

— Не здесь. Пожалуйста, не делай этого здесь, Стид.

Его плечи опустились.

— Похоже, никогда не будет лучшего времени и места.

— Стид! Вот ты где, — Джина улыбаясь, схватила его за руку. — Лилли ищет Хлою. Хочешь, все вместе покатаемся на паровозике?

Стид застыл, и я была на грани, чтобы вырвать ей глаза. Я отвернулась, чтобы скрыть злость.

— Извини, Джина. Пакстон уже пообещала мне и Хлое, покататься с нами.

Я дернула головой и посмотрела на него.

— Хм, да. Да.

— Пакстон! У меня есть крендель! — закричала Хлоя, подбегая ко мне.

Глаза Джины выскочили из орбит, услышав, как Хлоя назвала меня по имени.

— Лилли! — закричала Хлоя, когда обе девочки обнялись. — Угадай, что? Пакстон пойдет со мной в СПА. Хотя она не моя мама, она — настоящая подруга папы и лучший друг. И еще, они любят друг друга. Сильно.

Моя челюсть упала на землю, и чертовски уверена, что и у всех остальных. Мы с Стидом посмотрели друг на друга. Я чувствовала, как Джина прожигает меня злым взглядом.

Откуда, черт возьми, у Хлои такие мысли?

— Ну... О, мой Бог, я не поняла, что вы двое снова вместе, — сказала Джина, не дождавшись объяснений от нас.

Амелия рассмеялась.

— Ты же знаешь, настоящая любовь и все такое, — она подмигнула мне, и я открыла рот, чтобы что-нибудь сказать, но не нашла слов.

О Господи! Скоро полетят слухи.

Пакстон

После того, как Джина с дочерью ушла, Стид указал пальцем на Амелию.

— Что, черт возьми, это было? — затем посмотрел на Хлою. — И почему ты сказала Лилли, что я люблю Пакстон?

— Потому что тетя Мели сказала, — ответила с огромной улыбкой Хлоя, — что вы оба нравились друг другу. Очень.

Когда мой взгляд встретился с взглядом Стида, почувствовала, как вспыхнули щеки. Мы оба с возмущением посмотрели на Амелию.

— Что? Она спросила, любите ли вы друг друга. Ты отрицаешь это?

Вороша свои волосы, Стид застонал:

— Амелия, ты должна научиться держать некоторые вещи при себе.

— На самом деле? И как все будет? Как долго вы собираетесь лгать друг другу?

Хлоя ахнула:

— Папа, врать плохо!

Стид выглядел раздраженным.

— Я не врал, тыковка, и не вру.

Руки Амелии легли на бедра, на лице — сомнение, а у меня закружилась голова. Я себе не готова признаться, а уж другим...

Мы едва начали сближаться прошлым вечером. Было еще много вешей, над которыми нужно работать.

— Пакстон, тебе нравится мой папа?

Воздух застрял у меня в горле, я не знала, что сказать.

Стид посмотрел на меня умоляющими глазами, совсем как вчера.

— Кхм, извините меня, только что вспомнила, нужно кое-что проверить.

Я крутанулась на каблуках своих ковбойских сапог и ушла. Прикрыв рот рукой, я пыталась держать себя под контролем.

Оказалось, я была хороша не только в отталкивании от себя людей, еще хороша в том, чтобы сбегать.

— Знаешь, что нам нужно? — спросила Корин.

Глядя на нее поверх книги, я спросила:

— Что нам нужно, Корин?

— Ночной выход. Танцы и веселье. Пойдем в «Cord's Plase».

Я задумчиво пожевала губу, думая, будет ли там Стид.

— Давай Пакстон, мне нужно потереться о член или парочку.

Моя челюсть буквально упала от шока. Корин рассмеялась.

— Я просто хочу пофлиртовать. Почувствовать руки парня на себе. Пожалуйста-
пожалуйста.

От ее щенячьего взгляда я рассмеялась.

— Прекрасно.

Нам понадобилось немного времени на сборы. Укладка, макияж — на отлично. Я выбрала черное короткое платье, а любимые черные ковбойские сапоги дополняли образ. Корин была одета в светлое пурпурное платье, которое она нашла в моем шкафу. Оно было довольно коротким, и подчеркивало все ее прелести. К счастью для нее, у нас был одинаковый размер, как в одежде, так и в обуви.

Когда мы вошли в бар, я с удивлением обнаружила, что многие на нас смотрят.

— Господи. Боже. Мой, — пробормотала Корин и я стала волноваться сильнее.

— Что? — спросила я.

— Они здесь. Ну, некоторые из них. Братья Паркер.

Мое дыхание остановилось.

— Кто? Где?

Она рассмеялась.

— У барной стойки. Не волнуйся, я вижу только Корда, Тревора и Митчелла, Стида не видно.

Я запаниковала.

— Откуда ты знаешь, что это Митчелл, а не Стид?

Она засмеялась.

— Умоляю, да они близнецы, но цвет волос у них разный, и Митчелл в отличие от Стида, чертовски горяч.

— Они все чертовски горячи, — раздраженно заметила я.

— В яблочко.

Мы подошли к барной стойке, и братья заметили нас. Я получила от каждого вежливую улыбку, а Корин удостоилась тройкой сейчас-раздену-и-нагну взглядов.

— Привет леди, пришли поразвлечься? — спросил Тревор, отправляя нам по стойке, по бутылке пива. Сегодня он подрабатывал барменом.

— О, да. У нас отличное настроение и мы готовы танцевать, — сказала Корин и сделала глоток пива.

Митчелл принял это как намек в свой адрес.

— О'кей, пошли отплясывать (Прим.ред.: игра слов «go cut a rug» — «пошли энергично танцевать» и «пошли, проредим коврик» где под ковриком подразумеваются лобковые волосы).

Глаза Корин сузились в замешательстве от этого приглашения. Конечно, приехав из Чикаго, она привыкла к быстрому и сумасшедшему образу жизни, но здесь, в маленьком городке Техаса, все двигалось медленней.

— Проредим коврик? — спросила она, и сморщила носик.

Я не могла не заметить, как Митчелл улыбнулся ей. О, Боже! Только не говорите мне, что она его привлекает! Возможно, я не была близка к семье Паркер последние десять лет, но знала об одном факте — каждый из братьев Паркер был игроком. Ни один из них не заинтересован в единственной женщине. Я слышала слухи, что с местными женщинами их хватало максимум на пару недель, и однажды, невольно подслушала в кафе разговор парней из окружения братьев, что они предпочитают клеить туристок на одну ночь. Но посмотрев на то, как Митчелл смотрел на Корин, я подумала, что возможно, он готов действовать по-иному.

Митчелл взял Корин за руку.

— Это означает: давай потанцуем, Корин из Чикаго.

Попивая из бутылки, я наблюдала, как они пробираются к танцполу. Когда заметила, как близко Корин подпустила Митчелла, я подавилась пивом. Его колено упиралось в ее промежность!

— Bay. Митчелл не тратит время, не так ли? — сказала я с усмешкой.

Тревор рассмеялся.

— Она горячая, черт возьми. На нее запал и Митчелл, и Трипп.

Я взглянула на Корда.

— Правда?

— Да, — вздохнул Тревор, — после того как ты их познакомила, они спорили о ней всю дорогу до ранчо. К тому времени, как мы доехали, я чертовски устал от имени твоей подружки.

Положив подбородок на руку, я спросила:

— О чём они спорили?

— Кто пойдет за ней.

— Серьезно? Пойдет за ней? Что это значит?

— Это значит, что они на нее запали. Значит должны выяснить, кто пойдет за ней, а кто нет. «Код Брата» и все.

Я рассмеялась.

— «Код Брата»? Шутки в сторону? И у тебя?

Тревор налил посетителю мартини и серьезно посмотрел на меня.

— Черт возьми, конечно, у нас всех. Когда на одну цыпочку столько членов, да еще состоящих в родственной связи...

Я не могла скрыть зловещую улыбку.

— Они знают, что я убью их, если хоть один причинит боль Корин. Она не любитель однодневных интрижек.

Тревор ухмыльнулся.

— Да, у меня сложилось такое впечатление, и именно поэтому я сразу отступил. Она не для меня. Я еще молод, — подмигнул он. — И мне слишком нравятся киски, чтобы останавливаться на одной.

Я должна была поморщиться, но это был Тревор Паркер.

Все братья Паркер говорили так. Даже Стид. Бесчисленное количество раз, он шептал грязные вещи мне на ушко, когда соблазнял. Но при этом, они относились к женщинам как к принцессам, неважно была ли это постоянная подружка или случайная связь. По крайней мере, это то, что я слышала. Они также баловали своих сестер и умрут, защищая их. О да, братья Паркер были редкой породы. Умные, сильные, сексуальные и никого не боящиеся.

Смешок недалеко сидящего парня, вытащил меня из моих мыслей. Тревор поставил перед ним бокал и отошел, чтобы принять заказ у другого клиента. Парень одним глотком выпил содержимое. Он был знаком, и я попыталась вспомнить, откуда знаю его. Должно быть, он почувствовал мой взгляд и повернулся ко мне. Мои щеки вспыхнули, и я вежливо улыбнулась ему. Когда он улыбнулся в ответ, я не могла не заметить, насколько он хороши. Он начал осматривать мое тело и в смущении, я сосредоточилась на наблюдении за Тревором.

— Ты не устал, Трев? Ты работаешь на ранчо весь день, а потом сюда?

Он засмеялся.

— Не-а. Корд тоже.

— Но ты работаешь на ранчо полный рабочий день?

— Да. Здорово, что Стид вернулся. Он еще не вполне освоился, но лишние руки не помешают.

Как говориться: «Почувствуйте вину». Жизненные планы Стида состояли в том, чтобы пойти в колледж, научиться управлять бизнесом, а затем вернуться работать на ранчо

— Разве твоего отца не беспокоит, что не все мальчики связаны с ранчо, как ты? — спросила я.

Тревор вручил официантке несколько напитков и посмотрел на меня.

— Я так не думаю. Ведь все приходят и работают по мере своих сил. Отец понимает, что у всех свои мечты, за которыми они хотят следовать. Но для меня ранчо это то, чем я дышу.

Я не унималась.

— Зачем ты здесь работаешь?

Тревор остановился и удивленно посмотрел на меня.

— Серьезно, Пакстон?

— Да.

Он прислонился к стойке и бросил на плечо белое полотенце. На его красивое лицо скользнула ухмылка.

— Свободное пиво и бесконечное количество цыпочек. Продолжать?

— Маленький Тревор, который когда-то бегал в курятнике за цыплятами, теперь вырос и говорит о взрослых цыпичках и пиве, — засмеялась я. — Нет, тебе не нужно продолжать.

Я взглянула через плечо, Корин и Митчелл все еще танцевали, и она смеялась.

— По крайней мере, один из нас развлекается, — пробормотала я себе под нос.

Прикончив пиво, я подняла бутылку, чтобы Тревор дал мне другое. Парень, который сидел рядом, смотрел на меня не отрываясь. Я посмотрела ему в глаза. Он улыбнулся, и я вернула жест. Голос Корин заполнил мои мысли: «Безвредный флирт не принесет вреда».

— Ты неместный, — заявила я.

Его глаза загорелись.

— Нет. Здесь, по делу.

Хорошо, он был милым. Очень милым. Возможно, безвредный флирт был тем, что поможет ненадолго забыть о Стиде.

— А вы? — спросил он.

— Родилась, выросла и, скорее всего, умру здесь.

Парень пересел ближе, улыбнулся, показывая ямочки, и протянул руку.

— Майк Райан.

Пожав руку, я ответила:

— Пакстон Монро. Приятно познакомиться с вами, Майк.

Он поцеловал мою руку.

— И мне.

— Что привело вас в Оук-Спрингс, штат Техас? — спросила я, сделав глоток.

— Я работаю в бухгалтерской фирме в Сан-Антонио. Надеюсь приобрести здесь довольно крупного клиента.

Смеясь, я спросила:

— Здесь?

— Ранчо дают хорошие деньги.

— Ну, если умеешь работать, то да.

— На ранчо Паркера, знают, как работать. Корд был достаточно любезен, и показал мне этот бар, после того, как я провел весь день с владельцем.

— Джон Паркер, — сказала я.

— Да. Вы знаете его?

Смеясь, я ответил:

— Все знают Джона. И, давным-давно я встречалась с его сыном.

Майк вопросительно посмотрел на Корда, а затем на Тревора.

Я усмехнулась.

— Нет. Его зовут Стид.

Его улыбка исчезла. Это должно означать, что он встретил Стида.

— Ах, да, Стид. Блудный сын, который вернулся домой.

Я подняла брови.

— Я познакомился с ним сегодня днем. Должен сказать, он усложняет мне работу.

Закатив глаза, я пробормотала:

— О да, что есть, то есть.

Майк встал и протянул руку.

— Потанцуй со мной, Пакстон?

Наверное, я должна была сказать «нет», но мне нужно немного развлечься.

— Я потанцую с тобой, Майк.

ГЛАВА

16.

Стид

Я зашел в переполненный бар и увидел ее. Пакстон танцевала с этим ублюдком, Майком Райаном. Нехорошее впечатление, которое я получил о нем раньше, только усилилось.

— Привет, Стид Паркер! Глазам не верю! Парень, когда ты вернулся в город?

Я с трудом отвел взгляд от Пакстон и Майка. Тодд Шнайдер стоял передо мной, широко улыбаясь. Я пожал ему руку и вернул улыбку.

— Месяц назад.

— Черт возьми, мужик. Прошло много времени. Спорим, Пакстон была рада тебя снова видеть.

Мой взгляд метнулся на танцпол, где ей было довольно комфортно с Майком. Тодд проследил за моим взглядом.

— А может, и нет. Я подумал, что вы вновь сойдетесь. Тем более что Пакстон ни с кем не встречалась с тех пор как ты уехал.

Я выстрелил в него взглядом.

— А как же Джо?

— Джо Миллер? — он растеряно засмеялся. — Ты шутишь, да? Черт, с натяжкой можно сказать, что они встречались. Да и сам Джо сказал, что у них ничего не было, к его огромному разочарованию. Уверен, он был счастлив, когда ты сбежал. Помнишь, как ему нравилась Пакстон в школе?

— Да. Помню.

— С кем это она танцует?

— Бухгалтер из Сан-Антонио.

— О, черт, это звучит скучно.

Я засмеялся, и Тодд ударил меня по спине.

— Позволь мне купить тебе выпить.

— Конечно, почему бы и нет.

Я последовал за Тоддом в бар. Тревор поднял глаза, и облегчение мелькнуло в них. Он позвонил мне и сказал, что Майк обхаживает Пакстон, и она благосклонно принимает это. Я попросил маму посмотреть за Хлоей, и через час был здесь. По дороге я представлял себе, как ударю кулаком в лицо Майку, но потом вспомнил, как все прошло с Джо, и приструнил свою задницу.

Я посмотрел через плечо и нашел их глазами. Боль в груди росла. Очевидно, Пакстон наслаждалась общением с Майком. Может быть, я увидел в том поцелуе и в словах, что она сказала на своей кухне то, чего нет. Она сказала, что никогда не переставала любить меня, но была ли она влюблена в меня?

— Привет, Тодд. Что будешь? — спросил Корд, привлекая внимание.

— Привет, Корд, — Тодд протянул руку ему. — Я возьму пиво.

Тревор встретился со мной взглядом, понимающе кивнул и поставил передо мной бокал виски. Черт, я скучал по своим братьям. Мне даже не пришлось говорить ни слова, и Тревор понял, что мне нужно снять напряжение.

Хорошо быть дома.

— Спасибо за звонок, — сказал я после обжигающего глотка.

Он кивнул и отвлекся на другого клиента. Корд разговаривал с Тоддом, но при этом предупреждающе смотрел на меня.

Я усмехнулся. Я не собирался создавать проблем в его баре. Я здесь потому, что какой-то засранец ошиается рядом с тем, что считаю своим, и не собираюсь повторять то, что сделал прошлым вечером в доме Пакстон.

Тодд хлопнул меня по плечу:

— Эй, давай встретимся как-нибудь. Я познакомлю тебя с моей женой. Она ждет нашего первенца через несколько месяцев.

Я встал и пожал руку Тодду.

— Я с удовольствием.

Мы обменялись номерами и Тодд направился к компании, с которой отдыхал в баре. Мы знакомы со времен школы, Тодд каждое лето работал на ранчо, и мы подружились.

— Даже не начинай, Стид.

Посмотрев на танцпол на Пакстон и Майка, я вернул внимание к Корду.

— Тревор позвонил мне. Я здесь не для того, чтобы создавать проблемы, а чтобы присматривать за ней.

Он поднял бровь.

— А если она поедет с ним домой?

Мысль об этом вспыхнула болью в животе. Я не ответил. Если бы Пакстон действительно ушла с этим ублюдком, я бы отпустил ее. Это убьет меня, но насилино мил не будешь.

— Это будет ее выбор, верно?

Глаза Корда погрустнели.

— Она может, Стид. Они флиртовали друг с другом. Ее подруга Корин, танцует весь вечер с Митчеллом.

Я не хотел оглядываться на танцпол. В последний раз, Майк держал руку на заднице Пакстон.

Указывая на бокал, Корд грустно улыбнулся.

— Я не позволю тебе напиться.

Смеясь, я ответил:

— Я не хочу напиваться. Еще один шот, и я уйду.

— Что? — его глаза округлились от удивления.

Я пожал плечами.

— Она ведь как-то выживала до моего приезда, верно?

На переносице Корда образовалась морщинка.

— Да она ни разу здесь не была до твоего приезда. Я вообще сейчас ее вижу чаще, чем за все время твоего отсутствия.

— Я не ее няня, Корд.

Он окунул голову и сщурил глаза.

— Так вот как ты поступишь?

— Что ты имеешь в виду?

— Ты собираешься сдаться?

Я двинул свой бокал в его сторону и сказал:

— Последний, и я ухожу.

Он поднял руки, сдаваясь. Они думали, что у них есть все ответы. Ну, они, блядь, не были в такой ситуации. Пакстон все еще ненавидела меня. Она не хотела иметь со мной ничего общего, и ясно дала это понять.

Я посмотрел через плечо как раз вовремя, чтобы увидеть, что она рассмеялась, когда Майк крутанул ее. Пакстон не слишком рвала ко мне. Я сидел дома и переживал нашу беседу снова и снова. Ее плач просто выпотрошил меня, боль в ее голосе убивала. И где она была? Пошла, блядь, танцевать с каким-то приуроком, который, вероятно, даже не знает, как мыть свой член, не говоря уже о том, чтобы заботиться о ее нуждах.

Корд поставил бокал передо мной. Я выпил. Поставил еще один, и когда я поднял его, волосы на затылке поднялись.

— Стид?

Ее голос звучал ангельски. Сделав глоток, я поставил его на стойку и повернулся к Пакстон лицом.

Майк стоял рядом, положив руку ей на талию. Пакстон пошевелилась, сбрасывая ее с себя.

— Привет, как дела? — спросил Майк

Я взглянул на него, кивнул и повернулся лицом к Корду. Встал, вытащил портмоне и бросил деньги на стойку.

— Увидимся позже! — сказал ему и Тревору, и двинулся к выходу. Но Пакстон шагнула передо мной, блокируя побег.

— Куда? Куда ты идешь?

— Домой. Я в не настроении для развлечений.

Пакстон прикусила нижнюю губу.

— Давно пришел? — спросила она.

Мой взгляд метнулся к Майку. Чертов член. Что, черт возьми, она видела в этом парне? Городской пижон и мудак.

— Да, давно. Приятного вечера. Майк, рад тебя снова увидеть.

Майк кивнул, потом кинул мне чертову улыбку, которая заставила меня стиснуть кулаки. Я сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться — уж очень хотел ударить этого ублюдка.

Обойдя вокруг Пакстон, я пошел к двери. От каждого вдоха мои легкие горели, ноги потяжелели. Наконец, я выбрался наружу, в прохладный осенний вечер. Насколько глупо было думать, что я смогу вернуться в ее жизнь, словно ничего не произошло?

Я был идиотом, что оставил ее.

Фары грузовика моргнули, когда я его разблокировал.

— Стид! Подожди!

Что?! Удивленный я повернулся. Пакстон догоняла меня. Она остановилась передо мной и улыбнулась той улыбкой, в которую я так давно влюбился.

— Можешь подвезти меня домой? Корин веселится с Митчеллом и не хочет уезжать.

Я оглянулся на бар и нахмурился.

— Ты хочешь, чтобы я отвез тебя домой?

Она закусила губу.

— Если это проблема, я уговорю Корин уйти.

Пакстон не уходит с Майком.

Ощущение облегчения омыло все тело, и я наконец-то сделал вздох.

— Нет, нет. Я не против, отвезти тебя домой. Нисколько.

Пакстон опять засветилась улыбкой и, когда взяла меня под руку, мое сердце остановилось.

— Спасибо.

Кивнув, я положил руку на ее поясницу и направил к пассажирской двери грузовика. Открыл дверь, я ждал, что она заберется внутрь, но Пакстон застыла и посмотрела мне в глаза.

— Мне жаль, я, наверное, перешла черту с Хлоей.

Я утонул в ее глазах. Даже в темноте ночи, освещенной только фарами грузовика, ее глаза горели.

— Нет, что ты. Хлоя была так взволнована, что выиграла. Но когда узнала, какой будет приз, поникла, и это убило меня. После твоего предложения она только о нем и говорила.

Пакстон улыбнулась.

— О, это будет весело.

Я кивнул. Желание протянуть руку, и прикоснуться к ней было подавляющим.

— Мне жаль, что Амелия наболтала Хлое. И прошу прощения за слова, что сказал тебе. Это было бессердечно, и я не хотел этого.

Ее глаза что-то искали на моем лице. Перескакивали от губ к глазам, потом вновь вниз. Как будто она боролась с собой. Наконец, она хихикнула и подмигнула.

— Ты мне нравишься, так что это не ложь.

Я засмеялся.

— Ну, это лучше, чем ненависть ко мне.

Ее улыбка исчезла, а взгляд упал на землю.

— Поехали домой, тыковка.

Она молча скользнула в грузовик.

Всю дорогу она молчала. Хотя это заняло меньше десяти минут, но чувствовалось, как гребаная вечность.

Мое сердце стучало, когда я подъехал к дому и припарковался. Пакстон сидела сложа руки на коленях. Тяжесть невысказанных слов висела в салоне. Я знал, что нужно быть терпеливым. Когда стало ясно, что она не заговорит, я открыл рот, но Пакстон опередила меня:

— Ты войдешь?

О'кей. Не этих слов я ждал.

— Гм.

Она закрыла глаза и покачала головой.

— Я имею в виду, что хочу показать тебе кое-что.

Я приподнял брови. Пакстон с мягким смешком треснула меня по ноге.

— Это не то, что ты думаешь.

— Конечно, я с удовольствием войду.

Я выскоцил из грузовика и подошел к пассажирской двери, протянул руку и помог Пакстон сойти вниз. Она улыбнулась, и мы направились к входной двери.

Когда вошли, она бросила ключи в маленькую квадратную чашу. Мои глаза чуть не выскочили из орбит: это была чаша, что я сделал еще в восьмом классе на кружке керамики. Молча последовал за ней, но когда Пакстон подошла к лестнице на второй этаж, где находилась ее спальня, я остановился.

Пакстон зыркнула.

— Я не планирую спать с тобой, Стид. Я хочу тебе кое-что показать.

Мое это получило серьезный удар, и я не мог скрыть разочарование. Не потому, что не будетекса (хотя поверьте, я был чертовски разочарован!), а потому, что похоже, Пакстон не хотела меня. Вообще.

— Это «кое-что» грязное? — подразнил я, следя за ней по лестнице.

— Нет, — ответила она со смехом.

По ее походке я понял, что она немного навеселе, и должен признать, что легкий стеб между нами, был мне приятен.

— Ты хорошо себя чувствуешь, тыковка? — спросил я, не отрывая глаз от ее попки

— Да. Правда, выпила больше, чем рассчитывала. Немного кружиться голова.

Мое дыхание потяжелело от мыслей, что я сейчас войду в ее спальню. Мой член уже планировал, что он хотел сделать с Пакстон. Но когда мы вошли, и она зажгла свет, я поняла, мне остается только терпение.

Я осмотрел спальню в серых тонах с синими штрихами и улыбнулся. Все было так, как мы мечтали годы назад.

Пакстон села на оттоманку в ногах кровати и сняла сапоги. Я стоял, засунув руки в карманы, все еще осматривая комнату.

— Так почему мы здесь? Или ты пытаешься свести меня с ума?

Ее брови приподнялись, и уголок рта дернулся.

— Ты сходишь с ума, находясь здесь? Почему?

Я посмотрел на нее, как на сумасшедшую.

— Ты хочешь честного ответа?

Она медленно кивнула.

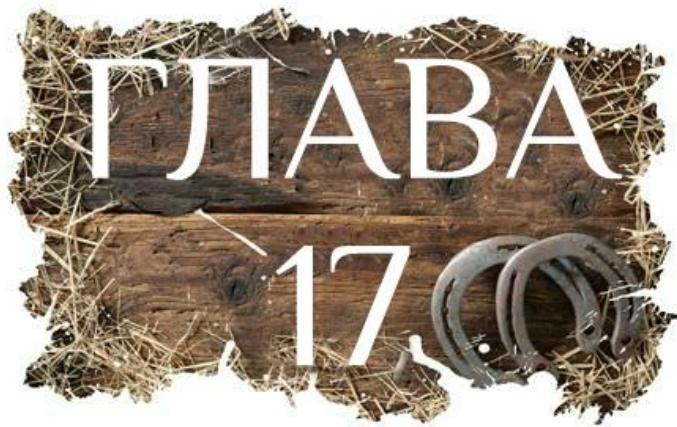
— Да.

Я облизал внезапно пересохшие губы. Мне нужна вода. В голове все поплыло.

Сказать ей правду? Что я думал? Надеялся?

Да пошло все к черту! Что мне терять?!

— Я схожу с ума, потому что все, что хочу сделать, это погрузить свой член в тебя и оставаться там на всю ночь.

Пакстон

Мой рот открылся от удивления, и я еле сдержала стон. Трусики мгновенно отсырели.

Стид пожал плечами.

— Ты хотела честного ответа.

Мне пришлось встряхнуть головой, чтобы избавиться от мысленного образа Стида любящего меня.

Нет.

Образа Стида трахающего меня. Жестко и быстро. Я бы соврала, если бы сказала, что не хочу этого больше. Но могу ли я снова открыть ему сердце?

Нет, до полного исцеления нужно было сделать одну вещь.

Тяжело сглотнув, я пробежала языком по губам. Глаза Стида потемнели от желания.

— Мне... мне... Мне нужно минутку.

Он подошел ближе, воздух потрескивал между нами. Медленно подняв руку, Стид погладил мне щеку.

— Прости, тыковка. Я не хотел ставить тебя в неудобное положение.

Я покачала головой и положила руку на его грудь. С мягкой улыбкой я закусила губу. Глаза Стида сосредоточились на моем рте. Необходимость в его поцелуе была подавляющая. Мой желудок дернулся, лено налилось, а сердце стучало как молот.

Закрыв глаза, я сосредоточилась. Открыв глаза твердо посмотрела в его:

— Мне нужно тебе кое-что показать.

Он кивнул и опустил руку.

Подойдя к комоду, я открыла верхний ящик и нашла бархатный мешочек. Подняла и прижала к груди. Закрыла ящик, и протянула мешочек Стиду.

Мое сердце билось так громко, что я была уверена, Стид слышал его стук. Он посмотрел на мешочек и улыбнулся.

— Это тот самый, в котором я дал тебе кольцо обещания?

Слезы набежали на глаза, когда всплыла картинка, как Стид отдал мне кольцо обещания на мой восемнадцатый день рождения. Он привез меня на наше любимое место на ранчо, где мы часто сидели и смотрели бесчисленные закаты. Мы говорили о наших мечтах и будущем. Тогда он сказал, что никто никогда не полюбит меня так, как он. Он обещал любить меня вечно.

— Да.

Улыбка на его лице исчезла, и он посмотрел на мешочек.

— Тем вечером, я обещал любить тебя вечно.

Слеза скатилась по моей щеке.

Когда Стид поднял глаза и поймал мой взгляд, он испустил страдальческий вздох и осторожно вытер мои слезы.

— Я никогда не переставал любить тебя, Пакстон. Я знаю, в это трудно поверить, но я никогда не переставал любить тебя.

В глубине души я знала, что это правда. Он называл свою дочь таким же как и меня. Он пел ей нашу песню. Я видела это в его глазах, как он смотрел на меня.

Мой подбородок задрожал, когда я бросила взгляд на бархатный мешочек. Боль, которую я всегда испытывала глядя на него, была сильна, но сейчас, рядом со Стидом, она была меньше.

— Я... я должна показать тебе это, — посмотрела ему в глаза. — Я пыталась двигаться дальше... Я жила дальше, но часть меня, осталась там, на школьной лестнице, — говорила я сквозь рыдания. — Я ненавижу тебя за то, что ты оставил меня. Я ненавидела тебя за то, что ты бросил меня. Ты был моей жизнью Стид, причиной, по которой я дышала. А ты бросил меня.

Его глаза наполнились слезами, он молча ждал, когда я выговорюсь.

С трудом сглотнув, я открыла мешочек. В нем изначально лежали красивая открытка и бархатная голубая коробочка с кольцом, но теперь появились еще два элемента.

Я вытащила коробочку и открытку. Стид не спускал с них глаз, пока я ставила их на столик рядом с кроватью. Встретившись с ним глазами, я задержала дыхание: сколько в них было отчаяния. Далее я достала лист бумаги и палочку теста на беременность, хранящимся в полиэтиленовом пакете.

Стид шумно выдохнул и сделал шаг назад.

— Мой психолог говорит, что мне нужно найти способ попрощаться. Но я не могу сказать: прощай. Мне нужно, чтобы ты был со мной. Мне нужен... ты... здесь.

Стид посмотрел на предметы в моих руках.

— Что это?

Голос его дрожал, и я увидела, что слезы стекают по его щекам.

Я передала ему снимок УЗИ нашего ребенка.

Трясущейся рукой Стид держал фото.

— Наш малыш, — прошептал он, водя пальцем по картинке.

Дыхание перехватило, а сердце грохотало в груди. Бесчисленное количество раз, мысленно я показывала ему эту фотографию в тот день. Возможно, это изменило бы ситуацию. Но сейчас это не имело значения. Пора отпустить то, что ушло.

— О Боже, что я наделал? — он посмотрел на меня. — Мне очень жаль.

Я покачала головой.

— Ты ничего не сделал. Это не должно было случиться, — слова с трудом пробивались через мои уста, но в то же время, слыша сама себя, я почти исцелялась.

Закрыв глаза, Стид сломался, его ноги подкосились, и он упал на пол.

— Наш ребенок. Пакстон, наш ребенок.

Я закрыла рот ладонью, пытаясь сдержать свои собственные рыдания. Стид стоял на коленях, наклонив голову, от рыданий его тело содрогалось.

— Наш ребенок. Пакстон, наш ребенок. Прости, что меня там не было. Меня там не было.

Мое сердце замерло. Стид оплакивал потерю ребенка. Я не знала, как он отреагирует, когда покажу ему фотографию. Я просто хотела, чтобы он увидел нашего ребенка, почувствовал к нему ту же любовь, что и я. Только так я могла двигаться дальше — делясь этим с ним. Я не думала, что он развалится, точно так же как и я.

Я опустилась перед ним. Он поднял голову, и я вздрогнула, увидев вину и боль в его глазах.

— Мне очень жаль. Я не хотела причинять тебе боль.

— Тебе не за что извиняться. Это я бросил тебя. Я, оставил тебя, и никогда не прощу себя. Никогда.

Мы стояли на коленях друг перед другом, уязвимы и открыты. Наши сердца кровоточили. Он видел мою боль, я увидела его боль. Вина охватила меня. Было ли эгоистично с моей стороны показывать ему это? Было ли правильно, показывать изображение ребенка, которого мы потеряли?

— Я не хотела причинить тебе боль. Я хотела, чтобы ты знал.

Он резко посмотрел мне в лицо. И этот взгляд был как выстрел.

— Мне жаль, что меня там не было. Прости, что ты прошла через это в одиночку, — он закрыл глаза и успокоил дыхание, прежде чем сосредоточиться на мне. — Пожалуйста... пожалуйста, скажи мне, что простила меня. Пакстон, я лучше умру, чем буду знать, что ты меня не простила.

Его слова, будто обернулись вокруг моего разбитого сердца, исцеляя рану, что он оставил. Столько дней я провела в одиночестве, оплакивая свою жизнь, которая закончилась с потерей ребенка. Но теперь, глядя в глаза единственному мужчине, которого я любила, я поняла, что оплакивала потерю Стида больше.

— Когда ты уехал и не вернулся, — мой голос дрожал, и мне требовалось время, чтобы успокоиться и продолжить, — я не понимала, но это была и моя вина. Я сама оттолкнула тебя, но когда поняла, что ты не вернешься, просто умерла, зная, что потеряла тебя.

Его глаза расширились в ужасе, понимая, что большая часть моей боли была от его потери.

— Клянусь Богом, я больше никогда тебя не оставлю. Пожалуйста, скажи мне, что ты простишь меня, и я исправлю это.

Легкость появилась в груди. То, чего я не чувствовала более десяти лет, снова укоренялось в душе.

Мир.

Я знала, что хочу Стида в своей жизни. Я также знала, что надо торопиться.

— Я прощаю тебя, но мне страшно, Стид. Не думаю, что смогу пережить, если ты еще раз разобьешь мне сердце.

Его глаза что-то искали в моих, я видела его боль, но там было что-то еще. Что-то темное, что гложет его душу.

Его ладони обхватили мое лицо.

— Я люблю тебя, Пакстон. Скажи, что сделать, чтобы вернуть твою любовь.

В груди все сжалось.

— О, Стид. Ты никогда не терял мою любовь. Никогда.

Его лицо так сияло, что я не удержалась от улыбки. Медленно он наклонялся ко мне, пока его губы не застыли в сантиметре от моих.

— Тогда скажи мне, как вернуть твое доверие. Я сделаю все что угодно.

Я тосковала по нему, что одного поцелуя мало. По правде говоря, я так хотела почувствовать его внутри себя. Но нам нельзя торопиться. Конечно, мы могли сейчас прыгнуть в мою кровать и трахаться как кролики всю ночь, но будет ли это правильно? Кроме того, нам нужно подумать о Хлое. Я не могу внезапно появиться в ее мире.

Я положила ладони на его, все еще обнимающие мое лицо.

— Я знаю, как нам начать.

Надежду в его глазах было трудно не заметить. Я знала, что если попрошу заняться со мной любовью, он сделает это в один удар сердца.

Он улыбнулся. Эмоции просто захлестнули меня: счастье, возбуждение, опасение. Аххх!

Но я знала, что нужно двигаться медленно, и одарила его кокетливой улыбкой.

— Ты можешь пригласить меня на свидание.

Стид смотрел на меня, как на безумную.

— Свидание?

Я кивнула:

— Да. Свидание.

Он свел брови вместе, и я чуть не рассмеялась.

— Э, милочка, я думал о чем-то другом.

Я подняла брови.

— Да? Например?

— Ну, не хочу звучать как полный мудак, потому что... если честно, мне трудно сейчас сдержаться, но... блядь, когда я сказал, что хочу погрузить свой член в тебя, я не врал.

О, Господь. Помоги. Мне.

— Эм, — прошептала я, закусив губу. — Я просто... я не...

Он потянул меня поближе. От тепла наших тел у меня закружилась голова. Мы не можем этого сделать сейчас. Лучше двигаться медленно.

Я глубоко вдохнула. Его мускусный запах наполнил мои легкие и выстрелил прямо между ног. Кого я обманываю? Я тоже хотела его. Больше всего на свете. То, как он смотрит на меня и легкое алкогольное опьянение, склоняло меня к его идее.

— Пожалуйста, позволь мне... Я хочу почувствовать твоё тело. Вот и все, клянусь.

Один только его взгляд, и я перешла через край. Я встала, и Стид последовал за мной. Трясущимися руками я потянулась к его рубашке и медленно сняла ее через голову. Она с трудом поддавалась, и мы оба рассмеялись. Стид потянулся и самостоятельно стянул и бросил ее на пол.

Мои глаза задержались на его идеальном теле. Его широкая грудь стала больше. Мальчик, которого я полюбила, теперь был мужчиной. От вида его шести кубиков мои пальцы зудели. Я не стала их разочаровывать и потянулась к животу.

Когда мои пальцы лениво двинулись по коже, у Стида вырвался острый вдох. Я закусила губу, чтобы широко не улыбнуться от того, как он на меня реагирует. Подняв глаза, увидала, что его глаза закрыты, словно он пытается схватить этот момент и запомнить его навсегда. Дыхание его ускорилось, и легкий стон соскользнул с его мягких губ.

Когда я насладилась его грудью и животом, я спустила руки к его джинсам. Он задержал дыхание, когда я расстегнула ремень, а затем стянула их с него. Я улыбнулась, когда заметила, что у него нет нижнего белья. Глянув вверх, я обнаружила, что он наблюдает за мной, глазами полными похоти и желания.

— Без нижнего белья, да? — спросила я усмехнувшись. Он покачал головой и снял сапоги.

Мои нервы напряглись до предела, когда Стид расстегнул мое платье. Оно упало на пол у моих ног. Его глаза с жадностью блуждали по моему телу. Стид облизал губы и издал низкий рык.

— Черт возьми! Ты — совершенство.

Я стояла перед ним в бледно-желтом кружевном комплекте и сомневалась, стоит ли снимать всю одежду. Мы двигались слишком быстро. Может нам стоит противостоять призыву быть вместе?

Стид, должно быть, видел мою внутреннюю борьбу. Он обхватил мое лицо и нежно скользнул губами по моим губам. Я жаждала его поцелуя. Больше, чем представляла.

— Как бы я ни хотел тебя, мы можем подождать, Пакстон. Мы можем делать все медленно.

В животе запорхали бабочки — он понятия не имел, что значили эти слова. Насколько это показало, что он ставит мои чувства выше всего.

— Ты останешься со мной на ночь? Держа меня в своих объятиях?

Он улыбнулся, и мои колени ослабели.

— Конечно. Ничего не сделает меня счастливее, чем заснуть, держа тебя в своих руках. Но, я хочу чувствовать тебя кожа к коже.

Стид расстегнул бюстгальтер. Я на мгновенье засомневалась, но все же позволила ему упасть. Он облизал губы, и я почувствовала, что мои и без того жесткие соски становятся тверже. Его руки коснулись бедер, и медленно, потянули мои трусики вниз, посыпая волну желания. Он поцеловал меня в живот, и моя голова запрокинулась. Я могла кончить только от его поцелуев. Мало того, что я уже вечность не занималась сексом, у меня не было достойного оргазма месяцы.

Годы.

Стид двинулся вверх по моему телу, даря мягкие поцелуи животу, между грудями, шее и за моим ухом. Его рука обхватила одну грудь, и меня закружилась голова от желания.

— Как сексуально, блядь, — прошептал он мне в ухо. — Не могу дождаться, чтобы попробовать тебя снова, Пакс. Чувствовать тебя. Срывать стоны с твоих губ.

Иисус.

Я схватила его предплечья, нуждаясь в опоре. Открыв рот, я вздохнула, прежде чем обрела голос:

— Может, «медленно» переоценивается.

Стид

Охренеть.

Пакстон голая стояла передо мной. Красивая и обнаженная. Захватывающая.

Я почувствовал желание, исходящее от ее голой киски, которая умоляла меня погрузить в нее мое лицо. Стремление скользнуть пальцами внутрь нее было настолько сильным, что мое тело физически болело. Я понятия не имел, как удержался на месте. Последний раз, когда я занимался сексом, была ночь зачатия Хлои. Я собирался, блядь, оставаться в своих джинсах, хотя это означало, что мне придется лишь трогать Пакстон.

Пакстон откинула голову, когда я начал ласкать ее грудь. Мягкий стон сорвался с ее губ.

Ебать.

— Так сексуально, блядь, — сказал я ей в ушко.

Она сводила меня с ума. Я хотел большего. Намного большего. Я решил, озвучить свои желания:

— Не могу дождаться, чтобы попробовать тебя снова, Пакс. Почувствовать тебя своим ртом. Слышать свое имя из твоих губ.

Ее тело тряслось от нужды. Мне нравилось то, что я с ней делал.

— Может, медленно переоценивается? — простонала Пакс.

Но все же, наш поцелуй начался медленно. Нежно укусив мою нижнюю губу, она дала мне доступ к своему восхитительному рту. Вкус алкоголя напомнил мне, что она много выпила сегодня вечером. Но я не хотел останавливаться.

Не сейчас.

Сейчас я хочу попробовать ее, прикоснуться к ней, почувствовать ее кожа к коже. Когда оторвался от ее губ, Пакстон протестующе застонала. Я быстро снял свои джинсы. Глаза Пакстон расширились, когда она посмотрела на мой твердый член. Ее язык медленно облизал губы, словно она увлажняла их, чтобы вобрать в себя мой член.

Да, черт возьми.

Но не сейчас.

Обхватил ее шею и жадно притянул к себе. Впился в ее губы жадным поцелуем. Подхватил ее за попку и перенес на кровать. Охренеть! Ее прекрасное тело показалось мне раем.

— Стид, — прошептала Пакстон.

Я лег на нее, располагая член у ее теплой киски. Я мог кончить только от этого прикосновения.

— Тише, — прошептал я ей в губы. — Я хочу только почувствовать тебя.

В ее глазах была смесь желания и страха. Когда я потерся об нее, Пакстон выгнулась.

— О Боже, — воскликнула она.

Наши рты вновь соединились, и то, что началось медленно и сладко, превратилось в жаркий как ад, страстный поцелуй. Наши руки неустанно ласкали друг друга: мои — ее

идеальные груди, ее — мою задницу. Рука Пакстон обхватила стоячий колом член, прижала к своей сердцевине и начала интенсивно тереться. Я понял, что она близко.

Нет.

Она кончит либо под моим ртом или с моим членом внутри нее. Не от того дерьма, которым мы занимались в школе.

Я скатился с нее, и онарыкнула в знак протеста.

— Стид, подожди, — ее грудь вздымалась и опадала, словно она боролась за каждый вдох.

— Иисусе, Пакс. Мой член не железный. Это убивает меня.

Ее румяные щеки окрасились в алый.

— Ты такой грубый, Стид Паркер.

Привлекая к себе, я нежно обнял ее.

— И тебе это нравиться.

Пакстон издала довольный вздох.

— Нравиться. И я люблю тебя.

Потянув покрывало, я укрыл нас. Я, блядь, в реальности? Я, правда, держу Пакстон в объятиях? Ее обнаженное тело рядом с моим?

Я мягко поцеловал ее спину, и она прижалась ко мне плотней.

— Я тоже тебя люблю, тыковка. Сильно.

Корд и Тревор застыли с открытыми ртами.

Обернув проволоку вокруг столба и забора, я спросил:

— Что?

— Ты не можешь просто ляпнуть, что ночевал у Пакстон и замолчать, — сказал Корд.

— Ты трахнул ее? — спросил злорадно Тревор.

— Не говори так о Пакстон, — сказал я, выстрелив в него грозным взглядом.

Он рассмеялся и поправил доску забора.

— Хорошо, позволь мне перефразировать. Ты спал с ней? Нет, подожди. Ты занимался с ней любовью? Лучше?

Я нахмурился.

— Да, лучше. И мой ответ: нет. Она хочет двигаться медленно.

Тревор согнулся пополам от смеха, и Корд присоединился к нему.

— Придурки, — пробормотал я, и вернулся к установке забора.

Корд хлопнул меня по спине.

— Боже, держу пари, что твои шары до сих пор синие!

Я простонал.

— Ты даже не представляешь насколько. Мне пришлось рано вставать, чтобы вернуться до пробуждения Хлои. А потом была прогулка позора — мама улыбаясь встречала меня у дверей. Она знала, что я с Пакстон. Я отправил ей смс что останусь там ночевать, и чтобы мама посидела с Хлоей.

— Черт, — сказал Тревор. — Не знаю, что хуже, что мама думает, что ты трахнул, или то, что ты не трахнул Пакстон.

— Поверь мне, и то и то, плохо, — сказал я.

Корд поднял рулон с проволокой и начал раскатывать.

— Как ты думаешь, как Хлоя будет относиться к тому, что ты с кем-то встречаешься?

Сердце сжалось. Воспоминания о прошлой ночи и о фотографии УЗИ моего первого ребенка, ударили меня очередной, наверное, десятый раз. Я рвались перед Пакстон, и думаю, это частично стало ее исцелением.

— Она уже любит Пакстон, и наша болтливая сестра уже сообщила Хлое, что Пакстон и я любим друг друга. Не думаю, что это будет тяжело для нее. По крайней мере, я надеюсь.

Тревор отвлекся от работы и вытер лоб. Был октябрь, но по-прежнему жарко как в аду. Он вздохнул, подошел к переносному холодильнику и достал три банки пива.

— Вот почему я никогда не остановлюсь на одной женщине. Слишком много драмы.

Я рассмеялся.

— Ну, с Пакстон и мной немного другое. У нас есть история, и у меня есть дочь.

Тревор допил пиво.

— Еще, женщины приносят проблемы.

— А еще трахают твой мозг, — добавил Корд.

Я прислонился к грузовику и посмотрел на братьев.

— Серьезно, никто из вас не встречал женщину, ради которой пошли бы на большее?

Они оба пожали плечами, посмотрели друг на друга, затем на меня, и одновременно произнесли:

— Нет!

Вообще-то, мне было жаль братьев. Черт. Их явно собьют в полете. И это случится, нравится им это или нет.

Тревор сказал, как будто прочитал мои мысли.

— Поверь мне, когда я говорю, что у меня никогда не появиться женщина, которая заставит меня успокоиться только на своей киске. Ни за что.

— Я согласен с Тревором, — добавил Корд. — Мысль о том, что я не смогу трахать кого, где и когда захочу, — он содрогнулся. — Боже, одна эта мысль причиняет боль моему члену.

Смеясь, я добил свое пиво и бросил банку в кузов грузовика Тревора.

Подойдя к братьям, я хлопнул каждого по руке.

— Я не могу дождаться, когда вы съедите свою шляпу.

ГЛАВА

19.

Пакстон

В понедельник утром, Корин постучала в дверь моего класса и зашла напевая. Я взглянула на нее и усмехнулась.

— У тебя слишком хорошее настроение для утра понедельника.

Корин расплылась в широкой улыбке.

— Я занималась сексом в эти выходные.

Я откинулась на стуле и выдохнула:

— Что? С кем?!

Она прикрыла рот ладонью, как школьница, рассказывающая свой самый большой секрет.

— Митчелл.

Глаза округлились от удивления и ручка выпала из руки.

— Митчелл Паркер?

Она кивнула и хихикнула.

— Боже, он огромный. Вчера мне пришлось весь день провести в ванной, так у меня все болело.

Я прикрыла рот ладонью. Корин подняла бровь.

— Слишком много информации?

Я наклонилась над столом.

— Ты спала с Митчеллом? Как... — пораженно я оглядела класс.

Она засмеялась.

— Боже мой, да. У меня был секс с Митчеллом. Вообще-то, мы трахались как кролики. На диване, на кухонном столе, на полу, в душе, в кровати, — она подняла глаза к потолку, будто вспоминая, ничего ли она не пропустила. — О, и у входной двери, когда он пытался уйти, но что-то нашло на нас снова. У него волшебный член. Я не шучу. Его выносливость — это что-то. У меня никогда не было столько оргазмов за всю мою жизнь. Шесть. У меня было ШЕСТЬ оргазмов, Пакстон.

Я сидела с открытым ртом. Моя лучшая подруга рассказывала, что трахнула парня, перечисляя все места, где они это делали, и сколько раз! И этот парень — брат Стида. Брат близнец!

Глупый мечтательный взгляд практически вызывал бешенство. Она переспала с одним из братьев Паркер. Эти ребята совсем не торопятся вступать в отношения. А что насчет «Кода Брата»? Кажется, именно Трипп запал на Корин.

Ради всего святого.

— Ладно, мне нужно время, скорее несколько дней, чтобы обработать это. Корин, ты знаешь... эм... Митчелл, скорее всего предположил, что это было разово. Понимаешь?

Ее улыбка исчезла.

— У меня не сложилось такого впечатления. Он был нежен. Он заставил меня чувствовать. У меня никогда не было парня, что заботился и любил меня как Митчелл. Это было удивительно.

— А сколько вы выпили?

Мой вопрос, должно быть, подействовал как пощечина. Корин отвернулась. То, что начиналось, как волнение в ее глазах, теперь стало позором.

Я вздохнула.

— Подожди, я не это имела в виду.

Корин повернулась ко мне, ее подбородок дрожал.

— Ты думаешь, это был одноразовый секс? Он был так мил со мной. То, что он говорил...

Я ни за что не собираюсь рассказывать ей, что мальчики Паркер известны своим сладкоречием. Они были романтиками по своей природе, и им под силу стянуть трусики с любой женщины, которую они хотели. Но только на одну ночь. Не думаю, что у кого-то из них вообще были серьезные отношения. Только у Стида и Триппа. Подруга Триппа из старшей школы, Харли, была единственной женщиной, с которой он встречался длительный срок. Митчелл же, насколько помню, ни разу не встречался серьезно.

Я слабо улыбнулась Корин.

— Не слушай меня. Я давно не была близка с Митчеллом. Может, у него уже закончились дни игр.

Корин пожала плечами.

— Между нами что-то было, Пакстон. Я чувствовала это. Химия между нами была сумасшедшей, и мы никак не могли насытиться друг другом, — она нахмурилась и посмотрела на пол. — Может быть, я просто выдумала все, чтобы оправдать то, что переспала с ним.

Я чувствовала себя задницей. Она была так счастлива, и я обломала ее.

— Нет! Похоже, у вас была потрясающая ночь. Он звонил тебе?

Посмотрев на ее лицо, я понял, что зря спросила. Корин медленно покачала головой, а затем закрыла лицо ладонями.

— Боже! Что я сделала? Я переспала с парнем-игроком! Я так чертовски глупа!

Я вскочила.

— Нет! Ты не знаешь точно! У тебя была химия! Ты же сказала.

В коридоре послышался смех и крики. Школьники начали заполнять школу.

Корин выпрямилась. Разгладила юбку и решительно подняла глаза.

— Нет. Ты права. Я все придумала. Он даже не попросил мой номер, и это должно было быть первым звоночком. Я задвинула здравый смысл на задний план и позволила моему либидо управлять шоу. Так что: я поебалась с парнем.

Я глянула на дверь. Слава Богу, детей поблизости не было. Корин редко материлась, и стало понятно, что теперь она чувствует злость и стыд.

Черт. Черт. Черт.

— Ну и ладно. Я молодая, и другие женщины моего возраста делают парней на раз-два, одна связь за другой. Я в порядке. Что случилось, то случилось. Все хорошо, — она фальшиво улыбнулась, но все, что я видела, это унижение, и в этом моя вина.

Я не знала что сказать, и ненавидела, что заставила ее себя так чувствовать. Надеюсь, что Митчелл не думал о прошлой ночи, как о случайном трахе. Он явно хотел Корин и очаровал, несмотря на то, что изначально уступил дорогу Триппу.

— Корин, мне так жаль. Наверное, не нужно было говорить.

Она пожала плечами.

— Ты была честна. Друзья должны быть честны друг с другом.

— Эй, Митчелл, возможно, удивит меня, и позовет тебя на ужин или что-то вроде того.

Жуя губу, она выдавила улыбку.

— Ну, учитывая, что у него нет моего номера телефона, это будет довольно трудно сделать, правильно? — Корин повернулась и вышла из моего класса.

— Проклятие! — пробормотала я.

Я сделала мысленную заметку поговорить со Стидом. Если кто-то и знал, что в голове Митчелла, то это был бы Стид.

Сияя, я бросила быстрый взгляд в зеркало. Черные джинсы-капри и светло-голубая рубашка, достаточно хороши для свидания со Стидом.

В животе все трепетало, когда вспоминала о субботней ночи. Я так не возбуждалась, с тех пор как Стид последний раз прикасался ко мне более десяти лет назад.

Из меня выскользнул смешок, и я скользнула пальцами по губам. Клянусь, они по-прежнему покалывали. Закрыла глаза и воскресила в памяти ощущение сильных рук Стида. Какая безумная ночь эмоций. Я так устала, что сразу уснула. В какой-то момент он встал и сказал, что должен написать матери. У меня хватило сил лишь что-то промямлить, когда он забрался обратно в кровать.

Вздрогнула, когда мой телефон загудел и завибрировал на столике рядом с кроватью. Добравшись до него, я улыбнулась, увидев имя.

Стид: «Я почти у тебя. Надеюсь, ты в настроении для пиццы. Я позволил Хлое выбрать, где поесть».

Улыбаясь, я набрала ответ: «Пицца — это отлично!»

Маленькие волны нервозности прокатились по моему телу.

Когда тошнотворное чувство прошло, я спустилась вниз. Открыла бутылку красного вина и налила небольшое количество в бокал, для обуздания нервов.

— Что со мной такое? Это ведь Стид. Почему я так нервничаю?

Понимание ударило меня. Я нервничала не из-за Стида, я был в ужасе из-за Хлои.

Это была моя идея пригласить Хлою на наше первое официальное свидание, и должна признать, что боялась до смерти того, что она подумает об этом. О, конечно, она обожала меня как своего воспитателя детского сада, и знала, что мы любим друг друга, но я претендовала на место в их мире. Готова ли она поделиться со мной своим папой?

Я зажала нос пальцами и сделала несколько глубоких вдохов ртом. От невозможности держать все при себе, я написала сообщение единственному человеку, который сможет помочь. Амелия.

Я: «Привет! Стид тебе сказал, что происходит?»

Она мгновенно ответила: «О, мой Бог! Да! Я обязательно напишу книгу о вашей истории»

Я закатила глаза.

Я: «Что, если она меня ненавидит?»

Амелия: «Кто?»

Я: «Хлоя!»

Секунды тикали, пока ждала ее ответа. Когда мой телефон зазвонил, я чуть не бросила его через комнату от испуга.

— Да?

— Почему Хлоя ненавидит тебя, Пакстон? Она обожает тебя. Ты бы видела, как засветились ее глаза, когда Стид сказал ей, что вы втроем идете на свидание. Мама, конечно, начала плакать, и Хлоя спросила, почему она грустит. Мама объяснила, что это слезы счастья!

Улыбаясь, я глубоко вдохнула, чтобы избавиться от дрожи. Моя мать выдала такую же реакцию, когда я ей сказала, что мы втроем отправляемся на свидание.

— Не хочу, чтобы она думала, что я пытаюсь забрать ее отца.

Амелия вздохнула на другом конце линии.

— О, Пакстон. Она так не чувствует. Я думаю, ты абсолютно правильно поступила, пригласив ее на это свидание. Она почивает себя частью вас. Конечно, все еще не ясно, но одно знаю наверняка: Хлоя отчаянно нуждается в мамочке. Ты — это все о чем она говорит. Хватит волноваться.

Я кивнула, хотя знала, что она меня не видит.

— Ты права. Я просто нервничаю.

— Не надо. Расслабься, и получай удовольствие.

Чувство уверенности наполнило меня.

— Ты права! Будем веселиться! Спасибо, Амелия!

Она усмехнулась.

— Конечно. В любое время!

Раздался звонок в дверь.

— Они здесь!

— Пока! Поцелуй за меня брата и племянницу!

— Хорошо. Пока!

Нажав отбой, я бросилась к входной двери. После нескольких глубоких вдохов, я открыла ее, чтобы увидеть самую красивую картину.

Я ахнула, а потом улыбнулась. Слезы набежали на глаза. Стид стоял, держа Хлою на руках, и оба держали букеты моих любимых цветов. Розовые пионы.

— Пакстон! Мы с папой принесли тебе цветы. Они твои любимые.

Забрав букеты, я поцеловала Стида, а затем Хлою.

— Они прекрасны! Я люблю пионы!

— Видишь, папа? Я же говорила, что цветы — хороший выбор.

Стид засмеялся.

— Конечно, тыковка.

Хлоя точно дочь своего отца.

Жестом пригласила их войти. Стид поставил Хлою на ножки, и она залетела в дом. Когда он вошел следом, остановился, потянулся ко мне и поцеловал в губы. Это было быстро, но вызвало головокружение.

— Пакстон, у тебя есть какие-нибудь животные? — спросила Хлоя.

Я улыбнулась.

— Нет. Но я думала о кошке.

Хлоя вскричала, а Стид застонал. Я потянулась за вазой и посмотрела на него.

— Я так понимаю, Хлоя хочет кошку, а ты нет.

— Нет кошкам.

— Папочка! — сказала Хлоя, и надула губки.

— Дуйся, сколько хочешь, Хлоя. У дедушки и бабушки пять кошек.

— Но все они живут снаружи. Я хочу потискать их.

— У моих мамы и папы есть домашний кот. Я отвезу тебя, чтобы встретиться с ним. Его зовут Майло.

Глаза Хлои загорелись.

— Майло! Мне нравится это имя!

Я наполнила вазу водой, вставила цветы и поставила посередине кухонного островка.

Хлоя взобралась на стул и любовалась цветами. Ее волосы были заплетены в косички с маленькими желтыми бантиками. Интересно кто их заплел: Стид, Амелия или Мелани.

— Мне нравятся эти цветы, — заявила Хлоя.

— И мне, — тихо ответила я.

Взгляды Стида и мой встретились, и я почувствовала треск желания в воздухе.

Если бы я не сказала Стиду, что мы будем двигаться медленно, то сейчас у нас было бы повторение той ночи. Боль в нижней части живота росла. Я сама все остановила.

Стид, как будто понял, куда ведут мои мысли. Он подошел ко мне, и руки нырнули мне в волосы.

— Ты такая красивая, Пакстон.

Жар на щеках сказал мне, что я краснею. Он, кажется, не стеснялся говорить это перед Хлоей, так что и я не возражала.

— Могу я поцеловать тебя?

Мои глаза устремились к Хлое, которая следила за каждым нашим движением и улыбалась. Она кивнула, как будто давая разрешение, или, по крайней мере, призывая меня позволить своему отцу поцеловать меня.

Сосредоточив свое внимание на Стиде, я ответила:

— Да.

Он наклонился и осторожно прижался губами к моим. Потом он подтянул мое тело к себе.

Прислонившись лбом к моему лбу, он испустил довольный вздох. Как будто этот простой поцелуй и я в его руках, только что решили все его заботы.

— Я люблю тебя, Пакстон, — прошептал он.

Я была ошеломлена, что он произнес это перед своей дочерью.

Увидев мое замешательство, он отступил. Подмигнул с кривой ухмылкой, от которой подкосились мои ноги, и сказал:

— Я говорил с Хлоей днем. Я рассказал ей, что мы с тобой встречались, но случилось что-то плохое и мы расстались, но по-прежнему любим друг друга.

Сердце дрогнуло.

Я посмотрела на Хлою, сидящую положив подбородок на сложенные руки, словно полностью поглощенная историей принца и принцессы, которые вновь воссоединились.

— Я сказал ей, что мы собираемся встречаться снова.

Я кивнула и посмотрела на Хлою.

— Хлоя, ты не против, что мы встречаемся с папой?

Она улыбнулась.

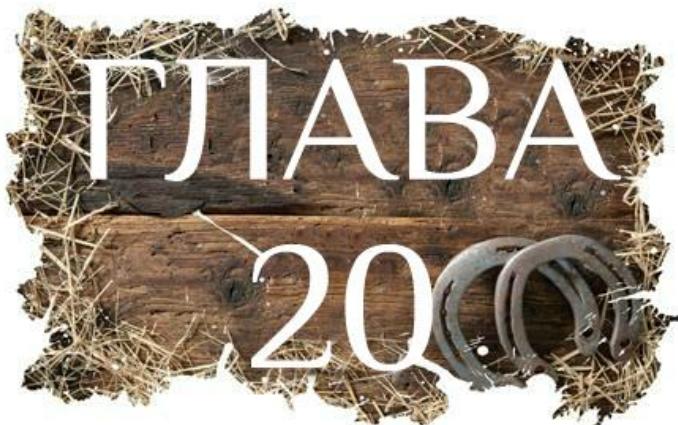
— О да! Папе было так грустно и одиноко. Но он сказал, что больше непечален. И его глаза тоже непечальны. Твои поцелуи делают его счастливым. Так поцелуй его еще раз, Пакстон!

Стид и я, засмеялись. Когда мы поймали взгляд друг друга, Стид наклонился, прижал губы к моему уху и прошептал:

— И если я погружусь внутрь тебя, то сделаюсь еще счастливее. Так что давай планировать это... Скорей.

Желание охватило меня. Все, что я смогла сделать, это прошептать:

— Хорошо.

ГЛАВА

200

Стид

Я с ума сошел. Вздохнув, я закрыл книги, которые просматривал, и откинулся в кресле.

Черт. Я не мог избавиться от мыслей о Пакстон. Прошлой ночью, думал что точно, сорву ее чертовы трусики и трахну в своем грузовике. Нужда оказаться внутри нее росла с каждой минутой, но я уважал ее желание не спешить. Пакстон медленно входила в нашу жизнь с Хлоей, и это было безумно.

Последние несколько недель были удивительными, если не принимать во внимание мой постоянно жесткий член и бесконечное количество приемов душа, во время которых я дрошил. Мы с Пакстон провели такое же количество времени друг с другом, как и с Хлоей. Пакстон боялась, что Хлоя разозлится, что она отнимает у нее время со мной, но все произошло наоборот. Усмехнувшись, я вспомнил, сегодняшний утренний разговор с Хлоей.

— Доброе утро, тыковка, — прошептал я, целуя ее щеку.

Хлоя открыла глаза и улыбнулась.

— Сегодня ты собираешься жениться на Пакстон?

Смеясь, я посмотрел в ее красивые голубые глаза.

— Нет. Сегодня нет.

Хлоя нахмурилась.

— Ну, тогда сделаешь мне блинчики?

— Увердительный ответ! Это я могу сделать.

Спрыгнув с кровати, Хлоя помчалась вниз по лестнице на кухню. Она забралась на стул у кухонного островка, наблюдая, как я готовлю тесто для блинов.

— Папа, почему Пакстон так отличается от моей старой мамы?

Мое сердце замерло.

— Ну, твоя мать не имела любви в своем сердце, в отличие от Пакстон.

— Почему у нее не было любви в сердце?

— Не знаю, тыковка. Есть люди, которые думают только о себе, а не о других.

Хлоя задумчиво смотрела в окно, пока я наливал тесто на сковородку.

— Папа, а я еще должна называть ее мамой?

Подняв руку к лицу, я постарался скрыть, как умираю внутри. Как же я ненавидел Ким в этот момент.

— Нет, Хлоя. Ты не должна называть ее мамой, если не хочешь. Она большие никогда не будет присутствовать в нашей жизни.

— Она не хочет быть моей мамой, не так ли?

Бля. Сказать ей правду? Как это отразиться на ней?

— Тыковка, она не заслуживает быть твоей мамой.

Ее глазки, казалось, заблудились в мыслях, прежде чем огромная улыбка появилась на ее лице.

— Пакстон скоро станет моей новой мамой. Тебе нужно поторопиться, пап.

Смеяясь, я поцеловал ее в кончик носа.

— Ты босс. Точно, потороплюсь!

Глаза Хлои светились, и я не мог вспомнить, когда видел, мою дочь такой счастливой.

— Я хочу быть как она! Интересно, Пакстон тоже хочет козлика? Патчу нужен друг.

Отложив венчик, я покачал головой.

— Ты маленькая хитрюшка. Ты пытаешься выторговать себе еще одного козлика?

Маленькие ручки прикрыли ротик, Хлоя захихикала и кивнула.

— Хлоя Линн Паркер. Так нельзя!

Мои глаза вернулись к финансовым книгам ранчо, чувствуя, как мои щеки напряжены от счастливой улыбки. Я покачал головой и вернулся к работе.

Что-то не так. Цифры не сходились, и у меня было ощущение, что прежний бухгалтер, ничего хорошего не делал. Папа хотел нанять ублюдка Майка, но я остановил это, когда засранец попытался клеиться к Пакстон. Я отправил его обратно в Сан-Антонио почти две недели назад. Он вызвал отторжение сразу, как только переступил порог моего кабинета.

Козел. Конечно, если бы не он, я бы никогда не пришел в бар той ночью, и не отвез Пакстон домой. Когда она пригласила меня в свою спальню, я не мог отмахнуться от грязных мыслей. Вот и сейчас мой член твердеет, когда вспоминаю ее в своих объятиях. Голая. Ее нежная кожа против моей.

Бля. Я хочу ее.

Я вытолкнул все мысли о том, как мой член погружается в киску Пакстон из головы и вернулся к рассмотрению цифр прошлых месяцев.

Стук в дверь заставил меня поднять взгляд.

— Стид?

— Папа, — жестом пригласил его зайти.

Он вошел в комнату, такой уверенный в себе. Помню, как я был маленьким, хотел когда вырасту, входить в помещения как мой отец. Я постоянно слышал, как люди говорят самые удивительные вещи о моем отце и, глядя на него знал, что хочу вырасти таким же, как он. Вина, что я вынужден был держаться подальше от семейного ранчо, по-прежнему лежала тяжелым грузом на моем сердце.

— Как дела, сынок? Нашел то, что искал?

Он откинулся в большом кожаном кресле напротив моего стола. Папа настоял, чтобы мой кабинет располагался в главном доме, по соседству с его собственным. Через день после того как сказал отцу что возвращаюсь домой, он уже подготовил мне кабинет. Большой стол из красного дерева стоял у окон от пола до потолка, из которых открывался вид на техасские холмы. У стола стояло два больших кожаных кресла, которые выбрала

мама. Слева была зона отдыха с диваном и журнальным столиком, справа — стоял большой стол. Раньше отец использовал это помещение как конференц-зал, и после переезда, я уговорил сохранить его.

Черт. Как, сказать отцу, что подозреваю, что его бывший бухгалтер крал у него?

— Я думаю, что нашел.

— Позвать Тревора? Я могу позвонить ему.

У брата тоже был кабинет, но располагался он в главной конюшне, там же была и студия с двумя спальнями, где Тревор жил. Как только он стал главным мастером, то хотел находиться ближе к конюшне, и ему оборудовали там студию.

Конюшня. Если можно так ее назвать. В главной конюшне размещались самые дорогие лошади. Было проведено отопление и установлены кондиционеры, и я мог поклясться, там лучше, чем в моей первой квартире в Орегоне.

— Не, я не думаю, что ему важны движения цифр.

Отец усмехнулся.

— Тогда скажи мне.

— Я не знаю, как помягче сказать тебе, папа, так что скажу прямо: думаю, Фред крал у тебя.

Я думал, отец рассмеется. Скажет, что я сошел с ума, что нужно просмотреть книги снова. Но он наклонился вперед, хлопнул ладонями по коленям и выругался.

— Ублюдок. Я знал это.

Я округлил глаза.

— Что? Ты знал, что Фред ворует, и ничего не делал?

Когда его голова упала, мне пришлось бороться с желанием утешить его. Я точно знал об отце одну вещь — он не проявлял эмоций, слабости; ничего из этого, когда это касалось его дела.

Его голова была по-прежнему опущена. Бля. Он расстроен? Или зол?

Наконец, он посмотрел на меня, и я получил ответ.

Он был зол.

Черт, он был ЗОЛ.

— Вялый член, сукин сын, мудак, жадный до денег, сволочь, козел, мудак!

О да, очень зол.

— Ты дважды сказал «мудак», — усмехнулся я.

Он раздраженно посмотрел на меня. Видимо сейчас не время шутить.

— Я хочу, чтобы его грохнули.

— Ну, я уверен, что Корд по своим каналам найдет человека, который в свою очередь знает человека, который сможет договориться с тем, кто сможет это сделать.

Его глаза встретились с моими, и я был уверен, что будь у него нож, то он незамедлительно полетел бы в меня.

— Ладно, мы еще не в стадии шуток? — спросил я.

— Узнай, сколько взял этот ублюдок. Я ждал повода надрать ему задницу с тех пор, как он приставал к твоей матери.

Он встал и направился к двери. Я вскочил.

— Подожди, Фред приставал к маме? Когда?

Папа посмотрел через плечо.

— На нашей свадьбе.

Я нахмурил брови.

— Но вы ведь хорошие друзья. Почему ты никогда ничего не предпринимал?

— Потому что я Паркер, и мы не беспокоимся, что наши женщины будут искать в другом месте то, что имеют с нами.

Я зарычал при мысли об отце и матери. Все тело содрогнулось.

— И я знал, что мне не нужно беспокоиться о твоей матери, я ей доверяю. Но Фред был другим. Как ты думаешь, почему я держал этого ублюдка так близко все эти годы? Я

думал, что он снова пытался приставать к маме, но красть у меня? О, черт возьми, нет. Я ждал причину надрать ему задницу, и теперь, благодаря тому, что мой сын вышел из своей тупой задницы и вернулся домой, я наконец-то получил ее.

Он вышел из кабинета и захлопнул за собой дверь. Я улыбался до тех пор, пока не понял, что отец сделал мне далеко не комплимент. Он оскорбил меня.

Стук в дверь, и вошла Амелия.

— О, я думал, ты уехала из города.

— Книжное мероприятие было отменено. Что происходит с папой? Он выглядел злым, — нахмурилась она.

Я отмахнулся.

— Просто он рядом с Фредом ссал сорок лет.

— Да? — недоуменно спросила Амелия.

Смеясь, я ответил:

— Да, ладно, ничего.

Не надо рассказывать Амелии о краже Фреда. Если папа захочет, то сам оповестит остальных членов семьи.

Она устроилась с ногами в кресле и улыбнулась мне.

— Что?

— Ничего. Просто интересно, как дела у тебя и Пакстон.

Одно упоминание ее имени, и мое сердце пропустило удар.

— Они идут хорошо. Медленно, но хорошо.

Она подняла брови.

— Медленно? Как это? Вы все время друг с другом.

Я опустил голову — она попала в больное место.

Рот Амелии открылся, когда до нее дошло

— О! Медленно, в плане секса.

— Да. И, пожалуйста, не говори больше ничего Хлое. Я знаю, что ты заполняешь ей голову насчет брака.

Амелия, казалось, обиделась.

— Прости, но я ничего не говорила о вашей свадьбе. Ни единого слова.

— Нет?

— Нет. Я бы сказала, что это — мама.

Черт. Мама. Я даже не думал о ней.

— В любом случае, вернемся к сексу. Что происходит?

Я пожал плечами.

— Пакстон хочет двигаться медленно. Так что я двигаюсь медленно. Уж больно хреново, медленно.

Амелия прикрыла рот и хихикнула.

— Это не смешно, — вздохнул я. — Я иду спать с синими шарами и просыпаюсь с ними.

— Фу. Серьезно, я могла обойтись без такой информации, Стид, — запыхтела Амелия.

Я рассмеялся и провел пальцами сквозь волосы.

— В любом случае, я не знаю что лучше: надавить или и дальше позволять ей выбирать темп.

— Хочешь мой совет?

— Без обид, дорогая, но тебе только двадцать два.

Она послала мне грозный взгляд.

— Ну, я же женщина. У меня есть опыт секса. Думаю, я могу вставить свои два цента.

Гнев прошелся сквозь мое тело.

— Кто занимался с тобой сексом? Я надеру ему задницу.

— Ты же не думал, что я все еще девственница?

Я отбросил ручку из своей руки, как будто обжегся, и прикрыл уши.

— Какого черта, Мели! Боже, — руки бессильно упали. — Братья знают эту информацию?

Злая улыбка появилась на ее лице.

— Моим первым был Бобби Бишоп.

Мои глаза расширились в шоке.

— Тревор знает, что его лучший друг оборвал твой цветок?

Амелия расхохоталась.

— Мой цветок? Какого черта? Ты, блядь, шутишь, Стид? — она истерично согнулась от смеха. — О. Мой. Бог. Мой цветок! Я умираю! Не могу дождаться, чтобы рассказать об этом Вайелин! Ты ведь знаешь, что она тоже потеряла цветок?

Я закатил глаза и откинулся в кресле, ожидая, когда она придет в себя. Мысль, что парни касались моих сестер, взбесила меня. Несмотря на то, что Вайелин была замужем, я все равно хотел заехать ее мужу каждый раз, думая об этом.

— Ты закончила?

Амелия вытерла слезы.

— О, чувак. Адские колокола. Мне нужен был этот смех. И нет, я не сказала Тревору.

— Я так понял, мои представления о тебе, как о милой и невинной девушке, выстрел в небо?

Амелия встала и оперлась о мой стол.

— Я выросла с пятью братьями. Пять братьев, которые, к слову, имеют определенную репутацию. Я училась у лучших, — подмигнула она.

— О, черт. Если отец узнает...

Улыбка, которая расплылась на лице сестры, заставила и меня улыбнуться.

— Это незнание, не причиняет ему вреда.

— Папочкин маленький ангелочек.

Она издала смешок, и развернулась. Но дойдя до двери, остановилась и обернулась.

— И кстати. Я все же вставил свои два цента. Тебе нужно провести ночь с Пакстон. Соблазнить ее и заняться любовью, а остаток ночи провести, трахая, чтобы компенсировать потерянное время. Доверяй мне. Это то, чего она действительно хочет в глубине души. Это медленное дермо — защитная пленка, которую она использует, потому что напугана.

Я откинул голову назад.

— Чего она боится?

Амелия подмигнула.

— О, я не могу рассказать тебе все секреты, не так ли?

И с этими словами она вышла.

Стид

— Что с тобой, чувак?

Я ехал рядом с Тревором на лошади, которую родители купили мне на выпускной, но в первый раз сел на нее, после возвращения. С тех пор, старался ездить на Леди каждый день. Она была красивой красно-белой масти и очень послушной. Тревор прекрасный тренер. Клянусь, мальчик упустил свое призвание.

— Что не так с твоей задницей? — засмеялся он. — Я задаю вопрос, а ты так глубоко ушел в свои мысли, что либо не слышишь меня, либо отмахиваешься. Чувак, если ты в ближайшее время не трахнешься, клянусь, ты лопнешь.

— Пошел вон, Тревор.

— Видишь!

Я застонал.

— Черт. Я не знаю, что делать. Амелия дала мне совет, но я не уверен.

— Ну, она женщина, так что, вероятно, знает лучше, чем мы.

Мы вели наших лошадей бок о бок через пастище.

— Черт, я скучал по этому месту. Пропустил так много поездок рядом с тобой, Митчеллом, Триппом и Кордом.

— Это место скучало по тебе.

Я улыбнулся, так Тревор сказал, что скучал по мне.

— Ты все еще дружишь с Бобби Бишопом?

Тревор остановил лошадь.

— Почему спрашиваешь?

Пожав плечами, я ответил:

— Просто интересно.

— Я не разговаривал с ним с тех пор, как однажды надрал ему задницу. Я поймал его и Амелию за грузовиком на вечеринке. Он еще легко отделался. Узнай Митчелл, то нашел бы причину для ареста, а Корд, наверное, пригрозил бы, что знает человека, который сможет договориться с тем, кто сломает ему ноги и руки.

Смеясь, я покачал головой. Блин, мы все думаем одинаково. Я хмыкнул, и мы проехали несколько минут в молчании.

— Слушай, я просмотрел документы. Фред крадет у папы.

— Ни хрена себе, — сказал Тревор, понукая лошадь, увеличивая темп, чтобы не отставать от меня.

— Да. Папа не выглядел удивленным. На самом деле, он знал. Просто не хотел признавать.

— Вот почему он настаивал, чтобы ты все проверил сам, когда отпугнул Майка.

— Я его не отпугивал.

— Продолжай говорить себе это.

Я не хотел, чтобы Тревор знал, сколько взял Фред. Это была немаленькая сумма. Это были тысячи и тысячи долларов. Когда я сказал отцу, что Фред взял почти триста

тысяч, подумал, что у него будет сердечный приступ. Но он выпустил несколько фраз ругательств и проклятий (некоторые, я вообще слышал в первый раз), встал, подошел к своему оружейному сейфу и сказал, что вернется позже. Я даже не удосужился его остановить, знал, что он не сделает ничего глупого, но уж точно выпустит мочу из Оле Фреда.

— Это большие деньги?

Взглянув на него, я кивнул.

— Да. Это большие деньги.

— Блядь. Надеюсь, папа посадит его задницу в тюрьму.

— Будем надеяться.

Мы проверили одну из линий забора и, обнаружив, что он все еще в хорошей форме, направились к главной конюшне.

— Ты все еще занимаешься ропингом? (Прим.: roping — когда ковбой на лошади «отрезает» бычка от стада, с помощью лассо арканит его за рога, шею или задние ноги, опрокидывает на землю и связывает) — спросил я.

Он посмотрел на меня как на сумасшедшего.

— Я на ранчо, мудак. Я постоянно их связываю.

Я поднял брови.

— Ну и как? Скачешь вокруг телят или типа того?

— Хочешь проверить? Да ладно! За эти годы ты стал городским мальчиком!

— Не надейся. Я, все еще могу одним броском заарканить бычка.

— Тогда докажи.

Я был тем, кто научил этот маленького засранца, что такое веревка, и как с ней обращаться. Если он думает, что лучше меня, мне придется показать ему задницу.

— Кто первый вернется в конюшню, — крикнул я, понукая лошадь. Она полетела, как стрела из лука.

Черт возьми. Эта лошадь быстрая.

Я никак не мог убрать широкую улыбку. Скакать верхом по открытому полю было лучшим ощущением в мире. Ничего красивее не было. Более успокаивающего.

Когда почти подъехал к конюшне, я увидел ее. Сидя на заборе, она наблюдала, как Корд чистил лошадь в загоне. Мое сердце замерло, и я остановил Леди. Тревор промчался мимо и заехал в конюшню, выиграв пари. Но мне было все равно. Единственное, что меня волновало — прекрасное зрелище передо мной. Я ошибался, когда подумал, что нет ничего красивее, чем скакать по полю верхом.

Пакстон Монро.

Ее волосы были собраны в небрежный пучок. На ней были джинсы, футболка и сапоги. Выглядела она дикой и необузданной, далеко от сладкой невинности, какой была сегодня утром, когда забирала Хлою на «День мамы и дочери» в СПА-салон.

Соскользнув с Леди, я прошел к забору. Пакстон посмотрела на меня, и ее улыбка сбила меня с ног.

— Привет, — сказала она низким сексуальным голосом. — Корд сказал, что вы с Тревором проверяете ограждение.

— Мы закончили. Я собирался показать Тревору, как правильно арканить телят.

Она бросила на меня растерянный взгляд.

— Разве он не знает, как?

— Да, черт возьми, «он» знает, — сказал Тревор позади меня. Я ухмыльнулся, когда он прошел мимо, и достаточно отдалившись, бросил мне в живот свернутою в моток веревку.

— Давай сделаем это дермо. Пакстон садись удобней, мы будем арканить тебя.

Пакстон лихорадочно смотрела на меня и Тревора.

— Да? Я что животное?!

— Я шучу, Пакстон. Господи, успокойся, — сказал Тревор с кривой ухмылкой на лице.

Корд засмеялся:

— Пошел-ка я отсюда, пока вы двое не свернули все вокруг, надирая друг другу задницы.

— Подожди, что происходит? — спросила с тревогой Пакстон. Я подошел к ней и сбросил моток веревки у моих ног. Положив руки на ее бедра, я потянул Пакстон к себе и поцеловал. Она немедля обернула руки вокруг моей шеи. Низкий стон выскользнул из ее губ, и мой член немедленно напрягся. Пакстон разорвала поцелуй, и у меня на губах остался ее сладкий медовый вкус.

— Что происходит?

— Ничего. Мне нужно доказать Тревору кое-что.

Она покачала головой.

— Некоторые вещи никогда не меняются независимо от того, сколько тебе лет.

Я подмигнул и шлепнул ее по заднице.

— Эй, когда ты успела переодеться после СПА?

Тревор вскричал:

— Ребята, давайте побыстрее ваше шоу! Мне еще нужно ехать на южное пастбище и проверять беременных кобыл.

Мы оба проигнорировали его, и Пакстон ответила мне:

— Я подумала, что после сходим на прогулку, поэтому сразу взяла с собой смену одежды.

Я сморщил лоб.

— Мы с тобой? Или еще и Хлоя?

Она закусила губу.

— Мы с тобой. Твоя мама хотела провести время с Хлоей.

— Секундочку, детка. Позволь мне обставить Тревора.

Я кивнул на манекен бычка. Тревор улыбнулся, встал в позу и, раскрутив над головой веревку, с легкостью набросил на шею манекена.

Я последовал его примеру, и так же легко заарканил его.

— Удача новичка, — выплюнул Тревор.

— Новичка? Я — научил тебя этому!

Следующий раз, мы отошли на пару метров дальше. И в следующий. И каждый раз, оба удачно окольцовывали манекен.

Через некоторое время, мы вскочили на лошадей и переключились с манекена на живых бычков. Корд с секундомером отслеживал, кто быстрее догонит и заарканит бычка.

Угадайте, кто вел? Конечно, мне помогала личная команда болельщиков: сначала Пакстон, а позже и Хлоя. Мама привела ее, получив смс о проводимом соревновании.

— Папа! Не обижай детскую коровы!

Улыбаясь своей дочери, я пообещал:

— Не буду, тыковка.

В это время Тревор заарканил бычка, но никак не мог повалить его на землю. Я знал, что он у меня в кулаке.

— Да я быстрее тебя раз в пять! — вскричал я.

— Черт! — закричал Тревор, когда я спрыгнул с Леди, раскрутил веревку и в два счета повалил бычка.

— Чувак, это было шесть секунд! — закричал Корд. — Эй, вы вдвоем могли бы зарабатывать миллионы на родео!

Пакстон и Хлоя хлопали и кричали мое имя.

Мама подошла к Тревору.

— О, дорогой. Ты забыл, у него ведь больше опыта.

— Мама! Его не было десять лет!

Подойдя к Тревору, я ударил его по спине.

— Чувак, ты правда думал, что я не найду места в Орегоне, чтобы прокатиться? Как, черт возьми, ты думаешь, моя дочь научилась ездить верхом?

Тревор стоял с пустым выражением лица.

— Я ненавижу тебя, Стид. Отстой!

Корд и я расхохотались, а мама пыталась изобразить миротворца.

— Тревор! Я не воспитывала вас, ребята, больными неудачниками.

Хлоя указала на Тревора.

— О, дядя Тревор сказал: «отстой»!

— Извини, Хлоя, — сказал Тревор, поцеловав ее в макушку.

Обратившись к Корду, я сказал:

— Ты должен поставить механического быка в бар.

Его глаза засветились.

— Знаешь, это чертовски хорошая идея. Представляешь, что будет, если усадить туда женщину, которая напилась и...

— Маленькие ушки, мальчики! У нас маленькие ушки! — прервала нас мама и указала на Хлою.

Корд поморщился.

— Черт побери. Я иногда забываю.

Пакстон вздохнула.

— Клянусь, вы, ребята, никогда не вырастете. Ты готов к нашей прогулке?

В ее глазах было нечто, что говорило мне, что она имеет в виду кое-что другое.

Я кивнул и подошел к Хлое.

— Тыковка, я и Пакстон собираемся прокатиться. Ты будешь хорошей девочкой для бабушки?

Хлоя усмехнулась.

— Уверительный ответ. Мы собираемся сделать тыквенный хлеб! Твой любимый, папа! — ее маленькие руки обвились вокруг моей шеи, и она сжала так сильно, как могла. Потянулась ко мне и прошептала: — Ты собираешься попросить Пакстон выйти за тебя замуж?

Звук громкого вздоха Пакстон заставил меня простонать про себя. Я положил руку на щеку Хлои.

— Нет, детка. Мы только встречаемся. Помнишь? Мы говорили об этом.

Ее маленькие глаза стали печальными. Мы с мамой говорили о том, как Хлоя привыкла к Пакстон, и она беспокоилась, как это отразится на ее поведении в школе. Хлоя, однако, по словам Пакстон, вела себя как обычно, что было облегчением для меня. Но дома, она все больше стала одержима тем, чтобы я просил Пакстон выйти за меня замуж.

Я знал, что Хлоя жаждет матери. Настоящей мамы, которая проявит свою привязанность, и Пакстон прекрасно подошла на эту роль. Черт, я бы женился на ней завтра, если бы был уверен, что она скажет «да». Но пока она еще решает свои проблемы, я не собирался ее подталкивать.

Пакстон присела перед Хлоей.

— Хлоя-Кэт, я очень люблю твоего папу.

Хлоя улыбнулась большой и яркой улыбкой. Я поднял взгляд и увидел, как мама смотрит на нас. Ее глаза угрожали пролиться слезами.

— Но, — продолжила Пакстон, — прошло много времени с тех пор, как мы были парнем и девушкой. Мы должны узнать друг друга.

Хлоя нахмурила брови и спросила:

— А разве вы уже не знаете друг друга?

Мы с Пакстон рассмеялись. Я поспешил разъяснить:

— Да, милая, но папа сделал что-то, что навредило чувствам Пакстон. Не специально, но сделал ее очень грустной.

Глаза Хлои наполнились слезами.

— Ты можешь сделать так и мне, папочка?

Мое сердце закололо.

— Боже, нет, Хлоя. Я не хотел делать это Пакстон. Обещаю, никогда не причиню вреда тебе и ей. Никогда.

Хлоя наклонилась и спросила:

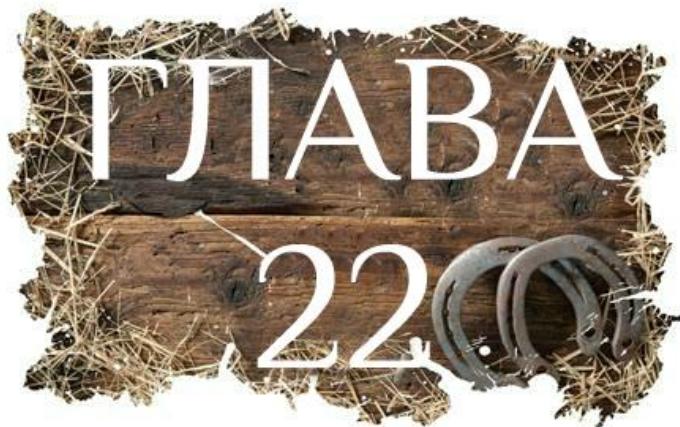
— Ты извинился?

Я поцеловал кончик ее носа.

— Да, тыковка. И Пакстон приняла мои извинения. Но нам нужно вернуться к тому, как все было до моего отъезда. Я знаю, тебе трудно понять, но потерпи.

Ее следующие слова почти убили меня:

— Я доверяю тебе, папа.

Пакстон

В тот момент, когда Хлоя спросила, не попросит ли Стид меня выйти за него замуж, я запаниковала. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы вернуть нормальное дыхание. Сегодня, во время «Дня матери и дочери» в СПА, она попросила меня притвориться ее мамой, и мое сердце разбивалось на кусочки, когда объясняла ей, что это будет неправдой.

Мой разум крутился, когда я пыталась обработать то, что Стид говорил Хлое этим милым голосом, которым всегда с ней разговаривал, ловя печальный взгляд на ее лице.

Когда он признал, что причинил мне боль, я была вынуждена схватиться рукой о забор. Он был так честен с ней и со мной. Я знала, что ему тяжело медленно двигаться в наших отношениях. Поцелуй привели к прикосновениям, что привело к тому, что он ожидал, когда я дам разрешение на дальнейшее продвижение. Но по какой-то причине я колебалась. О, поверьте, я хотела, что бы Стид сделал все грязные вещи, которые шептал мне на ухо, в эти последние несколько недель, но часть меня все еще боялась. Если снова открою эту часть наших отношений, я открою свое сердце, что может привести к разрушению.

Голос Стида вытащил меня из мыслей.

— … не хотел делать это Пакстон. Обещаю, никогда не причиню вреда тебе и ей. Никогда.

Хлоя наклонилась к отцу.

— Ты извинился?

Я прикрыла рот рукой, пытаясь не смеяться, и взглянула на Мелани. Она с такой любовью смотрела на сына и внучку. Боль в моей груди было трудно игнорировать. То, что у Стида был ребенок от другой женщины, казалось, была моей самой большой преградой. Я люблю Хлою, но не могу отбросить мысль, что не я родила Стиду его первого ребенка. То, что какая-то женщина-монстр создала эту драгоценную, милую невинную маленьку девочку, копию ее отца.

Стид поцеловал Хлою в нос, и ее следующие слова чуть не сбили меня с ног.

— Я доверяю тебе, папочка.

Стид засиял, и я поняла, что эти слова глубоко его затронули.

— Это так много значит для меня, тыковка. Я люблю тебя.

Ее маленькие руки обхватили его шею, как самое дорогое в ее жизни. Он встал и поднялся вместе с ней. Я смотрела, как они замерли, потерянные друг в друге. Стид обнимал Хлою, пока она не была готова разорвать контакт. Хлоя доверяла отцу, что он никогда не разорвет ее сердце, и я честно полагала, что он никогда этого не сделает. Ненамеренно. Точно так же, как он *ненамеренно* нарушил мое.

В голове пробежало миллион мыслей. Мы все сделали неправильно, но мы были так молоды. Разве мы не имели право на ошибку? Сейчас же, глубоко в своем сердце знала как и Хлоя, что Стид никогда не навредит ни одной из нас.

Повернувшись ко мне, Хлоя улыбнулась.

— Пакстон, тебе нравится тыквенный хлеб?

Вопрос пробудил меня. Я настолько задумалась, что вынуждена была заставить себя оттолкнуть все одолевавшие мысли и действовать нормально.

— Да! Это один из моих любимых.

Стид опустил Хлою на землю, и она подошла к Мелани.

— Бабуля, пойдем делать хлеб!

С легким сердцем, посмеиваясь, Мелани взяла руку Хлои, и не глядя на нас произнесла:

— Повеселитесь детки. Не торопитесь домой.

Она подмигнула, и я почувствовала, как мое лицо вспыхнуло. Корд засмеялся.

— Что ж, и мне пора в бар. Насладитесь поездкой.

Стид подошел ко мне, взял за руку и повел к привязанной лошади.

— Пойдем, нужно оседлать других лошадей.

— А что случилось с Леди? — спросила я.

— Она должна отдохнуть. Я с утра на ней.

Я кивнула и последовала за ним. Оглянувшись, я увидела, как Мелани и Хлоя поехали на муле обратно к дому. Внутри все сжалось, когда подумала об удивительном утре, которое я провела с Хлоей. Я влюбилась в нее. Это было несложно; она была драгоценна. Ее сердце так полно любви и необходимости быть любимой.

Стид взялся за работу: снял седло с Леди, почистил ее щеткой, налил свежую воду и насыпал овса. Тревор вошел в конюшню, и вернулся, ведя за собой двух лошадей.

— Думаю, что вы могли бы заодно и выгулять этих лошадей. Мне не хватает времени, чтобы дать им набегаться.

Я подошла к красивой гнедой, которая терпеливо стояла за Тревором. Рукой пробежалась по ее великолепной красновато-коричневой коже. Ее грива и хвост были черными, и соответствовали нижней половине ее ног. Она несколько раз покачала головой, словно говоря: залезай на меня, я готова к дороге. Я прижалась лицом к ее боку, вдохнула небесный запах и улыбнулась.

Стид легко ударил Тревора по плечу.

— Спасибо, Тревор! Тебе не обязательно это делать.

Тревор в ответ рассмеялся.

— Учитывая, что ты надрал мою задницу в ропинге, я решил, что сделаю для тебя что-нибудь приятное.

Стид погладил бок своей лошади.

— Черт возьми, она красивая, — сказал он.

Тревор кивнул.

— Я недавно купил ее у заводчика в Мейсоне. Его жена обучила ее, и должен сказать, что она хорошо поработала. У меня никогда не было кобылы, как эта леди.

— Как ее зовут? — спросила я, все еще гладя бока лошади.

— Это Аллор, — Тревор указал на мою лошадь.

Мои брови поднялись.

— Очень подходящее имя для нее (Прим.ред.: Allure — восхитительная).

— Да, а это Марли (Прим.ред.: Marley — марля), — засмеялся он.

— И это имя восхитительное, — я сморщила нос.

Стид взял поводья у Тревора.

— Когда вернемся что с ними сделать?

— Расседлайте и убедитесь, что у них есть свежая вода. Овес у них будет завтра, но если вы хотите их отблагодарить, то по охапке сена будет хорошо.

— Понял.

Уйдя достаточно далеко от нас, Тревор обернулся и крикнул:

— О, и просто полетайте. Им нравятся скачки.

Я рассмеялась.

— Черт возьми, я чувствую будущую гонку.

Мы немного проехали в тишине, пока не пересекли пару пастбищ. Стид, казалось, задумался, и я задавалась вопросом, думал ли он о словах Хлои.

— Сегодня в СПА-центре Хлоя рассказала мне о своем списке желаний на Рождество.

— О, да. Она написала письмо Санта-Клаусу, но сказала, что мне нельзя его читать. Я хмыкнула.

— Что было в нем? — спросил он.

Я прочистила горло.

— Ну, некоторые вещи, тебе не понравятся.

Стид свел брови.

— В самом деле?

Кивнув, я хихикнула.

— Ага. Она сказала, что хочет свою лошадь. Кровать для козленка Патча, чтобы он мог спать в ее комнате.

Стид расхохотался.

Я продолжила:

— Дом мечты Барби. Кое-какие книги, нарядные платья, косметику.

— Косметику? — выдохнул он. — Какого черта она нуждается в косметике?

Мои неудачные попытки скрыть улыбку только заставили его больше нахмуриться.

— Черт, — сказал он, и рукой дернул свои волосы.

— Еще она сказала, что хочет парня. Предпочтительно Тимоти Нокса.

Приподнялась, чтобы посмотреть на его реакцию. О, думаю, его голова сейчас лопнет.

— Подруга! Кто, черт возьми, Тимоти Нокс?

Мои щеки уже болели от улыбки.

— Одноклассник. Сладкий маленький мальчик. Он не отходит от нее ни на шаг, и всегда сидит рядом во время обеда.

Глаза Стида расширились от ужаса.

— Ч-что?

Я старательно смотрела вперед. Если посмотрю на Стида, уверена, что начну смеяться.

— Тебе нужно его перевести.

Нахмутив лоб, я спросила:

— Перевести? Перевести куда?

— Далеко от моей дочери! В другой класс!

— Стид, я единственный учитель детского сада. Я не могу заставить его перевестись. Кроме того, я бы даже не смогла.

— Почему нет? Маленький ублюдок бегает за нашей Хлоей.

Мое дыхание сбилось.

Наша Хлоя.

Не желая делать большее из его слов, я проигнорировала их.

— Им пять. Это безвредно.

— Это небезопасно, если моя дочь уже хочет быть его девушкой, — Стид покачал головой и остановил Марли. — Меня сейчас стошнит.

Я немного сочувствовала ему.

— Тогда я, вероятно, не должна говорить, что она так же попросила Санта-Клауса, чтобы Тимоти поцеловал ее.

Лицо Стида побледнело, и он соскользнул с лошади. Пройдя пару шагов вперед, он опустился на задницу.

Этого не должно было случиться, но, черт возьми, то, как он отреагировал... Я знала, что делаю ошибку, слезая с лошади, но я устала играть безопасно. Кроме того, было очевидно, что мне нужен Стид.

Пакстон

Стоя над Стидом, я наблюдала, как он схватился за голову.

— Это окупаемость. Карма. Мой грех возвращается, чтобы преследовать меня.

Вздохнув, я пнула его ботинок.

— Прекрати. Ты делаешь трагедию из ничего. Я думала, мы будем кататься. Он взглянул на меня.

— Ты уверена, что можешь следить за этим маленьkim ублюдком Тимоти? Я поморщилась.

— Стид, я не думаю, что ты должен называть моих учеников ублюдками и маленьkими членами.

Он усмехнулся и встал. Я собиралась высказаться дальше, но голос застрял в горле. Меня так привлекала красота этого человека, что я изо всех сил пыталась связально думать, не говоря уже о том, чтобы говорить. Его голубые глаза смотрели из-под белой ковбойской шляпы. Мои глаза скользнули по его щетине. Я отчаянно хотела почувствовать ее на своей коже.

Спустив взгляд на его идеальную, обтянутую синей футболкой широкую грудь, я клянусь, разглядела слабый контур его пресса. Утверждать, что у него хорошее тело, было легко. Его тело потрясающее. Было ясно, что он много работал. Тонкие джинсы Wrangler и ковбойские сапоги. Во рту было влажно, но в то же время все пересохло. Мой язык пробежался по губам... что угодно лишь бы увлажнить губы.

Стид сделал несколько шагов ко мне, а я отступила, пока не натолкнулась на Аллюр.

— Похоже, у тебя что-то на уме, Пакс.

О, да.

Ты. Внутри меня. Сверху. Сзади. Заставляя меня кричать твоё имя.

— Я, эм... я... мм...

Я планировала сегодня сказать Стиду, что готова сделать следующий шаг. Я не думала, что смогу выдержать еще один день рядом с его горячим телом. Жаждала его прикосновений и хотела, чтобы он сделал все, что обещал сделать.

Он поднял руку и провел по щеке, вызывая у меня дрожь. Легкий подъем уголка его рта показал, что он оценил мою реакцию.

— Скажи мне, Пакс. Скажи мне, чего ты хочешь.

Глубоко в своем сердце, я понимала объяснение Стида о его отъезде и невозвращении домой тем, что его раздирали мысли о нашем ребенке; его обещание никогда больше не причинять мне боль. Но моя глупая голова была тем, кто спорил с моим сердцем.

Я закрыла глаза. Мне надоело прислушиваться к здравому. Пришло время следовать за сердцем.

Сосредоточившись только на нем, я прошептала:

— Ты. Я хочу тебя, Стид. Больше чем что-либо.

Его глаза загорелись.

— О чём ты говоришь?

Закусив губу, я глубоко вдохнула через нос, прежде чем позволить себе все это.

— Я хочу тебя, Стид, — мой голос звучал неуверенно, но не от страха — от желания. — Ты мне нужен.

Медленная, кривая улыбка появилась, когда он обхватил мое лицо руками.

— Пакстон, ты уверена? Потому что я хочу, чтобы ты была на сто процентов уверена в этом.

Мое сердце билось, как сумасшедшее. Мое тело болело от ожиданий. Стид вел себя так, будто собирался взять меня здесь и сейчас. Что? Он думал, что будет трахать меня напротив проклятой лошади?

Влажность между моих ног росла. Дерьмо! Я готова смириться с этим.

— Пакстон?

Я открыла глаза, чтобы встретить его взгляд. С кивком я ответила:

— Я уверена.

Он закрыл глаза, и на лице появилось облегчение. Я уверена, что ему было трудно держать себя в руках последние несколько недель. Я любила его еще больше за это.

Наши губы соединились в горячем поцелуе. Мои руки быстро нашли путь под его футболку, и пальцы начали движение по коже этого прекрасного тела.

Он опустил руки с моего лица и просунул под рубашку. Моя голова кружилась от желания. Часть меня хотела, чтобы его рука находилась в моих джинсах, а не под рубашкой. Когда он стянул одну чашечку бюстгальтера и начал играть с уже крепким соском, я прервала поцелуй от нехватки воздуха.

Я была в огне, и потягивание соска только подпитывало жар.

Мое тело трепетало, опираясь на лошадь, которая только чудом не сдвинулась с места. Стид целовал и лизал мою шею, заставляя меня желать большего.

— Черт возьми, Пакс. Ты сводишь меня с ума.

Единственное, что я могла, это стонать, пока Стид стянув бюстгальтер до конца, сосал один сосок, сжимая одновременно другой.

Черт, я забыла, как реагировала на него.

— Ты мокрая, Пакс? — спросил он, лизнул и потянул сосок зубами.

Ноги не держали и, чтобы не упасть, я схватила его за плечи.

— Может, сам проверишь?

Голова Стида дернулась, и наши глаза встретились.

— Черт, — он сглотнул.

В одно мгновение мои джинсы были стянуты до колен. Когда его пальцы коснулись моих трусиков, я ахнула.

— Стид!

Он опустился на колени и спустил мои джинсы ниже. Теперь мое дыхание стало быстрее. Черт, если лошадь двинется, я упаду на задницу. Особенно, с джинсами вокруг моих лодыжек.

— Черт побери, я хочу попробовать тебя.

Наблюдать за тем, как он спускает мои трусики, было самым жарким из того, что я когда-либо видела. Я видела жажду на его лице. Не знаю, как в моем положении возможно раздвинуть ноги, но ему удалось. С жадностью он вылизывал мой центр и клитор.

— Иисус! — вскричала я. Он встал и посмотрел в глаза.

— Как давно у тебя было, Пакстон?

Я сглотнула. Не знаю, мой ответ убьёт настроение или нет.

— Десять лет.

Его глаза округлились от удивления. Он медленно покачал головой и толкнул в меня палец. Мой резкий вздох заставил его остановиться.

— Нет. Нет. Пожалуйста, не останавливайся, — взмолилась я.

Когда он уткнулся лицом в мою шею, я обняла его.

— Детка, мне очень жаль, — прошептал он.

Я закрыла глаза и погрузилась в ощущение его движущихся пальцев.

— Больше, — сказала я с нуждой в голосе. Мне было все равно, как это звучит.

Если бы у меня хватило смелости, я бы попросила его трахнуть меня прямо здесь.

Стид добавил еще один палец и зашипел.

— Так чертовски тugo.

О, Боже, это было так хорошо.

В голову проникли мысли о Ким. Интересно, какова была его сексуальная жизнь с ней? Ему нравилось? Был ли это бессмысленный секс или они занимались любовью? Я не могла с собой ничего поделать. Мне нужно было знать.

— Как давно это было у тебя? — спросила я со страхом.

Стид остановился и откинул назад голову.

— Чуть больше шести лет назад.

Мое сердце встрепенулось.

— Как?

— В ту ночь, когда мы зачали Хлою, я в последний раз занимался сексом с Ким. Это была наша... наша брачная ночь.

Его слова сделали меня и счастливой, и адски обиженной. Знание, что он женился на другой женщине, все еще приносило боль, независимо от причин, по которым состоялась женитьба. Но от того, что он больше не занимался с ней сексом, рана на сердце затянулась. Их связь не была реальной. Ничто в их отношениях не было реальным, за исключением сладкой Хлои.

Его мягкие губы пробежали по краю челюсти. Горячее дыхание заставило мое сердце биться еще быстрее.

— Это всегда была ты, Пакс. Всегда ты.

Я схватила его за шею, притянув наши рты. Наш поцелуй был голодным. Безумным. Пальцы Стида снова задвигались во мне, наращивая темп, подводя к краю. Уверена, что это будет самый взрывоопасный оргазм.

Мои бедра раскачивались на его руке. Дерьмо! Мне нужно больше.

Я сжала его футболку, наши языки танцевали друг с другом. Я прервала поцелуй, чтобы сказать:

— Еще.

Стид ввел еще один палец. Легкий ожог застал меня врасплох. Я напряглась, и он остановился.

— Не останавливайся! — вскричала я.

— Иисус, Пакстон. Мне нужно трахнуть тебя.

Его рот снова был со мной, а пальцы ввергали в безумие. Сжав бедра, я застонала в его рот.

Мой оргазм обрушился так быстро и тяжело, что у меня перехватило дыхание.

— Стид! О Боже!

— Детка. Черт, я чувствую тебя.

Иногда говорят: «Было так хорошо, что глаза закатились к затылку». Да, это про меня. Я видела звезды. Туман заполнил голову, а тело дрожало от чистого удовольствия.

Если его пальцы смогли сделать это со мной, то что, говорить о его рте? Или члене, внутри меня?

Еще одна волна накрыла меня,

— О Боже! Стид, я снова.

— Черт побери, Пакстон, — сказал Стид, его голос был настолько низким и глубоким, что понимала, что он хочет того же, что и я.

— Нуждаюсь в тебе. Стид, ты мне нужен. Пожалуйста. Пожалуйста, трахни меня!

Именно тогда Аллор решила, что с нее хватит и двинулась.

Мои лодыжки стянуты джинсами, Стид в оцепенении от моего пожелания трахнуть меня, отпустил меня. В общем, мы были не готовы

— Стид! — закричала я, и завалилась.

Ему потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что я падаю.

— Пакстон!

Я схватила его футболку, и мы оба упали. Посмотрев друг на друга мы начали смеяться.

— О, мой Бог! Я посередине пастища и полуголая!

Смеясь, Стид покачал головой и посмотрел мне в глаза. Его сияющая улыбка исчезла. Наши взгляды встретились, и я решила промолчать, что трава колет мне голую задницу — момент был слишком красивым.

— Я так сильно виноват перед тобой, — сказал он. — Я хочу чтобы ты знала, что не было ни одного дня, когда я не думал о тебе.

— Я хотела, чтобы ты вернулся.

Его глаза закрылись, и он уткнулся лицом в мою шею.

— Как и я.

Некоторое время мы лежали, прижавшись друг к другу. Понятия не имела, как долго.

— Стид. Лошади?

— Они в порядке.

— Ну, эм... моя задница сильно чешется.

Он поднял голову, на лице появилась сексуальная кривая улыбка. В животе все затрепетало от того, как он посмотрел на меня.

— Тогда нам лучше тебя поднять.

Я хихикнула.

— Пожалуйста.

Он встал, затем поднял меня, как будто я ничего не весила. Нагнувшись, он подтянул мои трусики, а затем и джинсы. Наблюдая за ним, за простыми, в общем-то, действиями, мое либидо встрепенулось, в очередной раз.

Он застегнул джинсы. Боже, он красив, как ад. Клянусь, он стал красивее с годами. Закусив губу, я почувствовала, как мои щеки вспыхнули.

Стид посмотрел на меня и нахмурил брови.

— Почему ты краснеешь, тыковка?

Мои губы сжалась, и я понятия не имела, что сказать. Мои, раннее сказанные слова, были не тем, что родители моих учеников ожидали бы от учителя детского сада.

— Я смущена, — честно ответила я.

Ухмылка, которая появилась на его лице, сказала мне, что он точно знает, почему я смущаюсь. Стид всегда был грязным болтуном. Как и все паркеровские мальчики.

В первый раз, когда он занялся любовью со мной, он был милым и нежным, у меня не вызвало проблемы, когда он сказал, что моя киска сжимает его член. Он довел меня до грани, и в наш первый раз мы оба кончили в одно и то же время. Он был сексуальным и сладким и, волшебным. С тех пор я знала, что ни один мужчина никогда не вызовет тех ощущений, что вызвал Стид.

— Всего лишь немного травы на твоей заднице, нечего стесняться.

Я наморщила лоб и наклонила голову. Он знал, что дело не в этом.

С усмешкой он прикоснулся к моей щеке, и провел большим пальцем по нижней губе.

— Это потому, что ты попросила трахнуть тебя?

Я открыла рот и прикусила его палец. Глаза его стали темнее, и усмешка превратилась в полномасштабную улыбку. Я тихо прошептала:

— Да. Вот поэтому.

— Ты все еще хочешь, что бы я трахнул тебя?

Стид

Пакстон затаила дыхание, и я с нетерпением ждал ее ответ. Ее щеки были все еще красными от перенесенных оргазмов. Мой член был таким чертовски тяжелым, и когда она кончила во второй раз, я был уверен, что спущу прямо в штаны.

— Да.

Мой желудок перевернулся.

Спасибо, черт возьми! Наконец-то.

Я бы ждал вечность, когда Пакстон, наконец-то, будет готова, но не собирался лгать себе: ждать становилось все труднее и труднее.

Я взял Пакстон за руку и засвистел. Обе лошади подняли головы и поплелись к нам.

— Черт, у нас две умные девушки, — сказал я с усмешкой.

— Стид? — спросила Пакстон мягким голосом.

Я сосредоточился на ее глазах, ненавидя страх в них.

— Да, тыковка?

Ее большой палец потер губы, и она начала грызть ноготь.

— Ну, эм... Я... Дерьмо, — она опустила руку и голову одновременно. Не поднимая глаз, сказала:

— Я боюсь.

Пальцем поднял ее подбородок, и наши глаза встретились.

— Я тоже, Пакс. Боюсь, нервничаю, взволнован, обеспокоен. Черт, у меня впервые так много эмоций. Но ты знаешь, что?

— Что? — спросила она нежно.

— Наша любовь того стоит. Чувства между нами стоят того. Если бы ты сказала мне прямо сейчас, что хотела бы вернуться и поиграть в «Карамельный замок» с Хлоей, я отвез бы тебя обратно в дом и надрал задницу.

Прикрывая рот, она хихикнула.

— Я сделаю все для тебя, Пакс. Но это не значит, что я тоже не боюсь.

Поднявшись на цыпочки, она поцеловала меня.

— Я больше всего хочу этого и не думаю, что смогу подождать еще секунду.

Я усмехнулся.

— Хорошо. Поехали в прекрасное место.

Пакстон долго не догадывалась, куда мы направляемся. Я хотел отправить лошадей в галоп, чтобы быстрее добраться туда. Мой член был тверд, и все, что я слышал, это Пакстон, стонущую мое имя, и просящую трахнуть ее. Я еле держался.

Я повел лошадь шагом, когда мы выехали на тропу.

— Стид, мы едем в старый дом.

Улыбаясь, я подмигнул.

— Черт, я не был здесь с того времени, когда мы были вместе. Я понятия не имею, в каком состоянии он находится.

Пакстон скривила лицо, и мы оба засмеялись. Мы направились по тропе, а я вытащил из кармана телефон, и написал Тревору:

Я: Старая хижина дедушки. В какой она форме?

Тревор: Черт возьми! Вы, наконец, решили трахнуться! Там все в порядке.

Я: Это как?

Тревор: Папа ее полностью отремонтировал несколько лет назад. Сказал, что он не хочет видеть, как дом его отца разваливается.

Я хотел поднять руки к небесам.

Тревор: Ты знаешь, что я потерял свою девственность в этой хижине»

Я: Я думаю, что мы все потеряли свою девственность в этой хижине. Это было единственное место, кроме амбара, где можно проводить свидания, чтобы нас не поймали.

Тревор: Хах! Эти стены видели чертовски много.

Я: И они собираются увидеть больше.

Тревор: Ха! Наконец, чувак. Может быть, теперь ты не будешь такой сукой.

Я: Пошел ты, Тревор.

Тревор: Ключ находится в искусственном камне в левом нижнем углу первой ступени. Повеселись!

Я: Понял. Благодарю.

— Кому ты пишешь? — спросила Пакстон.

Взглянув через плечо, я ответил:

— Тревору. Он сказал, что хижина отремонтирована.

— В самом деле? Зачем?

— Папа, не желает видеть место, где был рожден его отец разваливающимся.

Она улыбнулась. Я слез с Марли и взял ее под уздцы.

— Должны ли мы связать их? — спросила Пакстон, слезая с Аллюр.

Я знал, что позади хижины протекал небольшой ручей, и думаю, лошади захотят в него забраться.

— Нет, пусть они пасутся свободно. Возможно, они захотят выпить. Не думаю, что они уйдут слишком далеко.

Она подняла бровь, явно не уверенная в моем решении позволить лошадям свободно бродить.

— Поверь мне, тыковка. Они не уйдут далеко.

Я взял ее руку и повел в хижину, остановившись, чтобы достать ключ. Взглянул вниз и нашел достаточно большой камень, чтобы в нем можно спрятать ключ. Когда достал его, поднялся по лестнице.

— Значит, мы не планируем задерживаться надолго, если считаешь, что лошади не уйдут далеко.

Я взглянул на нее и подмигнул.

— Поверь мне, я могу сделать это дольше, чем в первый раз, когда мы были здесь.

Она попыталась скрыть улыбку и потерпела неудачу.

В первый раз, когда я привел сюда Пакстон, нам было шестнадцать. Это был наш первый раз, и все в этой ночи было неловко. Никто из нас не знал, что, черт возьми, делать. Мы оба были девственниками. Я доставил ей удовольствие несколько раз руками и ртом; она сделала то же самое. Но в момент, когда я проскользнул в ее теплую киску,

мне пришлось закусить губу, чтобы сразу не кончить. Я качнулся лишь пять раз и кончил так сильно, что чуть не потерял сознание. Моя единственная спасительная благодать заключалась в том, что Пакстон кончила одновременно со мной.

Смузающее так, блядь! Этого дерьяма не случится сегодня вечером.

Когда мы вошли, я включил свет, и мы оглядели двухкомнатную хижину.

— О, черт возьми. Здесь очень красиво, — Пакстон повернулась ко мне. — Ты планировал, что мы доберемся сюда?

Я покачал головой.

— Нет!

— Тогда что со свежими цветами на столе?

Пожав плечами, я подошел к ним.

— Не знаю. Не похоже, что здесь кто-то был недавно. Может быть, они искусственные?

Пакстон наклонилась и понюхала.

— Они настоящие. Кто-то был здесь, по крайней мере, несколько дней назад.

Войдя в спальню, я включил свет. Кровать заправлена и выглядела так, будто ее не трогали несколько недель. На столике сбоку, был легкий слой пыли.

— Что ж, похоже, что кто-то заходил сюда. Может, мама их приносит?

Пакстон подошла к камину и посмотрела на фотографии. Думаю, когда папа все переделал, то добавил несколько семейных фото.

— Здесь есть мы! — выдохнула она.

— Мы? В самом деле?

Она посмотрела на меня через плечо и усмехнулась.

— Фото из средней школы. Похоже, это было Рождество.

Я не мог не улыбнуться.

— Черт, мы выглядим такими чертовски юными.

Указывая на мою старшую сестру, Вайелин, Пакстон сказала:

— Вайелин так прекрасна. Боже, я всегда хотела быть такой, как она.

Я дернул голову назад.

— Зачем?

Посмотри на нее. Она прекрасна. За такое тело умереть можно. И она никогда не боялась идти за тем, чего хотела. Иногда мне интересно, что бы случилось, если бы я не оттолкнула тебя тогда.

Наши взгляды встретились.

— Ну, ты красивее, чем Вайелин, твое тело чертовски потрясающе. Что гадать о том, что прошло. Ты здесь, и я здесь, это все, что имеет значение.

Она кивнула.

— Ты абсолютно прав. Так. Что же нам теперь делать?

Я откинул голову и засмеялся.

— Иисус, это похоже на наш первый раз.

Ее глаза осмотрели мое лицо, пока она нервно покусывала губу. Я потянулся к ее лицу и заставил расслабить губы.

— За исключением того, что я знаю, что делать, — добавил я.

Когда ее рот слегка приоткрылся, мой член натянул джинсы, умоляя освободить его и поиграть. Я взял ее за руку, скрестил пальцы и провел в спальню. Королевская кровать была хорошей замене двойного матраса, на котором мы занимались первым сексом. Кроме того, зная, что все мои братья проводили на нем свои первые «свидания», я обрадовался, что его заменили.

Когда мы вошли в комнату, улыбнулся и потянул Пакс к себе. Жар от ее тела сводил меня с ума.

Я провел рукой по ее красивым волосам. Немного потянул за них, заставив выпустить острый вздох, а затем и стон. Мои губы мягко поцеловали ее шею.

— Стид, — прошептала она.

— Я собираюсь заняться с тобой любовью, Пакстон. А потом собираюсь трахнуть тебя.

Ее голова откинулась.

— Да, — прошипела она.

— Я каждую ночь мечтал о том, что мой член погрузится по яйца глубоко внутрь тебя.

Она покачнулась, и я обнял ее за талию.

— Я не могу ждать, — выдохнула она, когда мои губы приблизились к ее.

— Во-первых, я хочу попробовать тебя.

Пакстон

У меня голова кружилась от желания. Все грязные слова, которые Стид шептал напротив моей кожи, так завели, что была уверена, что стоит ему посмотреть на меня там, то сразу кончу.

— Хочу, что бы ты кончила на мой язык, Пакс.

Иисус. Что он делает со мной?

— Да. Хорошо. Конечно.

Черт, я даже не могла составить предложение.

Стид усмехнулся. Ублюдок. Он знал, что сводит меня с ума. Он также знал, что я завожусь от его грязных разговоров.

Стид снял через голову мою рубашку и бросил на пол. Мысленно я, поблагодарила Бога, что надела темно-синий кружевной комплект, и побрала все важные области. Я знала, что близиться время, когда прошу его взять меня. Я просто не знала, когда придет время. Лучше быть готовой!

Стид завел руки мне за спину и снял бюстгальтер, позволив упасть ему на пол.

Он немного покачивался, глядя на мои груди. Ну, это хороший усилитель уверенности.

Я неловко стояла, не зная, что делать, пока Стид жадно смотрел на мою грудь.

— Все в порядке? — застенчиво спросила я.

— Черт побери. Удивительно. Иисус, ты прекрасна, Пакс.

Мои щеки опалил жар, когда сняла его рубашку через голову. Зуд в кончиках пальцев, от желания коснуться его, было трудно игнорировать. Когда положила руки на грудь Стида, он резко вдохнул. Я улыбнулась — мне нравилась его реакция на мое прикосновение.

Обведя языком свои губы, я наклонилась и поцеловала его идеально сложенную грудь.

— Пакстон, детка, я скучал по тебе.

Я подняла глаза и, не отрываясь, смотрела в его глаза, пока целовала его грудь, направляясь вниз. Я была голодна от похоти и любви к этому человеку, и это вызвало у меня беззастенчивость. Кроме того, он был таким терпеливым... Он заслужил такое внимание.

Опустившись на колени, я расстегнула ремень и джинсы. Руки Стида погрузились в мои волосы, и с губ сорвался стон, когда я провела пальцами по выпуклости. Я подняла глаза и просияла, увидев на его лице чистую любовь.

Я слегка поцеловала кожу у роста линии волос.

— Я знаю, что хочу.

— Фааак, — сказал он напряженным голосом. Я не могла не улыбнуться.

— Твои сапоги? — спросила я.

Стид извернулся и сбросил обувь. Я потянула его джинсы и трусы, и рассмеялась, когда снимая их, он едва не потерял равновесие. Я слышала его громкое дыхание, и этот звук что-то со мной сделал. Зная, насколько он ожидал моего прикосновения, я почувствовала себя более сексуальной. Распутной. Это еще больше задело мое либидо.

Его твердый член дернулся.

Дерьмо. Я забыла, насколько он велик. Мне понадобится несколько дней, чтобы восстановиться после сегодняшнего дня.

Взяв яйца одной рукой, я обхватила его твердый толстый член. Шипение, сорвавшееся с его губ, подтолкнуло меня еще сильней. Рука Стида сжала прядь моих волос, и он застонал.

Языком слегка лизнула член, прежде чем взяла его в рот. Вкус его смазки вызвал у меня восторженный стон. О, как я забыла вкус Стида...

Все тело Стида вздрогнуло, и он вскричал:

— Черт возьми!

Я помнила, что мне нравилось делать ему минет, и словно голодная, быстро начала сосать и облизывать его. Моя другая рука мягко ласкала яйца.

— О, Боже, Пакстон.

Стид все еще держал мою голову, направляя бедра мне в рот. Как же я любила слышать, как он стонет! Закручивая свой языкок вокруг члена, я наслаждалася вкусом этого человека.

Сильные руки остановили меня.

— Я скоро кончу в рот.

Я застенчиво улыбнулась.

— Это плохо?

Он словно боролся за каждый вздох.

— Нет, но я хочу быть внутри тебя, когда кончу.

— О, — прошептала я с хитрой усмешкой.

Руки Стида быстро принялись за работу, помогая снимать мне джинсы и трусики, отbrasывая сапоги.

— Всемогущий Христос. Пакстон, я так стараюсь быть медленным.

Я сглотнула.

— Я не хочу медленно, Стид. Я просто хочу тебя.

Стид руками сжал мое лицо, прежде чем его губы прижались к моим. Мы добрались и заползли на кровать, не разрывая поцелуй. Я была уверена, что мое сердце никогда не билось так сильно. Даже в наш первый раз. Тогда я нервничала и боялась боли. Теперь... Теперь я таяла от жары между нашими телами. Знать, чего ожидать, зажигало меня еще больше. Черт. Я была настолько возбуждена. Между ног было мокро.

Как будто по команде, рука Стида слегка коснулась моего центра. Я раздвинула ноги, задыхаясь от необходимости в его прикосновениях.

— Стид, — прошептал я ему в губы на выдохе, — мне нужно чувствовать тебя. Пожалуйста, это было так давно.

Его пальцы скользнули внутрь, заставив меня толкнуть бедра на его руку.

— Ты такая, чертовски, влажная.

— Да, — прошипела я.

Прижав губы к моей шее, он целовал меня, пока не достиг соска. Взяв его в рот, он сосал и тянул, пока его пальцы работали внизу.

— Быстрее! — закричала я. Меня не волновало, что я умоляю его. Я была на краю пропасти, и мне нужно было упасть в нее. Сейчас.

Стид перешел на другой сосок и мягко прикусил. Моя спина изогнулась, и оргазм так сильно удариł, что я закричала единственное слово, с которым могла справиться:

— Стид!

Удовольствие порвало мое тело. Стид сжал мою грудь, и горячо подул на сосок. Я задрожала.

В ту минуту, когда я начала свободно падать, он снова начал свое нападение.

— Ты такая чертовски красивая, Пакстон. Наблюдать, как ты кончаешь — одна из моих любимых вещей.

Борясь за слова, я улыбнулась и сказала единственное, что пришло в голову.

— Ебать!

Он подмигнул.

— Я не закончил, тыковка. Ты такая тугая. Не хочу причинять тебе боль, когда войду в тебя.

— Не закончил? — ахнула я.

Он спустился ниже, и на этот раз похоронил лицо между моих ног и провел языком по чувствительному клитору.

— Черт возьми! — закричала я. Мои пальцы вцепились в покрывало, и я толкнула бедра навстречу. Сильные руки Стида удержали меня на месте, пока его язык, так медленно, двигался по моему горячему пульсирующему центру.

Мне не понадобилось много времени. Черт, мое тело все еще ощущало шок от предыдущего оргазма.

— Стид. О Боже. О Боже! — он просунул пальцы внутрь, в то время как его язык работал магией на моем чувствительном клиторе. Один ход с двух сторон отправил меня через край.

Мое тело стало жестким, когда вспыхнул оргазм. Я ничего не видела кроме пульсирующего света. Мои руки схватили за волосы Стида, но я не была уверена, что хочу: потянуть ближе или оттолкнуть. Он, должно быть, развел пальцы, чтобы расширить меня, потому что мгновенное жало боли смешалось с удовольствием, заставив меня прыгнуть. Но я была слишком за краем, чтобы озабочиться этим. Мои бедра двигались навстречу, в тоже время я отчаянно пыталась уйти. Мне нужно остановиться. Это был самый интенсивный оргазм, который я когда-либо испытывала. Мне было все равно, что я кричала. Это было потрясающее.

Он, наконец, отпустил меня, и я откинулась на кровать, чувствуя сильную усталость. Мои мышцы ослабли и не могли двигаться.

— Черт, детка. Это было потрясающе смотреть на тебя.

Я открыла глаза, посмотрела на его красивое улыбающееся лицо. Моя грудь все еще поднималась и опадала, когда я пыталась взять под контроль свое дыхание.

— Я не могу больше ждать, Пакстон. Мне нужно быть внутри тебя.

Я кивнула.

— Мне тоже это нужно. Отчаянно.

Он соединил наши губы, и направил головку члена в меня. Я застыла, пока он медленно входил.

— Ты в порядке? — тихо спросил он.

— Да. Да. Мне просто нужно настроиться. Это было так давно.

Взгляд Стида вызывал у меня дрожь. Похоже, что его жизнь зависела от того, чтобы погрузиться в меня. Прямо сейчас.

Едва проникнув, он вынул член, и вошел еще, на этот раз глубже. Мы оба застонали.

— Мой Бог. Ты так хороша, — сказал он мне в губы.

Мои пальцы впились ему в спину, и я изогнулась — мне нужно почувствовать его глубже.

— Я не могу контролировать себя, Пакстон.

Наши глаза встретились.

— Тогда не надо.

Стид

Святое гребаное дермо. Я был на небесах. То, как киска Пакстон сжимала мой член, было самое восхитительное ощущение. Я забыл, какая она удивительная. Как она ощущалась, когда я был внутри нее. Ничто в этом мире не имело значения, кроме нас. Единственная женщина, которую я любил, снова была в моих объятиях, и я крепко сжимал ее вытряхивая с нее живое дермо.

— Я не могу контролировать себя, Пакстон
Ее глаза потемнели от желания.

— Тогда не надо.

Это был шепот, но казался кричащей мольбой. Я наклонился и схватил ее попку, вытащил член и вновь сильнее толкнулся.

— Черт! — закричал я.

Пакстон вцепилась в покрывало, ее лицо покраснело от предыдущих оргазмов. Я посмотрел вниз, и увидел, как мой член входил и выходил из ее тела. Это было жарко, черт возьми, и мне пришлось бороться с моим оргазмом. Нет, черт возьми, не позволю ему быстро закончить.

Пакстон оперлась на локти, наблюдая, как наши тела становятся одним. Закусив нижнюю губу зубами, она уставилась на мой член, вбивающийся в нее снова и снова.

Иисус, ее взгляд был горячим. Куда пропала моя милая, невинная Пакстон? Я чертовски любил ту, более старую версию. Я ускорился, звуки наших тел, шлепающих друг о друга, подводили меня все ближе и ближе к освобождению.

Пакстон откинулась назад, ее голова билась из стороны в сторону.

— Больше! Стид, глубже! — закричала она, поддаваясь мне навстречу.

Пот покрыл наши тела. Я подтягивал ее ближе, входя в нее. Ее стоны и шумное дыхание были музыкой для моих ушей. Я хотел, чтобы она сейчас выпустила все страхи и обиды. Отпустила, как это сделал я.

— Я так тебя люблю, Пакстон. Господи, как я скучал по этому.

Ее глаза открылись, и я был ошеломлен тем, насколько синими они выглядели. Я видел ее любовь ко мне. Больше не было сомнений или страха. Больше не было боли и обиды. Только любовь.

— Я... люблю... тебя, — задыхалась она.

— Я никогда тебя не оставлю. Никогда! — сказал я, прижимая свой рот к ее губам. Поцелуй был таким же потрясающим, как и секс.

Разорвав поцелуй, ее глаза, казалось, заискрились, и она закричала:

— Я кончу.

Ощущение ее киски, пульсирующей на моем члене, было убийственным.

Я вытащил член, и жестко и быстро толкнулся. Длинный глубокий стон вырвался глубоко из моего горла, и я крикнул:

— О, фваак.

Ее руки и ноги обернулись вокруг меня, цепляясь за меня, как за жизнь. Мы оба застонали, кончая одновременно.

Мое сердце билось сильнее, а грудь сжималась, пока я наполнял ее спермой.

Только когда наши тела расслабились, до меня дошло, что мы сделали. Я скрыл лицо на ее шее, слишком боялся погубить момент, указав, что мы занимались сексом без защиты. Неудивительно, что забыли, это было так здорово.

Пакстон лениво поглаживала мою спину, пока мой член все еще оставался внутри нее.

— Это был самый удивительный момент в моей жизни, — мягко сказала она.

Наши глаза встретились.

— Для меня тоже.

Ее взгляд что-то искал на моем лице, прежде чем вновь вернуться к глазам. Она пожевала губы и сказала:

— Мы не использовали защиту.

Мое сердце замерло.

— Я знаю. Я был настолько поглощен, что не подумал об этом до самого конца. Прости, Пакстон.

Я пытался прочитать ее, но не мог. Она провела пальцем по моей щетине.

— Никто из нас не думал об этом. Но ты должен знать... Я не пью таблетки.

Десять лет назад я бы испугался. Теперь, часть меня надеялась, что она забеременела. Другая часть меня (жадный эгоистичный ублюдок!), надеялась, что это не случится, чтобы насладиться Пакстон немного дольше.

— Это ничего не меняет. Я люблю тебя, и я хочу, чтобы ты была частью моей жизни, Пакстон. Навсегда.

Ее глаза наполнились слезами, но она смогла удержать их.

— А это нормально, что часть меня хочет этого, а другая нет?

Я усмехнулся.

— Нормально, потому что я подумал о том же.

Она усмехнулась. Наклонившись, я легонько поцеловал ее. Медленно. Тут же почувствовал, как мой член ожили и снова начал двигаться. Пакстон тихо застонала в рот.

— Ты хочешь, чтобы я остановился? — спросил я. Один раз без защиты было. Дважды — игра с огнем.

— Не мог бы ты выйти и одеть презерватив? Я хочу тебя снова.

Прежде чем я успел ответить, дверь в хижину открылась, и мы оба застыли.

— Кто это? — вздохнула Пакстон.

Удивленный, широко открытыми глазами я отшатнулся:

— У меня нет ответа.

Я слышал движение. Кто-то, поставил что-то на стол и направился к раковине.

Медленно выходя из Пакстон, я почувствовал свою сперму. Пакстон тоже чувствовала, потому что села и посмотрела вниз. Я отчаянно огляделся вокруг, ища, чем вытереть ее. Красная бандана попалась мне на глаза. На ней было что-то написано, но я не обратил внимания, хватая ее. Я вытер Пакстон, затем себя и бросил ее на пол.

Мы тихо соскользнули с кровати и оделись. Мне потребовалось собрать себя, чтобы не рассмеяться. Возможно, это был один из работников ранчо, который увидел бесхозных лошадей.

Затем этот «кто-то», начал напевать.

Пакстон замерла и закрыла рот ладонью. На ее лице появилось выражение чистого ужаса.

Амелия!

Стид

— Мели? — беззвучно сказал я.

Кивнув, Пакстон надела сапоги.

— Ну, хорошо. Слова! Придите ко мне! — сказала Амелия, и я услышал, как ее ногти застучали по клавиатуре.

Теперь происходящее обрело смысл. Цветы, стоящие на столе, были любимыми Амелии. Она говорила мне, что у нее есть тайное место, где она пишет, работая над романом. Должно быть, она имела в виду хижину.

— Что будем делать? — спросила шепотом Пакстон, стащила покрывало с кровати и, подняв бандану испачканную спермой, завернула все в большой ком. Мне нравилось, что она убрала за нами.

Улыбаясь, я взял ее за руку. Она покачала головой и отстранилась, когда я попытался заставить ее пойти со мной в гостиную.

— Стид! Нет! — прошептала она.

Звук клавиатуры прекратился. Я приложил палец ко рту, чтобы Пакстон прекратила говорить. Она скинула покрывало, как будто оно обожгло ее.

Звук печатания возобновился, и к нему присоединился тихий звук музыки. Я медленно открыл дверь. Амелия сидела к нам спиной. Пакстон обошла меня и на цыпочках пошла к входной двери. Но Амелия заметила краем глаза движение, вскричала, а затем вскочила, заставив Пакстон с криком стремительно броситься к входной двери.

— Это просто я! — закричала Пакстон.

Амелия сложила обе руки на груди. Ее глаза рванули от Пакстон ко мне, обратно к Пакстон и, наконец, вновь ко мне.

— Иисус, сын Марии! Вы меня испугали до усрачки! Что, черт возьми, вы... — она замолчала. На ее лице медленно расплылась широкая улыбка.

— Вы переспали!

Я взглянул на Пакстон. У нее на лице расплылась огромная улыбка, тогда как щеки окрасились в красивый оттенок розового.

Амелия начала прыгать на месте.

— Вы спали вместе! Ты, наконец, добрался до точки-С этой девушки!

Пакстон застонала, закрыв лицо руками. Я подошел и обнял ее.

— Мы были пойманы, тыковка.

Амелия сделала несколько оборотов, вскинула вверх кулак, пробормотала что-то о мотивации, а затем успокоилась.

— Подождите. У вас был секс? Скажите, что вы закончили, когда я пришла.

Я едва не рассмеялся над ужасом в ее глазах.

— На самом деле, мы готовились ко второму раунду, когда ты вошла.

Пакстон ударила меня в живот, а Амелия закрыла рот и сделала несколько шагов назад. Уф, она фальшиво прикрыла рот... или, может быть, по-настоящему? Я не уверен.

— Вы были... Когда я... Это грубо.

Пакстон опустила голову и уткнулась лицом в мою грудь.

— Мне стыдно.

— Не переживай, Пакс. Мы не знали, что кто-то появится.

— Почему вы, ребята, черт возьми, используете эту хижину в качестве зоны для траха? О, мой Бог! Несколько месяцев назад я вошла, когда Тревор, трахал какую-то шлюху на моем рабочем столе! У него есть дом на ранчо! И у вас есть дома. Почему вы здесь, в моем счастливом месте?

— Мы катались на лошадях, и все получилось спонтанно. Я не мог отвезти Пакстон в дом, потому что там мама с Хлоей.

Амелия вздохнула.

— Вы хотя бы убрали за собой?

Пакстон оттолкнула меня.

— Мы начали! Стид, принеси покрывало и эту маленькую бандану.

Я направился к спальне, но Амелия заступила передо мной.

— Б-бандану?

— Да, — ответил я, пытаясь обойти ее.

— Что насчет нее?

— Я вынужден был использовать ее... ну... чтобы вытереть кончик...

Ее глаза расширились.

— Значит, ты использовал ее, чтобы высморкаться?

Амелия глянула с такой надеждой, что мне хотелось поддакнуть, но я покачал головой:

— Нет, но если хочешь знать, когда ты вошла, я все еще был по шары в Пакстон.

— Боже, - простонала Пакстон.

Амелия зарычала:

— Грубо.

— Ты разговариваешь об этом, сестра. Мне нужно было стереть сперму с нас, и я увидел бандану. Я использовал ее. Я подумал, что это оставила мама для украшения.

Ужас скользнул по ее лицу.

— Нет! Ты этого не сделал! Стид! Почему ты не пошел в ванную и не взял полотенце, как любой нормальный парень?

— Я запаниковал, Амелия! Я трахался со своей девушкой за три минуты до того, как ты вошла! Что, черт возьми, я должен был делать?

Она развернулась и закрыла рот.

— Слишком много информации!

— Ты только что прыгала вокруг, говоря, как счастлива, что мы занимались сексом!

— Хм, может, я просто пойду и заберу это, — сказала Пакстон, и прошла между нами в спальню.

— Стид! Это подарок одного из моих читателей! Он подарил, потому что один из моих персонажей в книге, всегда носил бандану.

Вот дермо!

— Почему, черт возьми, подарок от одного из читателей лежит на прикроватном столике?

— Потому что я подумала, что она будет выглядеть мило на мебели. Это моя пещера для писательства, ты мудак!

Пакстон вышла из спальни с покрывалом.

— Амелия, я позабочусь об этом и все постираю. Я уверена, что все будет... отлично.

Зажав нос, Амелия покачала головой.

— На бандане сперма моего брата. О, Боже, — прикрыв рот, она снова застонала, и я не мог не рассмеяться.

Я взял за свободную руку Пакстон и потащил ее к двери.

— Эй, ты можешь вставить эту сцену в книгу!

Я практически почувствовал, как гнев льется из Амелии, когда она повернулась ко мне, взяла со стола книгу и бросила ее в меня.

— Пошел ты, Стид Паркер!

— Стид, это было не очень приятно, — сказала Пакстон, изо всех сил стараясь скрыть свой смех.

Взглянув вверх, я не мог ни почувствовать легкости, поселившиеся в моей груди, смотря как Пакстон сидела в большом кресле, поджав под себя ноги, а Хлоя прижалась к ней, смотрела на страницы книги, которую читала Пакстон.

Это была та жизнь, о которой я мечтал столько лет. Семья с Пакстон.

Прошел месяц с тех пор, как мы занимались сексом в хижине. Месяц чистого гребаного блаженства. При каждом случае, мы занимались сексом, наверстывая потерянное время.

Черт, я любил заниматься любовью с Пакстон. В эти моменты я чувствовал себя полностью расслабленным. Удовлетворение не было даже началом того, что я чувствовал.

— Папа? Ты собираешься достать нашу индейку на День Благодарения?

Мои глаза скользнули к моей дочери, и я улыбнулся.

— Дядя Трипп добывает индейку на День Благодарения на охоте.

— Почему? — спросила Хлоя.

Я пожал плечами.

— Полагаю, это традиция. Дедушка заставил его застрелить свою первую индейку, когда он был почти твоего возраста.

Ее глаза расширились, она вскочила со стула и пробежала через комнату ко мне.

— А я могу застрелить индейку с дядей Триппом?

С усмешкой я кивнул.

— Если хочешь. Я уверен, что ему это понравится, но, может быть, в следующем году, когда смогу научить тебя безопасному обращению с оружием.

Хлоя развернулась и обратилась к Пакстон:

— Пакстон, ты когда-нибудь подстреливала оленя?

— Конечно. Я была с твоим папой, когда подстрелила своего первого оленя.

Мой разум вернулся к тому дню. Пакстон, гордо стоявшая у поверженного оленя. Я очень гордился ей, один выстрел, и олень сразу упал на землю. Идеальный выстрел.

— Папа! Папа! Я хочу быть как Пакстон! Пожалуйста, я могу подстрелить оленя?

Смеясь, я посадил ее на колени и пощекотал живот. Она пихалась и смеялась, пока я не остановился.

— Ты действительно хочешь стрелять в оленя, Хлоя?

Ее большие голубые глаза серьезно посмотрели в мои.

— Я хочу быть как Пакстон, когда вырасту.

Мое сердце растаяло, и мой взгляд дернулся к Пакстон, чтобы увидеть, как она вытерла слезу с щеки.

— Она удивительная, не так ли? — спросил я Пакстон, не ожидая, что ответит моя дочь.

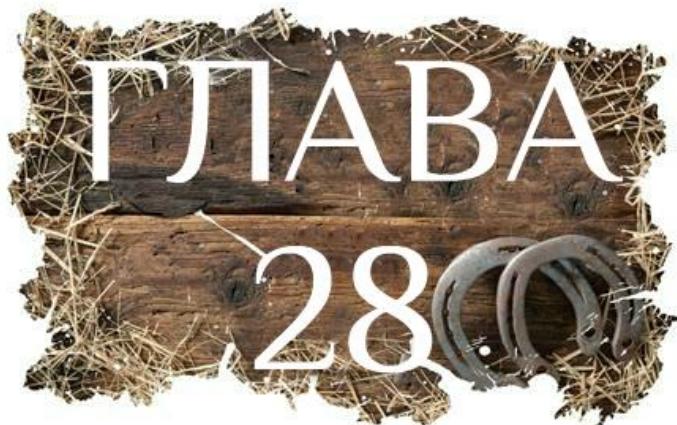
— Да! Я не могу дождаться, когда она станет моей мамой.

Мы оба улыбнулись. Этот месяц я не давил на Пакстон. Если бы все зависело от меня, то мое кольцо давно уже было бы на ее пальце. Но я знал, что она хочет, что бы все

было медленней. Мы встречались, по крайней мере, три раза в неделю. Дважды одни, и один раз с Хлоей.

Пакстон посмотрела на меня, и я ответил:

— Я тоже, тыковка. И я тоже.

Пакстон

— Целая неделя отдыха. Ты понятия не имеешь, как мне нужна эта неделя, — Корин поставила свою огромную сумку на одну из парт, и упала на стул.

Сегодня последний день перед каникулами на День Благодарения, и впереди полдня работы. На следующей неделе у нас начиналась целая неделя каникул. Это был очень необходимый перерыв для всех нас.

— Трудно поверить, что День Благодарения на следующей неделе, — сказала я.

— Слава Богу, — сказала Корин, массируя шею, — я люблю своих учеников, но мне нужен перерыв от них и их родителей. Если еще одна мама попытается устроить мне свидание, я клянусь, сниму предохранитель.

— Они желают только хорошее, — усмехнулась я.

Сморщив лоб, она спросила:

— А твои, все еще следят за информацией о тебе и Стиде?

— Джина точно. А так, многие знают, что мы встречаемся.

— Кстати, как обстоят дела с вами, ребята? Я тебя практически не вижу, и не получаю информацию о грязных и похотливых интимных подробностях.

— Грязных и похотливых?

Корин кивнула.

— Да, ладно! Если он похож на своего брата-близнеца, то уверена, что парень грязный и похотливый.

Мои щеки нагрелись.

— А ты, видела Митчелла снова?

Ее улыбка исчезла, и боль в глазах мелькнула так быстро, что я, возможно и не заметила, если бы не сосредоточилась на ней.

— Нет, но я несколько раз встречалась с Триппом. По крайней мере, он — заинтересован, — засмеялась она.

Я откинулась назад. *Так, Митчелл чтил «Код Брата». Интересно.*

— И как дела? С Триппом?

Пожав плечами, она ответила:

— Все в порядке. Он любит политику и закон, и время от времени интересуется ранчо. Кажется, это три вещи, о которых он говорит.

— Почему ты с ним?

Пережевывая губу, она ответила:

— Он мил. Относится с уважением. И из-за него я не сижу дома в одиночестве, просматривая фильмы Диснея и мечтая о очаровательном принце. У меня такое чувство, что во мне он видит просто подходящую спутницу для выходов, тем более что он планирует баллотироваться на пост мэра.

— Вы уже переспали?

Она откинула голову назад и расхохоталась.

— Нет. Я сразу сказала ему, что я не тот тип девушек, что готовы быстро раздвигать ноги. Кроме того, мы даже отдаленно не близки к таковым отношениям. Если можно так выразиться.

Я наклонилась вперед.

— И все же ты сделала это с Митчеллом. Раздвинула ноги.

Ее лицо исказила боль.

— Это было по-другому. Это был момент слабости. Я была пьяна. Это была ошибка. Ясно, что и он так думает, поэтому больше не появляется.

Я глубоко и шумно вздохнула. Мне нужно сообщить ей о том, что она нравится Митчеллу и Триппу, намекнуть о «Коде Брата».

— Я уверена, что ты нравишься Митчеллу.

Глаза Корин расширились, и я, клянусь, увидела в ее глазах замешательство. Затем она рассмеялась и сказала:

— Я в этом сомневаюсь.

— Нет, Корин, точно.

Ее улыбка исчезла.

— Это была одна ночь. Как и ты сказала, Пакстон. С меня хватит.

Я открыла рот, чтобы возразить, но кто-то постучал и открыл дверь. Корин повернулась, а я подняла глаза. В дверях стоял Стид с сияющим выражением на лице.

Черт. Он выглядел жарко. Черная футболка прекрасно обрисовывала его плечи и грудь, волосы растрепаны, ковбойская шляпа в руке. Он, наверное, пришел сюда сразу после работы с Тревором на ранчо. Позволив своим глазам спуститься ниже, я не могла не заметить, что его джинсы Wrangler идеально сидят на нем. Вишненкой на торте были ковбойские сапоги, которые я давно дарила ему. Мне нравилось, что он все еще носил их.

Низ живота налился теплом. Я хотела его. Сейчас.

Иисус. Каждый раз, когда этот мужчина рядом, я горю, как ад.

Стид наклонил голову и поднял брови. Я уверена, что он заметил, как я его трахала глазами.

— Эй, Стид. Как дела? — спросила Корин, беря сумку.

Я подумала, что мы продолжим наш разговор о Митчелле позже.

— Все хорошо. Как насчет тебя?

— То же дермо, что и каждый день, — она пожала плечами и направилась к двери. Он усмехнулся.

— Трипп сказал, что ты поедешь домой на День Благодарения?

Корин остановилась.

— Гм. Нет. Мои родители едут в круиз, и мой старший брат катается на лыжах со своим приятелем. Я же планирую под прекрасный пирог с индейкой из магазина смотреть «Золушку».

Я застыла.

— Как? Почему ты не сказала, что останешься в городе?

Поправляя сумку на плече, она подмигнула.

— Не обращай внимание. Я планирую почитать и догнать кое-что по работе.

— Ты должна прийти к нам на День Благодарения, Корин. Моя мать готовит на небольшую армию, — предложил Стид.

Корин рассмеялась.

— Твоя семья и есть маленькая армия. Спасибо, но на самом деле, все в порядке.

Я обогнула стол и взяла ее за запястье. Я знала Корин: ей не хотелось бы оставаться в одиночестве.

— Пожалуйста, приходи. Я знаю, что Мелани и Джон хотели бы увидеть тебя. И Хлоя тебя обожает. Плюс, мои родители будут там. Пожалуйста.

Ее глаза избегали меня.

— Я опаздываю. Мы поговорим позже об этом, хорошо?

Я кивнула и отпустила ее запястье.

— Конечно.

Корин поцеловала меня в щеку и направилась к двери.

— Вы, ребята, сегодня весело проведите время.

Стид посмотрел как Корин выходит из классной комнаты. Повернувшись ко мне, он нахмурился.

— Дерьмо. Трипп — мудак.

Я не могла сдержать смешок.

— Что заставляет тебя говорить это?

— Посмотри на ее лицо, ясно же, что она сказала Триппу, что не едет домой, а он не обратил внимания. Он никогда не обращает внимания на то, что не имеет никакого отношения к нему.

Я сосредоточилась на дверном проеме, через который Корин прошла несколько минут назад.

— Кажется, ей нравится Митчелл. Ты знаешь, что они провели ночь вместе.

Стид удивился.

— Нет, дерньмо! Когда?

— В ту ночь, когда ты отвез меня домой из бара Корда. Корин была с Митчеллом, и она сказала, что они не слезали друг с друга всю ночь, а могу добавить, что это не похоже на нее. Но после, Митчелл не звонил.

— Это потому, что на нее заявил права Трипп.

— Заявил? Что она, корова? Или Трипп любит ее?

С мрачным изгибом рта он ответил:

— Извини. Плохой выбор слов. Во всяком случае, я думаю, что она ему нравится. Кажется, ему нравится ее компания, и он часто говорит о ней. Но, знаешь, особенно часто он о ней говорит в присутствии Митчелла.

— Интересно, нравится ли она Митчеллу.

Стид направился ко мне. С каждым его шагом, моему телу становилось жарче.

— Если это и так, может быть, он просто запутался и смущен? Он действительно чувствует что-то к Корин, и не знает, как действовать? Затем добавь Триппа в уравнение.

Опустив глаза, я пробормотала:

— Мужчины.

Он остановился передо мной.

— Милая, когда я зашел в класс, и ты посмотрела на меня, клянусь, видел твои голодные взгляды.

Я вздернула брови.

— Ты правильно понял.

Его рука скользнула за мою шею, потянув меня ближе.

— Чего ты хочешь?

— Тебя.

— Хлоя сегодня с Амелией.

Мое тело дрожало от обещания в его глазах.

— Я знаю. Тетушка Амелия сама предупредила меня.

— Знаешь ли ты, что это значит?

— Ты собираешься отвезти меня кое-куда и со мной совершить грех?

На его красивом лице появилась кривая усмешка, и мои колени подкосились.

— Как это ни удивительно, но нет.

Я надулась, как это сделал бы один из моих учеников, иказалось, что глаза Стида стали темнее. Так это было, когда он впервые пришел ко мне домой, и я открыла ему дверь. Он сказал, что это мои косички так завели его. Я сделала заметку, заплестиать их почаше.

— Амелия проведет с Хлоей большую часть дня, поэтому у меня планы на день и вечер.

Мое сердце трепетало. Целый день и вечер наедине со Стидом. За последние пару месяцев мы часто встречались, но прошло уже несколько недель с момента нашего последнего... спально-кровательного отдыха.

— Мне нравятся эти слова, мистер Паркер.

— Забирай свои вещи, и пойдем. Чем быстрее мы начнем, тем быстрее мой член окажется внутри тебя.

Я резко вздохнула. Его слова стреляли электричеством прямо между моих ног. Если он сунет руку в мои трусики, то найдет, что я уже мокрая.

— Тебе повезло, что никто не слышит твой грязный рот.

Он посмеялся.

— Не отрицай. Тебе нравится мой грязный рот.

Мои брови поднялись, а низ живота потянуло от потребности.

— О, я не отрицаю этого.

Его глаза потемнели.

— Я так и не думал.

Я обошла свой стол и собрала документы. Несмотря на каникулы, мне еще нужно поработать над планами уроков. Я уложила бумаги в сумку, повесила ее на плечо и направилась к Стиду.

— Ты действительно возьмешь работу домой? — спросил он.

Я закатила глаза.

— Я должна, или отстану.

— Ты просто учитель детского сада, Пакс. Ты не должна так много работать вне работы.

Смеясь, я обняла его.

— Скажи это начальству, оно, похоже, любит нагромождать на нас больше работы.

Пока мы шли, мое волнение росло. Что запланировал Стид для нас? Что еще важней, чем обещание быть внутри меня?

Мы шли молча. Единственное, что издавало шум, это мои высокие каблуки, цокающие по полу. Я посмотрела как улыбается Стид, и мне захотелось узнать, что заставило его быть таким счастливым.

Я прочистила горло.

— О чём ты думаешь?

Он повернулся посмотреть на меня, и его улыбка стала больше.

— О нас.

Я не могла остановить свою улыбку.

— Мне нравится. Так что именно, насчет нас?

Стид открыл дверь, и мы вышли на прохладный ветерок. Я любила осень в Техасе. Воздух был хрустящим и чистым. Запахи пряной корицы и тыквы доносились из магазинов и домов. Горячие кучи листьев, вязаные кофты, затяжные вечера. Сидеть на трибунах и смотреть, как играет в футбол Стид — я всегда была счастлива осенью.

— Как хорошо, что мы вместе. Ты сделал меня счастливой и надеюсь, что, черт возьми, и я делаю тебя счастливым. И то, что Хлоя любит идею о нас. Все это радует меня.

Он потянулся к моей руке и сцепил наши пальцы.

— Это тоже меня радует.

Мы остановились у моей машины, и Стид развернул меня к себе лицом. Обхватил мое лицо ладонями, и я не могла не наклониться.

— Ты делаешь меня таким чертовски, счастливым, Пакс. Надеюсь, ты это знаешь.

— Я это знаю. И ты делаешь меня счастливой. Я не была счастлива годами.

Стид наклонился и мягко поводил губами по моим.

— У меня такое чувство, что за нами наблюдают любопытный коллега или даже родитель, поэтому я буду себя вести хорошо. Но позже, мои губы будут пожирать этот сладкий мягкий рот.

Я с трудом сглотнула, мое сердце забилось сильнее. Открыв рот, смогла лишь глотнуть немного воздуха. Стид вспыхнул своей трусишко-снимательной улыбкой и мягко поцеловал меня.

— Я последую за тобой до дома, а там ты пересядешь в мою машину.

Кивнув, я открыла дверь в свою машину и забросила сумку. Стид повернулся, чтобы уйти, но я потянулась за его рукой.

— Подожди.

Стид снова посмотрел на меня, с легким вопросом на лице.

— Мне все равно, что видят люди, что они думают или говорят. Я люблю тебя, и не хочу, чтобы кто-то из нас скрывал этот факт.

Беспокойство растаяло, и его глаза загорелись, из-за чего мой желудок дернулся. Стид обхватил мое лицо руками, смотря глаза в глаза.

— Ты вся моя, Пакстон.

Эти сладкие простые слова означали для меня больше, чем он представлял. Стид наклонился и поцеловал меня. Это был один из тех поцелуев, что начинался медленно и сладко, но быстро становился страстным и нуждающимся. Я схватилась его за предплечья, чтобы не упасть, потому что Стид сводил весь мир с ума.

Его язык ощущался, будто повсюду. На губах, танцуя с моим языком, исследуя мой рот, — он никогда не целовал меня так раньше. Это был умопомрачительный поцелуй. Он не касался моего тела нигде, кроме лица, а мое ядро пульсировало.

Когда он, наконец, отступил, я затаила дыхание. Мое сердце билось, как сумасшедшее.

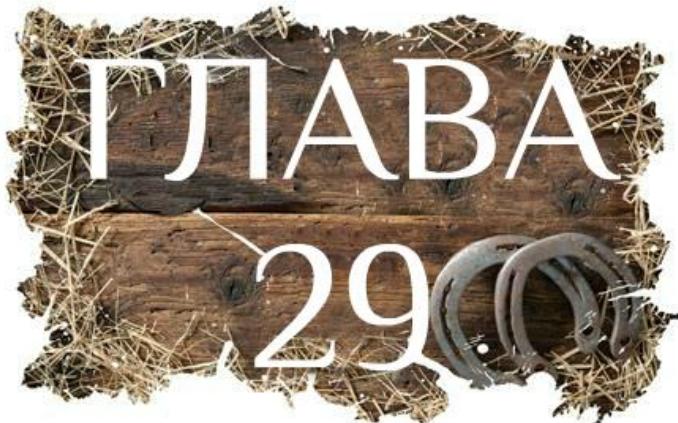
— Ты весь мой, — прошептала я.

— Теперь, может быть, Джина получит картину, что она меня не интересует.

Я посмотрела через его плечо. Джина стояла у входа в школу с двумя другими мамами. Стид, должно быть, увидел ее, когда повернулся, чтобы идти к своему грузовику.

Сфокусировавшись на нем, я хихикнула:

— Будем надеяться.

ГЛАВА

29

Стид

Пакстон быстро переоделась в джинсы и футболку с длинным рукавом, как и сказал: одеться в повседневную и теплую одежду. По моей просьбе она упаковала сумку на ночь и сбежала вниз по лестнице, улыбка на ее лице показала, насколько она счастлива. Мне нравилось видеть, что в ее глазах светит свет.

— Готово! — сказала она. — Теперь, ты скажешь, куда мы идем?

— Неа.

Она игриво ударила меня по руке.

— Негодник. Почему ты не скажешь про свой план?

— Потому что это сюрприз. Я думал, тебе нравятся сюрпризы.

Смеясь, Пакстон кивнула.

— Мне нравятся!

Подняв ее сумку, я подмигнул.

— Хорошо, тогда давай отправимся в дорогу.

Первая запланированная остановка — новый торговый центр, который Пакстон хотела посетить, говоря о нем каждый раз, когда мы проезжали мимо. Остановившись перед магазином, я припарковался. Пакстон мгновенно взорвалась.

— О, Стид! Ты привез меня в новый магазин! Я хотела пойти и посмотреть, найду ли я что-нибудь для комнаты Хлои. Она такая голая, и я подумала украсить ее к Рождеству.

Я застыл, и сердце заколотилось в груди. Эта женщина не переставала меня удивлять. Она никогда не думала о себе, всегда о других, и то, что она думала о Хлое и хотела сделать ее счастливой, влюбляло меня в нее еще больше. Не думал, что можно будет любить ее еще сильнее, но Пакстон все время доказывала, что я ошибаюсь.

Улыбка Пакстон исчезла, когда она посмотрела на меня.

— Ой, но если ты предпочтель, чтобы Амелия или твоя мама сделали это, то я полностью понимаю.

Ее слова вернули меня к реальности.

— Что? Нет! Я хочу, чтобы ты делала все, что хочешь в доме. И в комнате Хлои. Ей понравится, если ты ее украсишь.

Уголки ее рта снова поднялись.

— Ладно, просто ты выглядел обеспокоенным.

Я взял ее руку и приложил к губам. Нежно поцеловав ее, сказал:

— Ты меня удивляешь. Это все.

Ее глаза сияли от счастья.

— Пойдем за покупками, — сказал я, снова целуя ее руку.

Через два часа мы вышли из магазина, обхватив руками покупки.

— Я не могу поверить, что мы нашли все! — сказала радостно Пакстон. Она открыла заднюю дверь грузовика, и я начал складывать пакеты на сиденье.

— Не могу поверить, что мы были в этом магазине в течение двух часов, — застонал я, затем вздохнул.

Ее рука погладила меня по спине, заставив мое тело ожить, а член подергиваться в штанах. Слегка покраснев, она произнесла:

— Я обещаю, что позабочусь о тебе позже.

Обратившись к ней, я усмехнулся.

— О, тогда хочешь еще немного пройтись по магазинам?

Она засмеялась и поднялась на цыпочки, чтобы поцеловать меня. После, она спросила:

— Что теперь?

— Теперь мы направляемся в следующее место.

Пакстон положила руки на бедра и нахмурилась. Она выглядела настолько чертовски симпатичной, что мне пришлось бороться с желанием схватить ее в свои объятия.

— Поверь мне, — ответил я, поцеловав ее в губы.

— Всегда, — ответила она, заставляя мое сердце летать.

Помогая залезть ей в грузовик, я обошел его и остановился, чтобы отправить смс-ку.

Я: Как дела?

Мама: Все сделано! Я упаковала корзину и положила ее в холодильник. Тревор доставил все остальное с помощью Митчелла и Корда, но боюсь, что мы не сможем выгнать Корда.

Я рассмеялся.

Я: Скажи ему, что я надеру ему задницу, если он не уйдет к вечеру.

Мама: Следи за своей речью, Стид Джонатан Паркер.

Когда я взглянул вверх, Пакстон смотрела на меня через окно сексуальной усмешкой.

Я вскочил в грузовик и улыбнулся. Мне нравилось, как она реагировала не только на мое прикосновение, но и на мою улыбку.

— Кому ты писал?

— Маме.

Ее брови поднялись.

— Маме? Она что-то делает?

— Ага, — кивнул я.

Откинувшись на свое место, она усмехнулась.

— Так, позволь-ка кое-что спросить...

— Спрашивай, тыковка.

— Ты устроил «тетин день» Хлое?

Кивнув, я подмигнул. Она посмотрела на меня и зубами прикусила нижнюю губу.

— Продолжай смотреть на меня так, Пакстон, и я перетащу тебя на себя.

— Это не похоже на плохую идею.

Желание пронеслось по телу прямо к моему члену. Черт, эта девушка возбуждает меня. Не могу насытиться.

— Я дам тебе один намек, — сказал я, выезжая на главную дорогу.

Она заерзала на месте, и я почувствовал, как она смотрит на меня.

— Хорошо! Я готова.

— Мы будем есть.

Я взглянул на Пакстон, она глубоко задумалась, постукивая пальцем по губам.

— Ранний ужин?

— Может быть.

— Что ж, я сегодня в школе пробыла полдня. Ты знал, что я пообедаю рано, поэтому могу предположить, что твоя мама приготовила для нас ужин или забронировала столик, — Пакстон покачала головой. — Нет-нет. Я не одета для похода в ресторан.

Я рассмеялся.

— Почему бы тебе не расслабиться. Ты скоро узнаешь.

Она вздохнула.

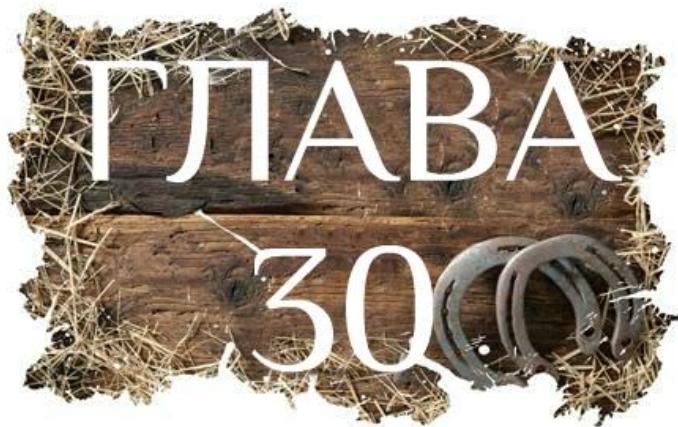
— Единственный способ, с помощью которого я действительно могу расслабиться — это твои руки на моем теле.

Я повернул голову в ее сторону. Иисус. Она смотрела на меня с самой сексуальной усмешкой.

— Не искушай меня, Пакстон.

Она положила руку на сердце, и ахнула.

— Я?! Искушать тебя? И не думала об этом.

Пакстон

Мне не потребовалось много времени, чтобы понять, что мы направляемся на ранчо.

— Итак... мы едем к тебе? Именно там мы будем утолять наш голод?

Стид резко затормозил, и припарковался на обочине дороги. Открыв свою дверь, он вышел из грузовика и обошел его.

Вот дермо. Что я сделала?

Я расстегнула ремень, поняв, что означает этот взгляд. Стид открыл мою дверь, взял за руку и вытащил из грузовика.

— Ч-что ты делаешь? — спросила я, сердце колотилось, а в животе потянуло в надежде, что он собирается взять меня прямо здесь.

— Я собираюсь трахнуть тебя, потому что ты сводишь меня с ума своими комментариями.

Я нервно рассмеялась.

— Что, если кто-то проедет мимо?

— Никого не будет, — сказал он, расстегивая джинсы.

Трясущимися пальцами, я сделала то же самое и, сняв один ботинок, спустила джинсы с одной ноги. Я знала, как это выглядело. Потянулась к нему, все еще одетая и умирающая от желания, чтобы почувствовать его в себе. Стида, похоже, ничего не беспокоило, так почему это должно беспокоить меня? Этот мужчина что-то сделал со мной. Сделал меня сумасшедшей от желания, кроме того, я ждала десять лет, чтобы быть с ним.

Стид спустил штаны на бедра, позволив своему члену подскочить, и от вида, я облизала губы. Добравшись до заднего кармана, он достал портмоне и вытащил презерватив.

Мои джинсы висели на одной ноге, а я практически задыхалась от желания, смотря, как Стид раскатывает презерватив.

— Ты возбуждена, Пакстон?

Я кивнула.

— Я возбуждена с тех пор, как увидела тебя в дверях моего класса.

Двумя пальцами он скользнул внутрь меня, заставив резко вдохнуть.

— Ты всегда готова для меня, детка.

Мои руки легли на его плечи.

— Да. Готова.

Откуда появилась эта версия меня? Необходимость почувствовать Стида внутри была настолько сильной, что почти испугала меня. Я знала, что он больше не причинит мне вреда. Тем не менее это напоминало, насколько я любила этого человека и нуждалась в нем больше всего.

Он схватил меня за бедра и поднял, как будто я ничего не весила. Когда я медленно опустилась на него, Стид издал длинный низкий шепот:

— Черт, да.

Я откинула голову, пока приспособливалась к члену, растягивающему меня. Он был таким большим, что я ощущала последствия нашей любви, причиняющие легкую боль, даже спустя несколько дней. Но зная, что боль вызвана тем, кого я любила, сглаживала последствия.

— Умираю от желания быть внутри тебя, Пакс. Ненавижу, когда ты не в моей постели каждую ночь.

Медленно он начал двигаться. Я использовала свои руки на его плечах, чтобы встречать толчки.

— Да, — я задыхалась.

Было трудно думать, не говоря уже о том, чтобы говорить. Когда Стид и я занимались любовью, я теряла для него сердце и душу. Ничто другое в этом мире не имело значения. Только я и он.

Стид поцеловал меня, и это спровоцировало нас обоих. Я не могла получить его достаточно глубоко. Он не мог подобраться достаточно близко. Стид начал двигаться быстрее. Вытащил член и толкнулся глубоко. Я сдерживала стоны, иначе, они разлетятся по всему штату.

— Черт! Мне нужно глубже, детка, — прошептал он мне в губы.

Моя грудь вздымалась, пока его рот целовал мою шею. Я ненавидела слои одежды, разделяющие нас, но при этом заводилась от того что он взял меня у своего грузовика. В три часа дня.

Да. Горячо. Как. В Аду.

— Пакстон, детка, я хочу, чтобы ты кончила. Не могу больше держаться...

Я не хотела, что бы он останавливался. Ощущать его в себе — самое любимое чувство. Будь то медленная сладкая любовь, или жесткий трах.

Все было хорошо.

Он подтянул мою задницу и резко вошел в меня. Глубоко. И я упала. Так резко и сильно, что увидела звезды под закрытыми веками.

— Я кончаю! — закричала я, не заботясь, что мои слова подхватит ветер. Стид толкнулся и издал самый сексуальный стон, который я когда-либо слышала. А может это был не стон, а хрип. Не разобрала, но мне было все равно. Он был пронизан наслаждением и похотью. Стид прижал свой рот к моим губам и поцеловал кончая.

Когда он, наконец, перестал двигаться, мыостояли несколько мгновений. Голова Стида упиралась в мой лоб, наше дыхание было напряженным.

— Почему каждый раз с тобой такой потрясающий?

Я хихикнула.

— Я могла бы спросить тебя то же самое.

Его голубые глаза встретились с моими.

— Ты удивительна.

Мое сердце растяяло.

— Ты уже мне это говорил.

— И я буду говорить тебе это каждый день, хотя бы раз в день, всю оставшуюся жизнь. Я люблю тебя так сильно.

— Я тоже тебя люблю.

Когда он вышел из меня, я всхлипнула. Тут до меня дошло, что мы трахались посреди пастбища, где любой мог нас увидеть. Мое лицо вспыхнуло. Я быстро надела свои джинсы, пока Стид заботился о презервативе.

Когда он взглянул на меня, то усмехнулся от уха до уха.

— Ты красная, Пакс.

Накрывая щеки руками, я рассмеялась.

— Мы просто занимались сексом на свежем воздухе.

Его руки опустились на мои бедра, потянув меня ближе. Прижав губы к моему уху, он прошептал:

— Я не могу контролировать себя. Никогда не мог, и чертовски уверен, что никогда не смогу.

Я просияла и, обхватив его за шею, поцеловала. Автомобильный гудок привел нас в чувство, и ужас запечатлелся на наших лицах. Стид откинулся назад, чтобы посмотреть за грузовик.

— Святое дермо. Еще чуть-чуть и было бы неловко.

— Что? Кто? — спросила я в панике.

Взглянув на меня, Стид засмеялся.

— Мой папа.

— Твой... папа? — выдохнула я напряженным голосом.

— Да! — он схватил меня за руку и потянул к приближающемуся грузовику. Я быстро проверила нас обоих, чтобы убедиться, что одежда там, где должна быть.

Огромный пикап Ford F-350 остановился за грузовиком Стида. На пассажирском сиденье сидел Трипп с усмешкой на лице.

Они оба вышли и направились к нам.

— Что не так? Что-то случилось с грузовиком? — спросил Джон, протягивая руку Стиду.

— Нет, сэр, — с улыбкой ответил Стид. — Мы просто остановились. Мне нужно было отлить.

Трипп посмотрел на Стида, а затем на меня, но не произнес ни слова. Я уверена, что все было написано на моем лице.

Я просто занималась сексом! Горячим сексом. Пылким горячим сексом.

Джон заговорил со Стидом о финансовых делах ранчо, а мои мысли перекинулись на произошедшее несколько минут назад.

Мои глаза метнулись к Трипу, все еще стоявшему, с этой чертовой улыбкой на лице. Он точно знал, чем мы занимались. Слава Богу, они не приехали раньше.

— Я сказал Робу, что тебе не терпится полететь на следующей неделе. Он сказал, что все в порядке, только сообщи ему, в какой день хочешь, чтобы подготовили самолет, — сказал Джон.

Я повернулась к ним.

— Полет? — спросила я недоуменно.

Стид сплел наши пальцы.

— Да, у меня есть лицензия пилота.

Стид летает на самолете? Я знала, что у его отца есть лицензия пилота, и что он держал на зарплате пилота, Роба Доновона.

Но Стид — пилот? Даже не знаю, почему это меня удивило. Он еще в старших классах упоминал, что хочет получить лицензию

— Заодно проверьте дальнее пастбище, — дал наставление Джон Стиду.

— Да, конечно.

— Ты знал, что Стид управляет самолетом? — спросила я Триппа.

Он усмехнулся и кивнул.

— Пакстон, дорогая, как дела в школе? — спросил Джон, отвлекая меня от Триппа.

Я подняла руку и показала большой палец. Мои нервы все еще напряжены от того, как близко мы были, чтобы быть пойманнными.

— Все хорошо!

— Хлоя сообщила нам вчера вечером, что хочет стать учителем, как ты.

Я глупо улыбнулась.

— Она говорит мне об этом все время. Я обожаю ее.

Джон подарил мне любящую улыбку.

— Она обожает тебя, как и все мы, — он взглянул на Стида и подмигнул. — Ну ладно, мы просто остановились, чтобы рассказать о самолете, и когда у тебя будет время, мне нужны цифры последнего квартала. Хорошего дня, — он наклонился, обнял и поцеловал меня в щеку. Отступил назад, посмотрел на нас. — Ведите себя хорошо, слышите?

Мое лицо вспыхнуло. Трипп потряс руку Стида, смеясь.

— Да, еще... — он наклонился ближе, чтобы Джон не мог услышать, хотя тот и так уже вернулся к грузовику и, однозначно, не услышал бы. — И у вас обоих на лице написано: ПИЗДЕЦ! Я догадываюсь, что мы почти успели на вечеринку.

— Пошел ты, Трипп, — проговорил Стид, играво толкая его в грудь.

Идя задом наперед, Трипп поднял руки в оборонительной манере.

— Эй, я за то, чтобы наслаждаться жизнью каждый момент! — он громко рассмеялся и запрыгнул в грузовик.

Когда они развернулись и поехали назад, я опустила руки на колени и глубоко вздохнула.

— Это было близко. Слишком близко. Слава Богу, что твой отец не приехал раньше.

Стид со смешком потащил меня к пассажирской стороне грузовика. Я открыла дверь и вскочила внутрь.

— Он точно понял, чем мы занимались.

Мое сердце упало, а живот сжался.

— Ты думаешь?

— Да, черт возьми. Он не глуп. Кроме того, Трипп был прав. У тебя «пиздец-взгляд» на лице.

Я закрыла лицо руками и застонала.

— Божеес. Просто замечательно. Я больше никогда не смогу снова взглянуть ему в лицо!

Стид

Пока мы ехали ко мне, Пакстон смотрела в окно и время от времени вздыхала.

— Пакс, перестань волноваться. Я уверен, что мои родители знают, что мы спим вместе. И я проверял — нам двадцать восемь лет.

Ее голова откинулась на подголовник.

— Да понятно! Я не хочу, что бы твои родители думали, что я шлюха.

Я молча припарковался у дома, заглушил мотор и повернулся к ней.

— Почему, черт возьми, они должны так подумать?

Она посмотрела на меня как на дурачка.

— Стид, у нас был секс на открытом воздухе. На виду всего мира.

Я подмигнул и ответил:

— И это, черт возьми, было жарко. Признай.

Пакстон закусила нижнюю губу.

— Признаю, что было жарко. Ооочень горячо.

Я улыбнулся, и она расслабилась. Черт, я любил эту женщину.

— Поспешим, мы отстаем от графика.

Пакстон усмехнулась.

— Я не знала, что у нас график. Включена ли наша небольшая остановка в план?

— Нет. Наш маленький праздник любви сдвинул нас немного назад, но думаю, мы нагоним время.

Она усмехнулась и выскочила из грузовика, не дожидаясь, когда я открою для нее дверь. Мы встретились перед грузовиком, и я потянул ее за руку, направляя в дом.

— Значит, ты пилот? — спросила она, когда мы вошли через парадную дверь.

— Да. Я думал, что говорил тебе. Я учился в Орегоне. Сначала, это был способ отвлечься от... — мой голос затих, и я остановился.

— От меня? — спросила Пакстон голосом, пронизанным грустью.

Мое сердце дрогнуло, и я потянул ее к себе.

— Да, если честно. Мне жаль, что меня так долго не было.

— Я думаю, мы это установили. Просто я ненавижу... — слабая улыбка скользнула по ее лицу.

Подняв руку, я убрал волосы с ее лица.

— Ты ненавидишь, что?

Ее глаза скользнули вниз. Я пальцем поднял вверх ее подбородок.

— Пакс, пожалуйста, скажи мне.

— Ненавижу, что мы пропустили так много времени. Это было много лет, наполненных грустью и гневом, — она пожала плечами. — Последние месяцы были такими счастливыми, что я не могу не задаться вопросом, какая была бы жизнь, если бы я не...

Мой палец замер на ее губах.

— Не говори этого. То, что с нами происходит сейчас, из-за того, что произошло десять лет назад. Мы прошли долгий путь, но мы это сделали. Главное — мы вместе, ничего и никто никогда не изменит это.

Ее руки обхватили меня за шею.

— Ты прав!

Любовь, которую я испытывал к Пакстон, уже поглотила мое сердце и душу, но я влюблялся в нее все больше с каждым днем.

Взял за руку, я повел ее в дом и далее на кухню.

— Давай. Мы опаздываем.

Пакстон ухмыльнулась и позволила мне вести ее. Мы вошли в кухню, и я улыбаясь, вытащил большую корзину из холодильника.

— Что это? — спросила Пакстон, подходя ко мне.

— Ужин.

Ее глаза горели, пока она посмотрела то на меня, то на корзину. Я затаил дыхание, ожидая ее реакции.

— У тебя заготовлена корзина для ужина? Мы едем на пикник?

Мне понравилось волнение в ее голосе. Когда мы встречались, Пакстон очень любила пикники. Я, с помощью Вайелин, упаковывающей нам еду, удивлял Пакстон, устраивая пикники в разных местах. Я был уверен, что на одном из тех пикников мы зачали нашего ребенка.

— Идем, — ответил я, подмигнув.

Лицо Пакстон озарилось, как в рождественское утро. Я переполнялся счастьем, просто наблюдая за ее улыбкой.

— Что, сама Вайелин приехала, чтобы упаковать нам еду? — спросила она с усмешкой.

— Не в этот раз. Все это сделала мама. Она была рада помочь, когда я рассказал ей о своих планах.

Она подняла бровь.

— Черт, если бы знала, что твоя мама в курсе, то выкачала бы из нее информацию.

Взял тяжелую корзину, я вздохнул.

— Все, что тебе нужно было бы сделать, это поморгать своими красивыми глазками, и она бы все выдала. Я думаю, что моя мать счастлива, что мы вместе.

Я взял ее за руку, и мы направились обратно к грузовику.

— Моя мать тоже. Она снова задавала вопросы о том, почему мы расстались.

Тягучее тяжелое чувство всколыхнуло мою грудь.

— Ты когда-нибудь расскажешь своим родителям?

Пакстон помолчала несколько секунд, прежде чем ответила:

— Я думаю, что скажу, когда наступит время.

Остановившись у пассажирской двери, я встретился с ее глазами.

— Тебе не нужно говорить им, если не хочешь.

Пережевывая губу, она кивнула.

— Я чувствую себя виноватой, скрывая это от них. Мне на протяжении многих лет было даже сложно думать об этом, не говоря уже о том, что бы рассказать им. И чем дольше я жду, тем сложнее.

Я погладил ее лицо.

— Пакс, — выдохнул я, слегка поцеловав губы.

Она схватилась за мою футболку как за спасительную соломинку.

— Мое разбитое сердце почти исцелилось, Стид. Но думаю, что там всегда будет немного пустоты. И боль, которая никогда не исчезнет из-за нашей потери.

Мои глаза закрылись, так как моя собственная боль, похоже, была не намного слабее. Взглянув ей в глаза, я кивнул.

— Я знаю. Я чувствую то же самое.

На несколько мгновений мы потерялись в глазах друг друга, прежде чем Пакстон улыбнулась.

— Поехали на пикник. Я голодна.

Я поцеловал ее в носик и открыл дверь. Положив корзину на заднее сиденье, я направился к водительской двери и вскочил на сиденье.

Когда мы приблизились к месту для пикника, мои нервы начали трещать. Я понятия не имел, почему так нервничаю. Так не нервничал, даже когда трахал Пакстон у грузовика.

Последние несколько недель я вел себя как чертов подросток. Мне нужно было осыпать ее любовью и нежностью. Мне нужно, чтобы Пакстон понимала, что речь идет не о сексе. Не то, чтобы секс не был чертовски фантастическим, но это было нечто гораздо более глубокое.

Наша любовь.

Пакстон ахнула, когда мы подъехали к тщательно продуманной установке, которую я придумал, а мои братья сделали.

Блядь! Надеюсь, им кто-нибудь помогал.

На большое покрывало, былоброшено множество подушек разного размера. В стороне стояло ведерко со льдом, и ждало, когда в него поместят шампанское. В центре покрывала лежал букет любимых цветов Пакстон, пионов. В нескольких футах, на шпагате белело растянутое полотно.

— Стид! — вздохнула Пакстон, распахнула дверь грузовика и направилась сооружению.

Я усмехнулся, увидев старый деревянный короб, который я нашел в сарае; Пакстон такие вещи нравились. На нем стояли пакеты, заполненные попкорном.

Пакстон прикрыла рот руками. Ее глаза сверкали, пока она обозревала вид.

Посмотрев на меня, она спросила:

— Ты сделал это?

Я быстро осмотрелся.

— Ну, я все это спланировал, целый день доводил до совершенства на бумаге, и объяснял Тревору. Корд и Митчелл тоже помогли, — смеясь, я покачал головой. — Они нашли это место.

Она бросилась в мои объятия.

— Идеально! Удивительно! Красиво!

Обхватив ее руками, я прижал ее к себе.

— Я все сделаю, чтобы сделать тебя счастливой, Пакстон.

Мы стояли несколько минут, просто держась друг за друга. Я был уверен, что Пакстон плачет, но знал, что эти слезы от счастья. Когда она, наконец, отступила, наши глаза встретились.

— Ты самый удивительный человек, которого я когда-либо встречала. Это так романтично, Стид.

Я поднял брови.

— Подожди пока не увидишь фильм, который я выбрал.

Она рассмеялась.

— Пожалуйста, скажи, что это не порно!

Смеясь, я наклонился и взял корзину для пикника, которую достал ранее.

— Нет! Ну, если только Тревор не подложил. Не удивлюсь — он может.

— Согласна! — добавила Пакстон, покачав головой.

— Давай есть, — сказал я, указывая на покрывало. Я приготовил все к ужину, делая мысленную заметку проверить DVD, как только будет возможность
Чертов Тревор!

Пакстон

В тот момент, когда увидела площадку устроенную для пикника, у меня сперло дыхание, и тепло распространялось по телу. Стид вспомнил, как я любила пикники. Мои щеки вспыхнули, вспоминая прошлые пикники.

— Стид, это все так удивительно!

Стид засмеялся, вынимая из корзины пластиковые тарелки и столовые приборы. Мое сердце билось быстрее, только от простого наблюдения за ним. Мне понравилось, как он тщательно распланировал этот день. Начиная покупками в торговом центре, куда я мечтала попасть, созданием идеального пикника, заканчивая просмотром фильма позже.

— Жареная курица мамы. Твоя любимая.

Как будто в ответ, мой желудок заурчал, и мы оба рассмеялись.

— Свежие фрукты. Соусы, те, что делала Вайелин. Мне пришлось звонить ей и просить рецепт. Хлоя помогла мне вчера вечером, как сказала: для вашего «специального свидания».

Я улыбнулась, в груди все трепетало.

— Она такая драгоценная, Стид. Ты замечательно воспитал ее.

Он замер и сосредоточился на мне.

— Она любит тебя, Пакстон. Когда мы вчера вечером готовили все это, она сказала, что ее самая большая мечта, что бы ты стала ее мамой.

У меня перед глазами все расплылось, когда через мое тело пробежало счастье.

— Что... что ты ей ответил?

— Что я тоже хочу этого. Больше чем что-либо.

Его слова вызвали у меня радость. Я не могла не улыбаться, как дурочка.

— Я тоже этого хочу. Я тоже ее люблю, Стид, как будто она моя дочь.

Стид вытер мои слезы большим пальцем.

— Спасибо, что полюбила ее, Пакс. Ты невероятная женщина, и я так благодарен, что тыучаствуешь в жизни Хлои.

О, Боже.

Мое сердце стучало в груди. Во мне смешалось возбуждение, счастье и страх. Я ждала дня, когда Хлоя назовет меня иначе, чем Пакстон. Или когда придет ко мне за советом. Но это также пугало меня.

Стид ясно дал понять, что Хлоя не в курсе его дел с ее матерью. Будет ли Хлоя возмущаться? Подумает ли, что я была причиной, по которой ее мать бросила их?

— Перестань думать о том, о чем думаешь сейчас, Пакс.

Моя голова дернулась.

— А?

Стид налил в бокал шампанского и вручил мне.

— Ты о чем то задумалась. Я вижу это на твоем лице.

— Ты не думаешь, что Хлоя будет когда-нибудь возмущаться, не так ли? — я слабо улыбнулась.

— От чего? — он удивленно поднял голову.

Пожав плечами, я ответила:

— Не знаю. Может быть, она подумает, что я причина, по которой ее мать бросила вас?

Стид потянулся за моими руками. То, как его палец скользнул по моей руке, заставило гореть кожу.

— Пакстон, Ким никогда не хотела Хлою, и Хлое не трудно было понять, что ее мать не любила ее так сильно, как я. Во-первых, она хотела только меня, потому что знала, что мое сердце принадлежит другой. Во-вторых, она хотела денег. Хлоя была случайностью, которую она не планировала, но использовала как пешку в своей искривленной игре. Она не собиралась нас обижать, просто не знала, что такое любящая мать. Мы никогда не были семьей. Мы были кошмаром. Я так ... — он прочистил горло, прежде чем продолжить. — Я так рад, что Хлоя далеко от нее.

— Я тоже, — пробормотала я.

Стид покачал головой и прочистил горло.

— Если бы я только вернулся в Техас раньше.

— Мы не знаем, «что было бы если». Мы должны прекратить думать об этом. Это прошлое, и нам нужно сосредоточиться на будущем.

Он сверкнул блестящей улыбкой, от которой у меня закружилась голова, и я забыла, о чём мы говорили.

Вскоре за разговорами, мы съели жареную курицу и фрукты. Он говорил о ранчо, я говорила о детях в школе. Мы смеялись над Тревором и обсудили Корин. Казалось, что между нами не пролегло десятилетней разлуки. Мы прекрасно вписывались в мир друг друга. Это была судьба.

— Как ты думаешь, стоит приглашать Корин на День Благодарения? Я не знаю, как отреагирует Трипп, — спросила я, пока ждала, когда Стид вытащит из корзины, как он сказал: «прекраснейший десерт».

— Я не понимаю, что происходит между ней и Триппом. Она нравится ему, но думаю, это потому, что он знает, что она нравится Митчеллу.

Нахмутившись, я выдохнула.

— Я думаю, Корин в действительности нравится Митчелл. Она ведь спала с ним, а Корин — не такая девушка. Вообще.

Стид открыл крышку контейнера с двумя кусками яблочного пирога.

— Боже мой. Скажи, пожалуйста, что это твоя мама приготовила. Пожалуйста.

Смеясь, он кивнул.

— Она сделала это только ради тебя.

Рот наполнился слюной, когда я посмотрела на вкусный пирог. Стид протянул мне вилку, и мы оба положили по кусочку в рот. Я испустила стон, сделав первый укус.

— Так хорошо.

— О, да.

Вытянув ноги, я отложила вилку.

— Мой живот набит, и я хочу сохранить место для попкорна!

— Тогда поехали дальше.

Я подняла брови.

— Мистер Паркер, пожалуйста, скажите мне, что вы говорите о поездке в своем грузовике.

Он усмехнулся и посмотрел на часы.

— Нет, наш транспорт должен прибыть сюда в любую минуту.

Теперь я была заинтригована.

— Вернемся к Корин. Думаю, следует пригласить ее. Мне не хотелось бы думать, что она останется совсем одна на День Благодарения, ведь очевидно, Трипп не пригласит ее.

— Я не хочу создавать проблемы между братьями.

— Честно говоря, я понятия не имею, что происходит. Я был удивлен, что Трипп упустил тот факт, что девушка, с которой он встречается, все еще не покинула город. Независимо от того, случайна это встреча или нет.

— Я не думаю, что у них серьезные отношения, — ответила я, чувствуя тяжесть в сердце. Мне действительно нужно посидеть и поговорить с подругой.

— Тогда пригласи ее. Кому какое дело, что происходит между Триппом и Митчеллом? Почему Корин должна быть одна?

Услышав свист, я повернулась, и увидела Тревора верхом на лошади, ведущего за собой Леди и Аллюр. Посмотрев на Стида, я усмехнулась.

— Ага, поездка верхом!

Он подмигнул, встал и помог мне подняться.

— Надеюсь, ты не предпочтешь другой тип езды верхом, о котором подумал твой грязный ум.

— Я нахожу утверждение, исходящее от тебя, довольно забавным.

Стид засмеялся и повел меня к лошадям.

— Даже не слышал, как ты подъехал, Трев, — сказал Стид, протягивая руку, чтобы поздороваться с братом.

— Я такой скрытный, — ответил тот с милой улыбкой. — Встречаемся после заката на месте?

Проверяя седла на лошадях, Стид кивнул и ответил:

— Да. Это звучит неплохо.

— На месте? — спросила я, наклонив голову.

— Не волнуйся, милая маленькая Пакстон, — ответил Тревор. — У моего брата все хорошо спланировано.

— Я вижу, — сказала я с огромной усмешкой.

Стид помог мне сесть на лошадь. Несмотря на то, что я спокойно управлялась с лошадью, мне понравилось, что он помог мне. Я не упустила это внимание от моего мужчины.

Тревор поднял руку и крикнул:

— Повеселитесь! И помните, практикуйте безопасный секс!

— Заткнись, Тревор. Мудак! — крикнул Стид своему отъезжающему брату.

Некоторые вещи никогда не меняются, особенно то, как братья Паркер общаются друг с другом. Минуту назад они общались как лучшие друзья, а затем посылают друг друга. Я закатила глаза и хихикнула, сжимая коленями корпус Аллюр, чтобы заставить ее ускориться.

Мы ехали рядом в тишине в течение долгого времени. Мне нравилось ранчо. Всегда. Спокойствие этих просторов было мне по душе. Звуки природы вкупе с легким шагом лошади успокаивали.

— Пенни за твои мысли, — голос Стида проник в мое сознание. Я повернула голову, и мы улыбнулись друг другу.

— Здесь так спокойно. Я очень люблю ранчо.

— Как и я.

— Тебе понравилось жить в Орегоне? — спросила я.

Издав резкий смешок, он покачал головой.

— Ненавидел. Каждую минуту. Если бы я не встретил Ким, уверен, вернулся бы домой раньше. Сразу после окончания учебы.

Я кивнула. Эта мысль заставила меня почувствовать боль. Стид начал встречаться с Ким, потому что мать Джо распространяла ложные вещи о наших отношениях. Мое тело задрожало от гнева.

Нет. Не оглядывайся назад, Пакстон. Только в будущее.
И какое это было удивительное будущее.

Стид

Мое сердце взлетело, услышав, как Пакстон сказала, как сильно любит ранчо. Проводить день с ней так, было то, что я хотел делать чаще. Ее близость сделала меня счастливее. Я чувствовал себя так легко, когда она была рядом.

— Итак, куда мы идем? Что за место?

Улыбаясь, я ответил:

— Это на самом деле наше место. Мы были там несколько раз. На грузовике.

Она ахнула.

— Смотровая площадка?

Я кивнул.

— Я подумал, что мы можем наблюдать закат.

Ее глаза загорелись, и я затаил дыхание. Пакстон было легко угодить. Она наслаждалась простейшими вещами и ценила их. В отличие от Ким. Это были две полные противоположности. То, что Пакстон присутствует в жизни Хлои, хорошо для нее.

— Мне нравится эта идея, — тихо сказала Пакстон.

— Нам лучше поспешить, иначе пропустим.

Мы пустили лошадей вскачь, направляясь к тому месту, где я изначально дал ей кольцо обещания, которое, как заметил, она снова начала носить.

Спустившись с лошади, я подошел к Пакстон и помог ей спуститься. Она обняла меня за шею, и мы потерялись в поцелуе. Мое тело опалило жаром, когда я углубил поцелуй. Рукой скользнул под рубашку, чтобы почувствовать ее теплую кожу. Когда мы отстранились, я прислонился лбом к ее лбу.

— Ты заставляешь меня чувствовать себя таким живым.

Ее руки сжались вокруг меня.

— Я так рада, что ты отвез меня домой той ночью.

Обняв ее крепко, я замер на несколько секунд. Боже, как я любил эту женщину. Я отстранился и откинул с ее лица растрепанные волосы.

— Помоги мне с одеялом.

Пакстон заломила брови.

— Одеяло?

Я переплел наши пальцы и пошел к Леди, где Тревор собрал то, что я попросил.

— И вино, — добавил я с ухмылкой.

— Мистер Паркер, ну разве вы не романтик?

— Ну, я подумал: вино, старое одеяло, закат. Я не мог представить лучшую сцену, чтобы заняться с тобой любовью.

Ее губы разомкнулись, прежде чем медленная улыбка скользнула по ее прекрасному лицу. Мое сердце забилось, как всегда, когда я хотел заняться с ней любовью. Потребность в ее теле, увеличилась втройне. Мои пальцы болели от желания прикоснуться к ней и заставить выкрикивать мое имя во время оргазма.

— Стид, — выдохнула она.

Я вручил ей вино и указал на боковушку ее седла.

— Очки у тебя. Возьмешь их, а я расстелю одеяло?

Она кивнула и сделала, как я просил.

Нхождение идеального места было ключевым. Мы были на одной из самых высоких точек на ранчо. Отсюда был прекрасный вид на реку Фрио и огромную холмистую равнину. Это было одно из моих любимых мест на ранчо. Мы с Пакстон приходили сюда часто. Мне не хватит всех пальцев на моем теле, сколько раз я занимался с ней любовью в задней части грузовика на этом месте. Под звездами, под солнцем, под дождем. Воспоминания прошли через мой разум, заставляя тело гореть.

Разложив одеяло, я жестом пригласил Пакстон сесть. Когда ее рука коснулась моей, я почувствовал как ее любовь пронзает мое тело.

— Это все так замечательно. Сегодня у меня был такой отличный день.

Тепло наполнило грудь.

— И у меня.

Подтянув ее к себе, усадил между моих ног. Голова Пакстон опиралась на мою грудь, и мы смотрели на холмы. В груди у меня было теплое удовлетворение. Эта женщина была моей жизнью. Все, что я когда-либо хотел или нуждался, было в моих объятиях, и у меня не было намерений когда-либо отпускать ее.

— Это всегда было одним из моих любимых мест, — сказала она, лениво двигая ладонями по моим ногам.

— И мое.

Пакстон наклонила голову и посмотрела на меня. Ее глаза танцевали от радости.

— Я не была так счастлива в течение долгого времени. Спасибо.

Тепло пронеслось по венам, тело болело от нужды в ней.

— Я собираюсь провести остаток своей жизни, показывая тебе, каким счастливым меня ты сделала, Пакс.

Ее кожа покраснела, и ее улыбка вызвала у меня головокружение. Я осторожно опустил ее на одеяло, наши взгляды не отрывались друг от друга. Медленно двигая руками вниз по джинсам, я стянул по одному ее ботинки. От ее взгляда, мое сердце билось сильнее.

— Когда мы разошлись, Пакс, я был потерян. Каждая вещь, напоминала мне о тебе. Не было и дня, когда я не думал о тебе. Единственное, что меня удерживало, это Хлоя.

Рукой Пакстон провела по моему лицу. Ее глаза были окном в мою душу. Я знал, что она чувствовала то же самое.

— Я никогда больше не пропаду, потому что, когда я с тобой... — я сделал паузу, чтобы стянуть джинсы и трусики с ее ног. Я облизал губы, проведя пальцами по ее мягкой красивой коже. Ее тело дрожало, и я не мог не улыбнуться. Я продолжил, взяв под контроль свои эмоции. — Когда я с тобой, я чувствую себя целым, и таким счастливым, что хочу кричать с самого высокого места, которое могу найти.

Она улыбнулась, когда потянулась за моей футболкой и потянула ее через голову. Я последовал ее примеру, и снял с нее рубашку. Мои пальцы скользнули по кромке лифчика, и ее тело покрылось мурашками. Я протянул руку за спину и расстегнул лифчик одним быстрым движением.

— Вы слишком хороши в этом, мистер Паркер, — сказала она с суровым взглядом.

— Ну, видите ли, у меня была горячая девушка в старшей школе, и я часто снимал ее бюстгальтер. У нее были самые идеальные груди, которые должны быть в моих руках все время. Полагаю, практика сделала меня совершенным.

Она игриво оттолкнула меня с совершенно фальшивым суровым взглядом. Я встал, сбросил ботинки и снял джинсы. Ее брови поднялись и губы сжались, когда я предстал перед ней голым.

— Тебе лучше надеяться, что твой папа не появиться здесь.

Опустившись на нее, я заставил ее издать стон.

— Я заплатил Тревору, чтобы он никого не пускал сюда, пока солнце не опустится за холмы.

— Да? И что ты собираешься здесь делать со мной? — спросила она. Ее нос скривился самым очаровательным образом.

— Разве это не очевидно, Пакстон? Я собираюсь заниматься любовью с моей девушкикой, пока солнце будет опускаться.

Ее улыбка исчезла, а глаза сверкнули.

— Это то же самое, что ты сказал мне в первый раз, когда мы были здесь.

Проведя носом по линии ее челюсти, я поднял голову и поцеловал ее в лоб.

— Я знаю. Я помню.

Ее руки обхватили мою шею, потянув меня ближе. Я ощутил жар между ее ног.

— Детка, мне нужно надеть презерватив, — сказал я ей в губы.

Она кивнула и отпустила меня. Повернувшись, я схватил джинсы и вытащил из портмоне презерватив, попутно заметив, что это последний. Я разорвал упаковку, быстро надел на член и вернулся к ней. Я подразнил ее вход своим кончиком, целуясь.

Пакстон обняла меня, потянув за собой. Поцелуй углубился, и я толкнулся немного глубже и тут же отступил. Я протянул руку и скользнул внутрь двумя пальцами.

— Черт, ты такая мокрая, детка.

Ее глаза закрылись, и она подняла бедра, молча умоляя меня войти в ее тело.

Я оперся на локти, обеими ладонями прижимая ее голову. Наши взгляды зацепились, и я медленно толкнулся в нее.

— Стид, — выдохнула она. Я издал мягкий стон и замер на несколько мгновений — мне нужно было почувствовать, как ее киска пульсирует вокруг меня.

Христос, это совершенство.

Ни один из нас не сказал ни слова. Мы оба потерялись друг в друге. Я медленно вышел и толкнулся назад, в результате чего Пакстон впилась ногтями мне в спину.

Мои губы мягко покусывали ее шею, потом добрались до мочки уха.

— Пакстон Монро. Ты моя жизнь. Единственная женщина, которую я когда-либо буду любить.

Пакстон

Мое тело устало. Два раунда удивительного секса и бесчисленные оргазмы, и я подставляю собой лужицу счастья. Мы лежали на одеяле, сплетаясь телами, и любовались прекрасным видом.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Стид, кончиками пальцев легко поглаживая мои руки.

— Удивительно. Замечательно. Чудесно. Фантастически. Удовлетворено. Расслабленно.

Его смех эхом прошел через мое тело. Я никогда нечувствовала себя настолько счастливой.

— Я рад, что ты чувствуешь все это.

— Я чувствую больше, — добавила я. Намного больше.

Мы повернули друг к другу головы. Влюбленные глаза Стида согревали мое сердце. Он осторожно и нежно кончиками пальцев провел по моему лицу, губам и челюсти. Каждое его прикосновение было словно ожог. Не говоря уже о том, что в моем животе творилось безумие.

— Мне нравится, что больше, — мягко произнес он
Спускаясь к ладони, он сплел наши пальцы. Солнце опускалось все ниже.

— Могу я кое-что спросить, Пакс?

— Конечно, — ответила я и посмотрела на него.

— Тату на твоей ноге, когда ты сделала его?

Посмотрев на тату, и прочитав про себя надпись: «Позволь этому случиться», я глубоко вздохнула и выдохнула:

— Я набила его после последней консультации у психолога. Я выбрала именно эту фразу, потому что она заставила меня, наконец-то отпустить прошлое. Я не могу позволить печали и гневу контролировать мою жизнь. Я нуждалась в этом. Судьба говорила мне идти дальше и верить, что все это когда-нибудь забудется, как страшный сон.

Стид сел и пробежал пальцами по всему тату прежде, чем взглянул на меня.

— Я люблю тебя. Я люблю твою силу, твою веру и твою добрую душу.

Улыбаясь, я села и нежно погладила рукой его лицо.

— Спасибо тебе за все.

Его рука обхватила меня за шею, притягивая к себе. Он поцеловал меня мягко и нежно. Это был прекрасный способ закончить вечер.

— Мы должны одеться до того как объявитя Тейлор.

Он кивнул, но в его глазах мелькнуло разочарование.

— Ах да, полагаю, ты права.

Мы молча оделись. Затем опустились на одеяло, я легла между его ног, положив голову на его твердый пресс. Солнце коснулось холмов и превратило небо в палитру

разных цветов. Розовые, желтые и красные цвета распространились по горизонту, отражаясь в красивых клочьях облаков. Это было потрясающее.

Звук двух автомобилей, заставил нас обоих развернуться.

— Кто управляет твоим грузовиком? — спросила я, когда Стид встал и помог мне подняться.

Широкая улыбка скривила его рот.

— Митчелл. И с ним Хлоя.

— Хлоя? — спросила я с улыбкой.

— Да, она хочет присоединиться к нам в просмотре фильма. Я подумал, что она может посидеть с нами.

Ой. Мой. Бог. Этот мужчина...

То, как он любил свою дочь, делало сумасшедшие вещи с моим сердцем. Я еще больше влюблялась в него, зная, что он хочет, чтобы Хлоя присоединилась к нам.

— Это звучит потрясающе! — я поцеловала Стида. — Хлоя — это очень важная часть наших отношений, и я ни в коем случае не обижусь. Мое сердце согревает то, как сильно ты ее любишь. Теперь она тоже часть моего сердца, и я бы отдала ей свой последний вздох.

Глаза Стида расширились от удивления, прежде чем наполнились слезами. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но закрыл глаза и медленно покачал головой, прежде чем поймать мой взгляд.

— Я чертовски, люблю тебя.

Он притянул меня к себе и прижал свой рот к моему. Грузовики остановились, и я подумала, он отпустит меня, особенно из-за присутствия Хлои. Но он этого не сделал. Стид крепче обнял меня и поцеловал. К тому времени, когда он закончил, у меня кружилась голова, и пришлось схватиться за его руки, чтобы взять себя под контроль.

— Bay, — выдохнула я.

Он усмехнулся.

— Я хочу чтобы Хлоя увидела, что такое настоящая любовь.

О Господи! И снова мое сердце.

— Папа! Пакстон! — с криком к нам подбежала Хлоя.

Вместо того, чтобы обнять Стида, ее маленькие ручки обхватили нас обоих. Мы одновременно присели, чтобы быть на одном уровне. Я не могла не улыбнуться, увидев, как Хлоя счастлива, и широкая улыбка сияла на ее лице.

— У меня был лучший день с тетей Мели, а затем дядя Митчелл дал мне мороженое! Но он не покупал его в магазине.

Стид удивленно покачал головой.

— Да? И где же он его взял? — спросил он, взглянув на Митчелла.

— Мы были на ферме, папа! Они спросили, какое я хочу приготовить мороженое!

— Что у тебя получилось? — спросила я.

Хлоя улыбнулась.

— Шоколад с клубникой — это твое любимое, Пакстон. И я хочу быть такой же, как ты, и когда вырасту, женюсь на ковбоем, как мой папа!

Я была ошеломлена эмоциями, что меня накрыли, и мне потребовалась каждая единица силы, чтобы не заплакать.

Взяв ее на руки, я ответила:

— Мне нравится этот план, Хлоя. Очень сильно.

Стид притянул ее к себе, заставляя визжать от восторга.

— Позволь мне помочь твоим дядям, у меня заготовлен сюрприз для двух моих любимых девушки. Но больше ни слова о том, как ты вырастешь.

Хлоя поцеловала его в щеку, затем потянулась за моей рукой. Мое сердце затрепетало, и мне пришлось переложить другую руку на живот, чтобы успокоить бабочек. Эта милая маленькая девочка стала частью моего сердца, и почти довела меня до слез. Я понимала, что у Хлои никогда не было настоящей матери, и собиралась сделать все, что в моих силах, чтобы стать для нее ею.

— Вы с папой хорошо повеселились? — спросила Хлоя.

Взглянув в ее большие голубые глаза, я улыбнулась.

— Да. Твой папа очень романтичен.

Она кивнула.

— Он любит закаты и всегда говорит, что они напоминают ему о особом месте на ранчо. Это его особое место? Вот почему он привел тебя сюда?

Мои глаза переместились туда, где Стид помогал Митчеллу, а Тревор привязывал лошадей к машине, и почувствовала, как задыхаюсь.

— Да, котенок. Твой папа всегда приводил меня сюда.

Когда я взглянула на нее, заметила мечтательное выражение лица.

— Надеюсь, я когда-нибудь женюсь на мальчике, как мой папа.

Мы встретились глазами, и я притянула ее к себе, чтобы обнять.

— Я тоже на это надеюсь, малышка.

Хлоя посмотрела мне в глаза.

— Я люблю тебя, Пакстон.

Я чуть не села на попу. Ее слова тронули меня, выкопав в моем сердце глубокую яму, в которой они останутся погребенными навсегда. Поднимая свою руку к ее маленькому сладкому лицу, я издала протяжный вздох:

— Хлоя, я тоже тебя люблю.

Ее маленькие ручки обхватили мою шею, и она прошептала:

— Я молюсь каждую ночь, чтобы ты стала моей мамой. Я надеюсь, Бог услышит меня.

Закрыв глаза, я изо всех сил пыталась сдержать слезы.

— Я молюсь о том же, Хлоя. Думаешь, он нас услышит? — я никогда в жизни не испытывала таких эмоций. Такая чистая и реальная любовь. Любовь, которая навсегда останется в моем сердце.

— Я знаю, он слышит нас, — я открыла глаза и увидела Стида, стоящего позади Хлои. То, как он смотрел на меня, сжало мою грудь, и мое сердце упало прямо в мой желудок, когда он продолжил: — Я люблю вас обоих.

Хлоя хихикнула.

— Поцелуй меня, папочка! Поцелуй!

Стид поймал подпрыгнувшую Хлою и поцеловал ее в щеку.

— Отдай мне наемного своей любви, — сказал Митчелл и взял Хлою на руки, после чего они изобразили самолет.

Я улыбнулась и поняла что трое братьев Паркеров, действительно потеряли себя в любви к одной маленькой девочке. И ох, как же легко было потеряться в любви Хлое.

ГЛАВА 350

Пакстон

Мы с Хлоей прижались к Стиду, пока смотрели мультфильм «Братец Медвежонок». Температура упала, поэтому мы накинули на себя два стеганых одеяла. Я жевала попкорн, как и Стид.

Когда Хлоя узнала, что станет участницей «особого дня», я подумала, что она лопнет от счастья. Она то и выбрала, что мы будем смотреть, и до «Братца Медвежонка», мы смотрели «Холодное сердце», все песни которого Стид знал наизусть. Я не знала точно, была ли я впечатлена этим или возбуждена. Хотя нет. Я была возбуждена.

А теперь мы смотрели «Братца Медвежонка». Я не могла поверить, что этот мультфильм так поглотит меня, и когда Стид шлепнул меня по руке, просто кивнула, не отрывая взгляда от экрана, не желая ничего пропустить.

— Пакс, Хлоя уснула.

Оторвавшись от мультика, я увидела, что Хлоя прижавшись к Стиду спит.

Счастливая малышка.

— Я так сильно завидую ей сейчас, — улыбнулась я.

Он ухмыльнулся:

— Ты можешь остаться на ночь, ты ведь знаешь.

Я позволила своей улыбке исчезнуть.

— Не хочу, чтобы Хлоя знала, что я осталась у тебя на ночь.

— Ты можешь улизнуть до утра, и пойти в гостевую спальню.

Я закусила зубами губу, размышляя об этом.

— Поэтому ты заставил меня упаковать сумку?

Он кивнул. Откинув голову назад, я пробормотала:

— Не знаю.

Стид надул губы.

— Порадуй меня. Проведи ночь со мной. Я хочу спать с тобой в руках.

Сосредоточившись на Хлое, я сделала глубокий вдох.

— Хорошо, но мы должны быть осторожны. Не хочу, чтобы она знала, что я сплю с ее отцом. Это может быть странно для нее.

Кивнув, Стид схватил меня за шею и потянул, чтобы я быстро чмокнула его в губы.

— Поспешим. Давай вернемся ко мне домой.

— Почему? — спросила вставая, пока Стид осторожно брал на руки Хлою.

— Тревор придет сюда. Поверь мне, он потратил изрядно сил, и помог мне со всем этим, чтобы упустить удачу. Сегодня он работает в баре, и, зная Тревора, уверен, он приведет сюда девушку и трахнет ее.

Я скривилась.

— Очень приятно.

Стид усмехнулся и пожал плечами, неся Хлою к своему грузовику.

— Просто реально смотрю на вещи.

— Конечно-конечно. Но, я была бы в полном порядке, не зная этой информации.

Уложив Хлою на заднее сиденье, Стид тихо закрыл дверь и схватил меня. Его руки были везде — в моих волосах, ласкали мою грудь, бродили под рубашкой.

— Боже, как же чертовски трудно держать руки подальше от тебя. Я хочу похоронить себя внутри тебя, и оставаться там на всю ночь.

Моя грудь вздымалась, и я боролась за воздух. Его слова немедленно направили импульс тепла в мой пульсирующий центр. Независимо от того, сколько раз мы были вместе сегодня, потребность в большем никуда не делась.

— Это звучит как план, — вздохнула я.

После того, как Стид уложил Хлою спать, он схватил меня за руку и потащил в спальню. Мы сбросили одежду, как будто прошли недели с тех пор, как мы были вместе. Желание витало в комнате, и я задавалась вопросом, как долго секс со Стидом останется таким? Мы когда-нибудь устанем друг от друга? Уменьшиться ли с течением времени необходимость чувствовать его внутри меня?

Его губы были повсюду. Рот, шея, соски, живот, внутренняя сторона бедер. Я сжала его волосы и прижала к пульсирующей боли между ног.

— Господи Боже Мой! Стид. Хочу тебя.

Рот Стида, наконец, оказался над моим горячим центром, и я закрыла рот, чтобы скрыть крики страсти.

Сладкая тьма охватила меня, и я поплыла в облаке полного блаженства. Я едва почувствовала, как он перекатился через меня. Звук разрывающиеся упаковки от презерватива вернул меня на землю. Я еще не оправилась от оргазма, когда Стид вошел в меня. Его прошлогодняя манера заниматься любовью медленно исчезла. Сейчас он отчаянно нуждался во мне, и я наслаждалась каждой секундой.

— О, детка. Твою мать... Как хорошо...

Мои бедра встречали каждый его толчок. Следующий оргазм нарастал во мне.

— Черт побери, Пакстон. Детка, мне нужно, чтобы ты кончила.

Когда мы кончили одновременно, Стид закрыл мой рот своим, впитывая мои стоны удовольствия.

Стук в дверь заставил нас обоих замереть.

Дерьмо! Надеюсь, он запер дверь.

Стид вышел из меня и сорвал презерватив так быстро, что это было нереально. Я перевернулась и упала с кровати, ударившись о пол с негромким стуком.

— Ты можешь... — начал Стид, — Пакс? Куда ты делась?

— Здесь! — прошептала я.

Стид обошел кровать и посмотрел на меня.

— Какого хрена ты делаешь на полу?

— Папа?

Дверь в спальню открылась, и Стид мгновенно схватил простыню и обернул ее вокруг себя.

— Привет, тыковка. Что... Эмм... Эх...

Я закрыла рот ладонью, чтобы не рассмеяться. Стид был совершенно растерян.

— Почему ты обмотал себя простыней, папочка?

— Я... Я не мог найти пижамные штаны, детка. Что случилось? Почему ты встала с кровати?

Матрас прогнулся, и я представила, как Хлоя ползет по кровати.

— Я не могу уснуть. Папа, хочу поговорить.

Мое сердце упало. Это звучало серьезно и... мило.

— Хорошо, тыковка. Может, пойдем в твою комнату и поговорим?

— Нет. Можно и здесь.

Я улыбнулась и опустила голову. Меня надо арестовать. Я полностью обнажена.

Дерьмо!

Матрас просел сильнее, когда Стид сел на кровать.

НЕТ! Мне нужна одежда. Одеяло. Мне, в конце концов, нужно выйти из этой комнаты!

— Ты уверена, что не хочешь вернуться в свою комнату?

— Уверена.

Я внутренне вздохнула.

— Что у тебя на уме, тыковка?

— Пакстон.

Я замерла и дыхание остановилось.

О, нет! Она ненавидит меня!

— Что насчет Пакстона?

— Папа, я действительно хочу, чтобы она была моей мамой. Почему ты не можешь жениться на ней?

Огромная улыбка расплылась по моему лицу. Я заметила под кроватью футбольку Стида. Потянувшись за ней, я осторожно натянула ее.

— Я не могу на ней жениться сейчас.

— А почему?

Я закрыла рот ладонью. Ох, как же я люблю эту маленькую девочку. Я видела в ее глазах, как сильно она мечтала о матери. Амелия рассказала мне, как Хлоя часто говорила обо мне, и каждый раз задавала миллион вопросов.

— Это не так просто, детка.

— Почему? Разве ты не любишь ее?

— Очень люблю. Но когда придет время спросить ее, я хочу сделать это особенно.

И это означает планирование.

Она хихикнула.

— Как ты планировал ее «особенный день» сегодня?

— Увердительный ответ! Именно так.

Кровать Стида была достаточно высокой, чтобы я могла сидеть опустив голову. Прижимая колени к груди, я пытался успокоить свое сердце.

— Папа?

— Да, тыковка?

— А захочет ли Пакстон дать мне младшего брата или сестру?

Слезы потекли по моему лицу. Именно в этот момент все стало на свои места. Все, что произошло десять лет назад, и вплоть до этого момента. Эта маленькая девочка должна была быть в *нашем* мире. Ей было суждено быть в *моем* мире. И хотя она не была моим ребенком, я любила ее такой, какой она была.

— Я думаю, что она захочет.

— Будет ли она любить своего ребенка больше чем меня?

Зарывая лицо ладонями, я молча рыдала. Я еле себя сдерживала, чтобы не вскочить и не притянуть ее в свои объятия. Заверить ее, что я всегда буду любить ее, независимо от того, сколько детей у меня будет.

— О, Хлоя, нет. Она будет любить вас одинаково.

— Но на самом деле я... не ее ребенок.

Мое лицо было мокрым от слез, когда я прислонила его к кровати.

— Это не имеет значения, Хлоя. Пакстон сильно тебя любит, и я знаю, что она ничего не хочет больше, чем иметь тебя как дочь. То, что ты не выросла в ее животе, не

значит, что она не будет любить тебя так как я. Она хочет быть твоей мамой настолько сильно, насколько ты этого хочешь.

Тишина затянулась, и я затаила дыхание.

— Не могу дождаться, и назвать ее мамой. Она самая красивая девушка в городе, папа.

Стид засмеялся:

— Я знаю. И она моя.

Хлоя засмеялась.

— Глупый, папочка. Она наша.

Вот оно! Я медленно перевернулась на бок и улеглась в позе зародыша. Счастье кружилось вокруг меня, несмотря на слезы. Я не могла поверить, что еще несколько месяцев назад в моем сердце была черная пустота. Теперь... Теперь оно переполнено такой любовью и счастьем, что я полностью ошеломлена.

— Все правильно, Хлоя. Она наша. Теперь давай-ка спать.

Через пять минут Стид вернулся в спальню. Я сидела на кровати, прижав колени к груди, рыдая как идиотка.

Страх отразился на лице Стида, и он бросился ко мне.

— Христос. Пожалуйста, скажи мне, что это счастливые слезы.

Я кивнула.

— О-очень... с-счастливые... с-с-слезы.

Стид рассмеялся и усадил меня перед собой. Его пальцы пытались вытереть мои бесконечно бегущие слезы. Его голубые глаза осмотрели мое лицо, прежде чем он усмехнулся, и ямочки, появившиеся на его небритом лице, заставили ослабеть мои колени.

Стид протянул мне маленькую резинку для волос.

— Хлоя думала, что причина, по которой я не попросил тебя выйти за меня в том, что у меня нет кольца.

Бросив взгляд на резинку, я улыбнулась.

— Так это она дала тебе?

Он улыбнулся, взял мою руку, и надел резинку на палец рядом с кольцом обещания, которое я носила на левой руке.

— Я просто оставлю это здесь.

Я уткнулась лицом в его грудь и разрыдалась. Снова.

— Тсс... детка, все в порядке. Пожалуйста, не плачь.

Спустя некоторое время мы расслабленно улеглись в постели, и я прижалась к Стиду. Удовлетворенная, обернутая вокруг него, как идеально подобранная перчатка.

Прижимая губы к моему лбу, Стид прошептал:

— Спи, детка. Поспи немного.

ГЛАВА

36

Стид

Я вошел в кабинет отца и остановился, увидев, как Тревор трясет руками и ругается.

— Что случилось? — спросил я.

— Ебаные свиньи пробрались на северное пастбище, и разорили его в дерьмо.

Я запаниковал.

— Что? Когда?

— Должно быть, вчера. Это повторяется не в первый раз.

Я рухнул на один из стульев перед столом отца и потер грудь.

— Спасибо, блядь, — вздохнул я.

— Что? — удивился отец, с рассеянным взглядом. — За что, черт возьми, мы должны быть благодарны, Стид? Я не хочу, чтобы на нашем ранчо было столько свиней.

Прежде чем я успел что-то сказать, Хлоя вбежала в кабинет.

— Дедушка! Я готова к нашему свиданию!

Мой отец ничего не смог сделать, кроме как расплыться лужей, когда Хлоя прыгнула ему в руки.

— В кино! Пора? — спросил он с огромной улыбкой.

— Да! Бабушка готова, так что давай!

Хлоя схватила его за руку и потянула на выход.

— Скорее! Скорее! Мы же не хотим опоздать.

Взглянув на нас, папа улыбнулся.

— Мы разберемся с этим завтра.

— Ты хочешь, чтобы я перепахал все поле? — спросил Тревор.

— Почему бы нам не поехать туда завтра и не осмотреть точнее? — предложил я.

— Звучит неплохо. Простите, ребята, у меня свидание с внучкой.

Мы с Тревором молча наблюдали, как Хлоя вытаскивала папу из кабинета. Он только и успел остановиться, схватить свою ковбойскую шляпу с вешалки, прежде чем его вытащили за дверь.

— Черт, она чертовски милая, Стид. Папа и мама бегают по щелочку ее пальца. Не говоря уже о Митчелле, Корде и Амелии.

— Да, она нами крутит, как хочет, — я засмеялся.

Тревор хлопнул меня по спине.

— Это святая правда. Ладно, я назову это чертовски плохим днем и отдохну остаток вечера. Ты все же летиши?

— Да. Эй Трев, перед тем, как ты уйдешь, позволь мне спросить тебя кое о чем.

Он остановился, показывая мне рывком головы, что можно говорить.

— Трипп что-нибудь упоминал о Корин?

Он пожал плечами.

— Не особо. Я видел, как он позвонил ей как-то, а Митчелл разозлился. А еще, я почти уверен, что Митчелл и Корин провели ночь, когда ты пришел в бар, чтобы погоняться за бухгалтером. Я имею в виду, что Митчелл повел ее домой. Или она повела его домой.

— Ты когда-нибудь рассказывал Триппу об этом?

Он покачал головой.

— Нет. Это дермо между ними. Мое мнение: Трипп встречается с ней только потому, что знает, что она для Митчелла что-то значит. Что чертовски странно, потому что я думал, что ни один из них не ищет отношений.

Я протер заросший щетиной подбородок.

— Да, что-то происходит. Пакстон хочет пригласить Корин на День Благодарения, и я согласен с ней, потому что Трипп даже не удосужился.

— Почему бы и нет? Нет смысла в том, что бедная девушка в праздник будет дома одна. Мне показалось, что Трипп сказал, что она уезжает из города?

Я пожал плечами.

— Наверное, он неправильно понял ее. Плюс, я не думаю, что они настолько серьезны, все эти свидания. Я думаю, здесь скрыта какая-то причина.

— Тогда пригласите ее. Какой от этого вред?

Кивнув, я согласился.

— Да, я прослежу, чтобы Пакстон это сделала.

— Проследишь, что сделаю я?

Мы оба повернулись. Пакстон стояла в дверном проеме, в джинсах, кедах, и светло-синем свитере, который выделял ее глаза, что видно было через комнату.

— Пригласишь Корин на День Благодарения.

Она улыбнулась.

— Мне и не нужно. Полагаю, Трипп узнал, что она не уезжает, и пригласил сам.

Тревор хлопнул меня по плечу и подмигнул.

— Так, я пошел. До встречи.

Я последовал за ним и остановился перед Пакстон.

— Привет, — сказал я, целуя ее в губы.

— Привет! Твоя мама сказала, что ты вернулся. Так что за чрезвычайная ситуация? Ты оторвал меня, когда я помогала моей матери выбрать между «античным» белым, «простым» белым или «дуvrским» белым.

С усмешкой я ответил:

— Похоже, я спас тебя.

— О, да! Я уже была готова рвать на себе волосы. Кто знал, что оттенков белого так много!

— Хочешь полетать со мной в самолете? — я взял ее за руки. Глаза Пакстон засветились, как салют на четвертое июля.

— Серьезно? Я с удовольствием! А ты полетишь просто ради развлечения?

— Да, но и папе нужно, чтобы я кое-что проверил.

Она подпрыгнула и хлопнула в ладоши.

— Как интересно! Последний раз, когда я была в самолете, твой отец показывал нам с воздуха рождественскую иллюминацию.

— Точно. Больше ты не летала? Никаких отпусков или еще чего?

— Нет, — она пожала плечами.

Черт, мне придется решить эту маленькую проблему. Я сделал мысленную заметку, запланировать совместную поездку. Может, в весенние каникулы или типа того. Положив руку на попку, я толкнул ее к выходу из кабинета.

— Скорее. Пошли. Роб ждет меня.

У моего отца был ангар и небольшая взлетно-посадочная полоса, примыкающая к ранчу. Он купил недвижимость много лет назад, когда собирался получать лицензию

пилота. Он хотел оставлять самолет здесь, так как аэропорт был в паре часов езды в Сан-Антонио.

Поездка к ангару была заполнена разговором Пакстон о планах на День Благодарения. За день до праздника она будет встречаться с моей матерью, Амелией и Хлоей. Мое сердце облилось кровью, когда я подумал о своей сестре Вайелин. Она недавно звонила, и в ее голосе слышалась тоска по дому, она явно хотела вернуться сюда. Но у ее мужа-мудака Джека, был гребаный сбор средств, и он нуждался в Вайелин. Клянусь, мудак держал ее подальше от семьи. Я дважды летал с Хлоей навестить свою старшую сестру, и видел в глазах Вайелин тоску по собственному ребенку. Но долбаеб не был готов.

— У твоего отца новый самолет? — спросила Пакстон, вытянув меня из моих мыслей.

— Да. Он купил его около года назад. В нем шесть посадочных мест.

Пакстон нервно посмотрела на меня, заламывая руки.

— Ты в порядке? — спросил я.

— Думаю, в порядке. А ты уверен, что знаешь как им управлять?

Я протянул ей руку.

— Я бы не взял тебя в самолет, если бы не был уверен, что смогу с ним управиться. Я даже летал на больших самолетах.

Пакстон задрала брови.

— Правда? Это довольно сексуально.

— Что, тебя заводит? — удивленно я уставился на нее.

Она кивнула и пожевала нижнюю губу.

— Ну, давай посмотрим, как ты будешь себя чувствовать после того, как мы приземлимся, — сказал я.

Нервно хихикая, она кивнула. Выскочив из грузовика, я помахал Робу и пробежался, чтобы открыть дверь Пакстон. С соединенными руками мы направились к самолету. Обычно я ни капельки не нервничал, но сейчас, взяв ее за руку, тревога закружилась в животе.

ГЛАВА

3700

Пакстон

Пришлось признать, что это было удивительно. Мои руки все еще немного тряслись, но Стид действительно знал что делает. Мы летели по округе, и он указывал на разные места.

— Отсюда все выглядит по-другому! — сказала я в микрофон, который крепился к гигантским наушникам, надетым на мне.

— Это действительно так. Это потрясающе. Я хочу полетать с тобой на закате. Он прекрасен.

Я улыбнулась, мне нравилось волнение в голосе Стида. Он восхищался полетом, и мне нравилось быть частью этого.

— Я с удовольствием. Ты уже брал Хлою?

— Да, черт возьми! Она уже неоднократно видела солнце, восходящее над Тихим океаном.

Призыв спросить его, не было ли с Ким когда-нибудь такого, пульсировал в моей голове. Сама не понимала, почему я вообще думала об этой ужасной женщине. Моя внутренняя битва с вопросом продолжалась, и я наконец-то сдалась.

— А Ким когда-нибудь летала с вами?

Стид засмеялся.

— Черт возьми, нет. Она никогда не интересовалась, и я никогда не приглашал ее.

Внутренняя часть меня, подпрыгнула, махая кулаком.

— Это дом твоих родителей? — спросил я.

— Да. Сейчас пролечу над гостевым домом.

— Когда ты перестанешь так его называть? — спросила я с усмешкой, — Теперь это твой дом.

— Да, я знаю. Так странно жить там. Я говорил с родителями о том, чтобы заплатить за проживание. Сначала они отказались, но когда сказал, что перееду в город, согласились. Конечно, я бы в любом случае не переехал, но они то, этого не знают. Черт побери, сверху он огромен!

Настала моя очередь рассмеяться. Это был и вправду огромный дом. Я представляла, что он наполнен большим количеством детей. Много шума, несколько собак. Может даже кошка или две. Разговор Хлои со Стидом пару дней назад, все еще не выходил у меня из головы. Я смотрела в окно и не обращала внимания на то, что там было. Стид наклонил самолет, чтобы я могла видеть только голубое небо.

— Посмотри сюда. Коровы.

Я наклонилась, чтобы посмотреть.

— Где коровы?

— Держись. Там.

Вытягивая шею больше, я начала чувствовать себя немного плохо — то ли из-за неудобного положения тела, то ли из-за плотного обеда.

— Можешь выпрямить самолет? Я чувствую себя плохо.

— Хорошо, сейчас будет еще один поворот.

Он выпрямил самолет, затем указал на мое окно.

— Взгляни в окно, и ты увидишь это.

Я сделала так, как он просил, и... моя рука накрыла рот.

За окном расстипалось пахотное пастище, и черная грязь на нем, резко контрастировала с коричневой травой. «ВЫХОДИ ЗА МЕНЯ ЗАМУЖ» читалось на земле. Не знаю, как долго я смотрела на надпись, которая постепенно оставалась позади самолета. Когда я повернулась к Стиду, увидела, что он держит открытую коробочку. В ней лежало кольцо с красивым бриллиантом огранки «Принцесса», блестящим, как и улыбка на лице Стида.

— Однажды я потерял нашу любовь. Я клянусь, никогда не потеряю ее снова. Пакстон Линн Монро, окажешь ли мне честь стать моей женой?

Тошнота в животе мгновенно заменилась бабочками. Мои руки тряслись, когда я снова поднесла их ко рту. Стид сделал предложение. Он просил меня стать его женой, самым романтичным образом, который я могла себе представить. Слезы кололи мои глаза и я пыталась найти свой голос. Моя грудь чувствовала свет, мое сердце плавало на облаке полнейшего блаженства, а тело дрожало от чистого счастья. Опустив руки, я улыбнулась и кивнула.

— Увердительный ответ! Да, я выйду за тебя!

Его улыбка стала еще шире, и угроза собственных слез сделала его глаза блестящими.

— Я люблю тебя, Пакс.

Мой рот растянулся еще шире.

— Ты должен посадить самолет, Стидди, потому что все, что я хочу — броситься в твои объятия. И я тоже тебя люблю!

Он засмеялся.

— Это значит, что ты хочешь подождать приземления, чтобы надеть кольцо?

— Увердительный ответ! Спеши! Земля!

Он закрыл коробочку, снял самолет с автопилота, и занялся благополучным возвращением на землю. Моя нога нервно подскакивала все время, пока самолет летел к взлетно-посадочной полосе. Я, не отрываясь, смотрела коробочку с кольцом. Посмотрев на Стида я подумала, что его выражение счастья соответствовало моему. Мы приземлились, и я выпустила дыхание, так и не заметив когда его затаила. В тот момент, когда самолет остановился, я расстегнула ремень и Стид тоже. Мои руки обернулись вокруг его шеи, и я выпустила свои эмоции. Он крепко удерживал меня, шепнув:

— Ты сделала меня счастливейшим человеком, Пакс.

Через силу я ответила:

— Ты сделал меня счастливой женщиной!

Он отступил и погладил меня по щеке, и снова открыл коробочку. Я хорошо присмотрелась к кольцу и задохнулась.

— О, Боже мой, — поднимая глаза, чтобы посмотреть в его глаза, я спросила: — Это...

Он кивнул.

— Кольцо, на которое ты показала в тот день, когда мы покупали колье моей матери. Да.

Мое сердце забилось и в памяти всплыло...

... — Чтобы забежать и забрать колье, которое мой отец купил на день рождения мамы, займет всего секунду.

Я кивнула и позволила теплым лучам согреть меня. Было лето перед переходом в девятый класс. Мы со Стидом все утро были у реки с друзьями, но температура в тридцать восемь градусов заставила нас со Стидом уйти. Подъехав к ювелирному магазину, Стид припарковался и обогнул грузовик, чтобы открыть мою дверь. Он улыбнулся и мой желудок сделал сальто, что глупо, ведь он всегда прыгал, когда у Стида мелькала сексуальная улыбка. Войдя внутрь, Стид подошел к продавщице, а я начала бродить по магазину. Вскоре я оказалась у витрины с обручальными кольцами, уставившись на самое захватывающее кольцо, которое я когда-либо видела.

— Хочешь посмотреть?

Я подняла глаза и увидела Джуди Пинхаус. Ее отец владел этим ювелирным магазином. Бросила взгляд на Стида, он был погружен в разговор уже с мистером Пинхаусом. Я пожала плечами.

— Конечно! Почему бы и нет.

Джуди хихикнула и открыла стеклянную дверцу. Достала и положила синюю бархатную подушечку передо мной, и положила на нее кольцо.

— Это огранка называется «Принцесса». Она квадратная, и предназначена специально для обручальных колец, мой папа лично его сделал. Это одно из моих любимых.

Смотря на кольцо, я улыбнулась.

— Красивое.

— Да, девушке, которая получит его, повезет.

Я кивнула.

— Конечно.

Мое тело ожило, когда я почувствовала Стида рядом со мной.

— На что смотришь? — поинтересовался Стид, подходя ко мне вместе с мистером Пинхаусом.

— Ох, ты восхищаешься «Принцессой», которую я сделал.

— Оно красиво. Мне так нравится.

Он улыбнулся, посмотрел на Стида и подмигнул ему.

— У нее хороший вкус.

Стид обернул руку вокруг моей талии, и посмотрел на меня с такой любовью. Я словно сошла с ума, когда его глаза нашли мои. Я не хотела давать ему ложную надежду. В конце концов, мы едва стали старшеклассниками.

— Ну, мы с Джуди просто смотрели на кольца. Это бросилось мне в глаза. Оно действительно потрясающе.

Мистер Пинхаус поблагодарил меня, когда я вернула кольцо.

— Я рад, что тебе понравилось, Пакстон.

Мне понравилось? Мне понравилось!

Голос Стида вернул меня в настоящее.

— После того, как ты сказала мистеру Пинхаусу что тебе нравится кольцо, я вернулся позже в тот день, и мы обсудили каким образом я могу выкупить его. После усиленной работы на ранчо, и другой дополнительной работы для папы и Пита Мосса, я заработал достаточно, чтобы выкупить его за несколько дней до Рождества.

Я прикрыла рот, когда шок и осознание ударили меня.

— Это кольцо у тебя со старшей школы?

Он кивнул, глядя мне в глаза.

— Я никогда не отпускал мечты жениться на тебе, Пакс. Никогда.

Сосредоточившись на кольце, он вынул его из коробочки и надел на мой палец.

— Это всегда была ты. Оно навсегда будет с тобой.

Я снова бросилась на него, что было трудно сделать в маленькой кабине этого самолета.

— Оно красиво! Очень! — восхитилась я, когда он прижал меня к себе.

— Теперь позволь мне отвезти тебя домой, чтобы я смог заняться с тобой любовью.

Усевшись на свое кресло, я вытерла слезы и усмехнулась.

— Мне нравится этот план.

Я лежала в объятиях Стида и смотрела в большое окно в его спальне, бездумно двигая пальцами по его груди. Время от времени я смотрела на красивое кольцо на пальце, и пик подавляющего счастья охватывал меня. Мягкое дыхание Стида сказало мне, что он спит. Этот момент не мог быть более прекрасным. Все в этом было прекрасно.

Вдруг сквозь меня прошлась волна тошноты. Я быстро села, стряхнув Стида. Рукой прикрыла рот и вылетела с кровати, спеша в туалет. Не успела опуститься на пол перед унитазом, как меня вырвало. Волна за волной ударяла меня, и мне потребовалось мгновение, чтобы понять, что Стид стоит позади меня, держа мои волосы.

Наконец-то это прекратилось. Мышцы живота болели, а в горле першило. Я застонала, и Стид передал мне горячее мокрое полотенце. Стало так хорошо, когда я прижала его к лицу. Встав, я повернулась, и увидела, что Стид опирается на дверной косяк с довольным выражением на лице.

— Я рада, что моя болезнь сделала тебя счастливым.

Он медленно покачал головой, прежде чем оттолкнутся и шагнуть ко мне. Положив руку на живот, я резко вдохнула. Теперь я поняла, почему он стоял с глупой ухмылкой на лице.

— Ты же не думаешь? — спросила я.

Он пожал плечами.

— Достаточно одного раза.

Мы сделали ребенка в тот день в хижине? В том самом месте, где мы впервые занимались любовью? Одна только мысль об этом была такой чертовски романтичной, что заставила мое тело дрожать. Наконец он нежно поцеловал меня. Мягкие поцелуи двинулись по подбородку, вдоль шеи, к чувствительной области под моим ухом.

— Если ты беременна, ты понимаешь, что это значит?

Его губы двигались по моей шее.

— Ч-что? Что это значит?

— Мы сотворили маленькое чудо в хижине, где когда-то впервые занимались любовью.

Я усмехнулась.

— Я подумала об этом всего несколько минут назад.

Его руки скользнули за мою шею, притягивая меня ближе.

— Ты знаешь, что мы должны сделать прямо сейчас?

С хихиканьем я ответила:

— Съездить в город и купить тест на беременность?

— Черт, да!

Он отступил, повернулся и помчался в спальню.

— Пакстон! Быстрее одевайся!

Следуя за ним, я бросилась в спальню и оделась.

Я посмотрела на Стида, его глаза сверкали и блестели. Уверена, что выгляжу так же. В груди чувствовалась легкость, и даже легкая тошнота не могла меня сбить с такой высоты. Стид схватил меня за руку и дернул, что я чуть не свалилась.

— Давай, пошли!

— Стид! — засмеялась я.— Позволь мне надеть обувь.

Он нагнулся, взял мои кеды и вложил мне в руки, затем подхватил меня на руки и понес.

— Ты идешь слишком медленно, Пакс.

Я не могла сдержать счастья, которое бурлило, пока Стид нес меня к своему грузовику. Ушли в небытие два напуганных подростка десятилетней давности...

Посадив меня на сиденье грузовика, Стид обхватил мое лицо и сексуально улыбнулся. Я знала, о чем он думает. Мы оба были взволнованы, но боялись озвучить наши надежды. Я положила свои ладони на его.

— Что бы ни случилось, этот день навсегда будет особенным.

Стид медленно меня поцеловал, и добавил:

— Да, будет.

ГЛАВА

38

Стид

Мой пульс зашкаливал, когда я завернул к аптеке. Бросив машину на парковке, я вскричал:

— Подожди! Я открою тебе дверь!

Я выскочил из грузовика и перебежал на сторону Пакстон. Она сидела на пассажирском сиденье с широкой улыбкой. Открыв дверь, я протянул ей руку. Взвизгнув, она рассмеялась:

— Стид, что ты делаешь?

— Что? Я хочу помочь тебе выбраться из грузовика.

Сузив на меня глаза, она покачала головой.

— Я что, не в состоянии сама выйти из грузовика. Кроме того, мы точно не знаем...

— она оглянулась и прошептала: — беременна ли я.

— Почему ты шепчешь? — спросил я, помогая ей выйти.

— Потому что многое поставлено на карту, если да.

— Что, например? — сморщил я лоб.

— Моя работа. Ты хоть представляешь, как скривятся на беременную вне брака учительницу?

— Да иди ты! — вскричал я. За что получил хлопок рукой по рту.

— Стид Джонатан Паркер!

Я обнял ее.

— Иисус, Пакс. Когда ты называешь меня моим полным именем, да еще и таким тоном, меня заводит. Оденешься как плохая училка, а я стану плохим мальчиком?

Веселое выражение стало проявляться на ее лице.

— Пакстон, как дела? — голос позади меня мгновенно сделал ее лицо кислым, и она сразу отпрянула от меня.

— Мистер Хайнс. Как дела?

Взглянув через плечо, я улыбнулся директору школы, который был еще и боссом Пакстон.

— У меня все хорошо. Готов к завтрашней индейке. Как насчет тебя?

Пакстон потерла живот и издала нервный смешок.

— Конечно. Индейка и гарнир. Вся эта вкусная еда. Так что да, готова.

Я был уверен, что он не узнал меня, несмотря на то, что когда Митчелл и я были учениками восьмого класса, мы в одиночку угроbили трех классных питомцев. Случайно, конечно же. Я помню, как он отправил письмо моему отцу, заявив, что если мы убьем еще одного питомца класса, нам придется закончить этот год на домашнем обучении.

— Мистер Хайнс, это... — замолчала Пакстон, и ее щеки стали розовыми, когда она посмотрела на кольцо.

— Жених Пакстон. Стид Паркер — сказал я.

Он поморщился, а потом злость накрыла его лицо. О, да. Можно было с уверенностью сказать, что он вспомнил, кто я такой.

— Стид Паркер. Сколько ты убил черепах за последнее время?

Улыбка Пакстон спала, и взгляд ужаса сменил ее. Я испустил нервный смешок.

— Ни одной, сэр. Я оставил эти дни позади много лет назад.

Он нахмурился, а потом сосредоточился на Пакстон.

— Приятного отдыха, Пакстон.

— Вам тоже, сэр.

Он ушел... прямо в аптеку. Пакстон ударила меня по груди.

— Черт! Он пошел в аптеку, Стид.

— И? — спросил я и, схватив ее за руку, направился к двери.

— Мы не можем покупать тест на беременность, когда рядом мой босс.

Я рассмеялся и покачал головой.

— Тогда мы будем общаться, пока он не уйдет.

— Издеваешься? Стид, мы не на вечеринке! — остановилась Пакстон.

— Ты понимаешь, о чем я.

Мы вошли в аптеку и, конечно же, старый козел был здесь, прося девушку за прилавком Метамуцил с апельсиновым вкусом (Прим.ред.: БАД, применяется при запорах). Я наклонился к Пакстон, и заявил:

— Я мог бы спокойно прожить свою жизнь, не услышав этого.

Прикрыв рот, она потянула меня глубже в аптеку. Мы начали ходить по каждому проходу и хватать случайные вещи, пока не оказались там... В проходе у полок, за которые вы бы заплатили своим старшему брату или сестре, чтобы они пришли и купили вам презервативы.

— Я нервничаю, — сказала она.

— Он ушел! — вскричал я, пробираясь к тестам на беременность... и остановился как вкопанный. Родители Пакстон прошли мимо прохода, а затем остановились, заметив нас.

— Привет, дети! Что вы здесь делаете?

Пакстон хлопнула меня по спине. Больше похоже на «ударила» по спине. Мы испуганно замерли посреди прохода с полками, на которых совершенно «случайно» лежали не только тесты на беременность, но и ряды презервативов. Замечательная мысль пришла мне в голову: если Пакстон беременная, это означало... больше никаких презервативов!!!

— Мы не покупаем презервативы, могу уверить вас, — ляпнул я. Почему я это сказал, сам и не понял. Пакстон поглядела с ужасом на меня.

— О, Боже мой. Ты не мог это сказать, — жестко прошептала она, прежде чем снова ударить меня в спину. Судя по выражению ее отца, я понял, что меня ожидает «серьезный поцелуй» кулаком в лицо. Быстро взяв себя в руки, Пакстон вышла к родителям.

— Привет, мам и пап, мы собирались купить что-нибудь от аллергии Стида.

Когда я взглянул внимательно, увидел коробочки с лекарствами от аллергии. Эйприл, мама Пакстон, улыбнулась, в то время как Дэвид, ее отец, продолжал хмуриться.

— О, Боже! Боже мой! Пакстон! — вскричала ее мать.

Отпрянув назад в удивлении, Пакстон воскликнула:

— Что?!

Эйприл бросилась к дочери и схватила ее за руку.

— Он сделал это!

Мои глаза нашли обручальное кольцо.

— О, Стид, когда ты приходил на днях попросить руку Пакстон у нас, я понятия не имела, что ты собираешься так скоро дарить кольцо! — сказала Эйприл, слезы стояли в ее глазах. Сверкание глаз Дэвида превратилось в медленную улыбку.

— Поздравляю, сынок! Ты сделал это как и планировал? В самолете?

— Погодите, вы все знали? — спросила Пакстон. Оба ее родителя рассмеялись.

— Ну конечно! Конечно, знали. Стид всегда был таким джентльменом.

Дэвид хмыкнул под нос, и я кинул ему слабую улыбку.

— Он пригласил нас на обед несколько дней назад, чтобы попросить твоей руки.

Тогда он рассказал нам, как именно планировал просить тебя.

Пытаясь улыбаться и игнорировать тот факт, что мы стояли перед презервативами и тестами на беременность, мои глаза поймали Пакстон. Она изо всех сил старалась сдержать слезы, и я подумал, удастся ли ей это сделать. Я подмигнул, и она испустила нервный смешок.

— Ну, я вижу, вы все хорошие хранители секретов.

Ее мать и отец кинулись в ее любовные объятия.

— Ну, а мы зашли, чтобы купить аспирин. У папы головная боль, а ему еще помогать мне готовить пирожки на завтра. Так мило, что твои родители пригласили нас, Стид.

— Мама взволнована и папа тоже. Он мечтает показать тебе свою новую удочку, Дэвид.

Отец Пакстон издал рев смеха. Казалось, что тема презервативов медленно исчезает.

— Джон всегда любил рыбалку.

— Я буду рада снова увидеть Хлою. Пакстон упоминала, что приводила ее играть с нашей кошкой?

Я закатил глаза и вздохнул.

— Конечно. Маленькая хитрюшка умоляла об этом.

Эйприл и Давид усмехнулись на эти слова, а затем Эйприл взяла мужа за руку и потянула за собой.

— Нам нужно идти. Увидимся завтра, ребята. Стид, дай матери знать, если ей что-нибудь понадобится, пусть звонит мне.

— Спасибо, Эйприл.

Пока они шли по проходу, я внимательно «выбирал» лекарство от аллергии. Я брал коробку за коробкой и притворялся, что изучаю их, пока Пакстон стояла на носочках, следя за своими родителями.

— Они ушли! Быстрой!

Мы развернулись и бросились к тестам. Мои глаза смотрели на них. Какого черта? Почему так много разных брендов? И почему, черт возьми, наша аптека выставила их все?

— Который? — спросил я приглушенным голосом.

— Мне все равно. Захвати каждого по одному! Давай просто бери, прежде чем кто-то еще увидит нас, — ответила Пакстон, разглядывая коробки. Я схватил шесть упаковок «Clearblue». Пакстон удивленно поглядела на меня.

— Шесть?

— Ну, мы же хотим быть уверенными.

Она хихикнула.

— Думаю, двух достаточно.

Пожав плечами, я положил четыре упаковки на место, а затем взял две упаковки бренда «ЕРТ». Пакстон просто взяла тот, на котором написано: тест на беременность. Последними в ряду лежали тесты «Fact Plus». Я схватил два, и добавил их к куче тестов в моих руках.

— Этого должно хватить, — заявила Пакстон с улыбкой.

— Ты уверена? Что, если они не работают?

— Что вы делаете? — послышался голос сзади, заставив нас обоих вскрикнуть. Моим первым инстинктом движением стало отбрасывание от себя шести коробок тестов, которые были в руке. Я в прострации наблюдал, как они все упали к нашим ногам. Моя

сестра Амелия посмотрела на упавшие упаковки, а затем подняла голову к нам. Ее взгляд с шокированного, быстро стал чистым волнением.

— О! Мой! Бог! Черт! Черт! — закричала она.

Пакстон и я одновременно кинулись к ней:

— Тише!

Сядься на корточки, я быстро собрал тесты.

— Ты беременна? — спросила Амелия. Потом она закричала. Громко. — Черт возьми! Вы помолвлены? — она схватила левую руку Пакстон, заставив ее выронить свои два теста. Пакстон засмеялась, сияя от счастья.

— Да! Стид попросил меня сегодня, самым романтичным способом.

Глаза Амелии обратились на меня, и она стерла слезу.

— Я так счастлива. Хлоя знает?

Я покачал головой.

Прикрывая рот рукой, Амелия покачала головой.

— Я так счастлива, вы... я... думаю, я буду плакать!

Я закатил глаза.

— Я люблю тебя, сестренка, но нам действительно нужно убраться отсюда, пока кто-нибудь еще не подошел и...

— Господи, это национальный день презервативов?

Я застонал и повернул голову на голос Корда.

— Какого черта ты находишься в этом проходе, Амелия? — спросил он гневным голосом.

— О, блядь, Корд. Я взрослая, и если захочу купить презервативы — я куплю презервативы, — Пакстон повернулась ко мне. Я знал, что она хочет выбраться отсюда так же сильно, как и я, а вместо этого слушаем спор Корда и Амелии, разрешено ли ей заниматься сексом или нет. — Мне двадцать два года, Корд. Я трахаюсь уже несколько лет.

— О, ну хватит! — сказал я. Корд выглядел так, будто сейчас взорвется.

— Мели, помоги мне Бог, если я когда-нибудь узнаю, с кем ты спала, то буду бить его задницу так жестко...

— Послушайте, как бы мы ни хотели остаться здесь и послушать вас, нам нужно уйти, — сказал я, и начал движение между ними. Рука Корда схватила меня за плечо и остановила. Он посмотрел на тесты, а потом снова на меня.

— Почему у вас на руках тесты на беременность? — его глаза остановились на Пакстон, и его осенило:

— Святой. Черт. Вы?

— Они еще не знают! Вот почему они здесь, Корд! — сказала Амелия подпрыгнув, и беззвучно захлопала в ладоши. Корд оглянулся на меня.

— Парень! Это чертовски здорово. Пошли, пошли!

И он, и Амелия повернулись и направились вниз по проходу.

— Ой, подожди! — сказала Амелия, бросилась назад и схватила коробку презервативов.

Я хотел убить себя, когда она подняла большой палец и сказала:

— Мало ли!

— Захвати и мне коробку, Мэли! — попросил Корд. Амелия рассмеялась.

— Ты уверен, что тебе не нужны размеры поменьше?

— Просто принеси мне большие. Супер экстра, если они есть, — сказал он, и запрокинув голову рассмеялся.

— Это действительно происходит с нами прямо сейчас? — спросила Пакстон.

— Я не знаю, что беспокоит меня больше. Тот факт, что они рассчитывают поехать с нами или что мой брат запросто попросил свою младшую сестру захватить ему коробку презервативов.

Пакстон засмеялась, и мы последовали за Амелией и Кордом, которые все еще спорили о том, была ли Амелия достаточно взрослой для секса

ГЛАВА

39

Пакстон

Корд и Амелия стояли посреди гостиной Стида, и пялились на меня с широкими обнадеживающими глазами.

— Ребята, не хочу показаться засранцем, но мы думали, что это будет приватный момент, — сказал Стид, скрестив руки на груди и подняв одну бровь. Амелия и Корд повернулись друг к другу с вопросами во взгляде, и широко улыбнулись. Обратившись к нам, Амелия заявила:

— Серьезно? Мы видим вас с коробками тестов на беременность, и вы ожидаете, что мы уйдем и сделаем вид, что ничего не знаем. Нет, мистер Паркер.

— Это жестоко, если ты заставишь нас уйти сейчас. Мы слишком завязли, — добавил Корд.

Я закатила глаза и испустила глубокий вздох.

— Вы можете остаться, но не пойдете со мной в туалет. Только Стид. И вы должны дать нам несколько минут, чтобы обработать результаты.

Они закивали головой, как будто были моими маленькими воспитанниками. Я старалась сдержаться и не дать появиться радости в моих глазах. Следует отметить, что все развернулось на сто восемьдесят градусов по сравнению с прошлым разом, когда я держала в руках тест на беременность.

— Пошли, Пакстон. Вы двое останетесь здесь, — сказал Стид, указывая на них обоих.

— У вас есть выпить? — спросил Корд.

— Бери все, что найдешь, бро.

Мой пульс участился, когда мы приблизились к спальне Стида. Как только мы вошли, я замерла. Удивленный моей остановкой, Стид повернулся и посмотрел на меня.

— Детка, что случилось? Ты в порядке?

Закусив губу, я сказала:

— Мне нужна минутка. Меня вдруг ударило. Возможно, я беременна. Как я не поняла, что могу быть беременна?

Стид взял меня за руку, повел к кровати и усадил.

— Пакс, я тоже об этом не думал. Может быть, глубоко внутри мы заметили, но решили игнорировать по какой-либо причине.

Я глубоко вздохнула и выдохнула.

— Я думаю, ты прав. Может быть, это страх перед результатом? Боязнь разочарования? Я не знаю.

— Ну, мы можем сидеть здесь и анализировать ситуацию, а можем просто провести тест.

С широкой улыбкой я согласилась:

— Ты прав. Итак? Готов узнать?

Его глаза наполнились волнением.

— Никогда еще не был более готов.

Мы оба встали. Мой желудок связался в узел. Я не собиралась обманывать себя, что не взволнована. И я знала по реакции Стида, что он тоже. Это было далекое эхо десятилетней давности, когда мы были двумя молодыми напуганными подростками. Войдя в ванную, Стид выложил все тесты, и я не могла не рассмеяться над этим безумием. Зачем купили так много?

— Черт, наверное, мы купили многовато.

Я согласилась.

— Мы купили много. Думаю, это можно оправдать тем, что мы были взволнованы?

Стид рассмеялся.

— Немного.

Для нас обоих это было, словно в первый раз, узнать будем ли мы родителями. И хотя ничего нельзя исправить, я знала, что мы никогда не забудем нашего первого ребенка. Но на этот раз у меня была уверенность, что Стид не расстроился, что мы забыли про защиту. В глубине души я знала, что это должно было произойти. Мы оба были счастливы, какой бы ни был исход. Удивительно, как взросление и уроки жизни обучаают вас. Я взяла первый тест, а Стид взял тест «ЕРТ».

— Думаю, мы попробуем каждый бренд.

— Я не уверена, что у меня так много мочи, — фыркнула я.

Стид вскрыл тесты и положил их на полочку, пока я включала воду и, наклонив голову, пила ее прямо из крана. Наверное, я пила воду целых пять минут. Наконец выпрямилась и прикрыла живот.

— Оу. Меня тошнит от такого количества.

Посмеиваясь Стид сел на унитаз и потянул меня к себе. Я оседлала его колени, и почувствовала его твердеющий член.

— Ты в настроении пошалить? — спросил он с подмигиванием.

Я покачала головой и напомнила:

— Твой брат и сестра в гостиной!

— За это не переживай. Кроме того, мы можем сделать это тихо. Тем более ты должна практиковаться перед переездом.

Я вскинула голову и внимательно посмотрела на него.

— Переехать?

— Да. Настанет момент, Пакс, ты будешь в моей постели каждую ночь.

— Что насчет Хлои? Как мы ей скажем, что я переезжаю, а мы не женаты?

Он улыбнулся.

— Похоже, это будет скорая свадьба, особенно если ты беременна.

Обвив руками его шею, я потерлась об него. Трение, вызванное его жесткой длинной, сводило меня с ума. Впившись пальцами в мою талию, Стид толкнулся вверх, заставив меня застонать. Он улыбнулся и покачал головой.

Боже, ощущение его члена сквозь слои одежды между нами, сводило меня с ума.

— Я хочу большего, — простонала я, прижимая губы к нему.

— Да нахрен, — пробормотал он.

Спрятав с него, я быстро скинула кеды и джинсы. Стид просто стянул свои джинсы вниз, и его длинный твердый член воспарил. Я облизала губы, и толкнула его обратно на унитаз. Быстро оседлав его, я улыбнулась и спросила:

— Надо ли использовать презерватив?

— Если ты не беременна, то может подождать?

Я пожала плечами.

— Я хочу почувствовать тебя и позволить всему случиться так, как должно случиться.

— Судьба, — тихо сказал он, проводя пальцем по моему подбородку.

— Судьба, — ответила я хриплым голосом.

Член Стида был в дюймах от меня, и я хотела его. Он потянулся вниз и проскользнул пальцами внутрь меня. Он закрыл глаза, и на его лице проступило чистое удовлетворение.

— Бляяя... — он застонал, а затем поместил член у моего входа. Медленно садясь на него, я опустила голову и закусила губу, чтобы не застонать в полнейшем восторге. Как только он вошел полностью, я замерла, позволив моему телу приспособится к члену.

— Господи... Я наполняю тебя до чертовой глубины, детка.

Я кивнула и подняла голову, мы встретились глазами.

— Двигайся, Пакстон, или я возьму на себя ответственность.

Наслаждение затанцевало в его глазах, когда я начала двигаться. Верх-вниз, медленно-медленно, и этого мне стало мало. Движения стали быстрыми и тяжелыми. Я поднималась и опускалась на Стида. Каждый раз, когда чувствовала как он попадает в точку G, мои пальцы загибались.

— Это... не... будет... долго! — задыхалась я.

— Быстрее, детка. Мне нужно чувствовать, как ты сжимаешься вокруг моего члена.

Я прикрыла рот рукой. Глаза расширились, и оргазм вырвался на свободу, проносясь сквозь мое тело. Тело Стида содрогнулось, и он прижал меня к себе, кончая. Его тело дрожало, пока он наполнял меня своей горячей спермой. Мысль об этом почти заставила меня кончить снова. Я замедлилась. Чувствовать, как он дергается внутри меня, было удивительно. Секс с этим мужчиной никогда не состарится.

— Ты знаешь, — сказал он с озорной улыбкой. — Любая другая пара ждала бы результатов тестов, прежде чем иметь праздничный трах.

— Мы не какие-то другие пары, — игриво сказала я. — И не будем.

Стук в дверь заставил меня подпрыгнуть.

— Ну?! — потребовала Амелия.

— Я жду, чтобы пописать.

Когда ручка повернулась, я запаниковала.

— Я запер ее, — прошептал Стид. Затем снял меня с себя и взял полотенце, чтобы вытереть сперму.

— Пейте воду, и побыстрее! — потребовала она через дверь.

— Перестань быть таким боссом, Мели. Если я правильно помню, тебя даже не приглашали! — заявил Стид.

Мы через дверь слышали ее сердитое сопение.

— Надеюсь, вы там не трахаетесь?

— Они трахаются? — спросил Корд по ту сторону двери.

Стид застегнул штаны и прошептал мне:

— Здесь есть окно. Мы могли бы выбраться через него.

— Я все слышала! — крикнула Амелия.

Пакстон

Я сидела на столешнице, а Стид открывал воду во всех кранах: в раковинах, ванной, душевой. Но писать не хотелось.

— Это из-за Амелии и Корда. Я не могу писать из-за стресса! — плакала я, закрыв лицо руками.

— Хочешь еще раз трахнуться? — спросил Стид. Подняв голову, я удивленно посмотрела на него. Он сверкнул своими ямочками на щеках, заставляя меня рассмеяться. И тут «она» пришла! Я спрыгнула.

— Я должна пописать.

— Я готов! — вскричал Стид, и приготовился подавать мне тесты. Мы выработали систему: пока я писала на один, Стид готовил следующий.

— Ладно, вперед!

— Господи, Пакс, я впечатлен, что ты можешь остановиться, подождать и снова начать писать.

— Я тоже! — усмехнулась я.

После того, как пописала на шесть тестов я, покраснев, подтерлась и помыла руки. Стид выключил воду в душевой и ванне, а я в раковинах. Повернулись спиной к тестам, переплели свои пальцы и стали ждать. Сделав дрожащий вздох, я посмотрела на Стида:

— Пора поворачиваться?

Он покачал головой, и сжал мою руку.

— Ждем, — обхватил ладонями мое лицо и сказал: — Неважно, что покажет тест, я люблю тебя, и всегда буду любить. Если нет, то это значит, что мы еще не готовы к этому шагу. Если да, то нас благословили за последние несколько месяцев.

Я кивнула:

— Хорошо.

Его глаза осматривали мое лицо.

— Я не хочу, чтобы ты расстроилась.

Теплое чувство всколыхнулось в груди. Он беспокоился обо мне, и как результат повлияет на меня.

— Я люблю тебя и когда думаю, что не могу любить тебя больше, ты доказываешь, что я не права. Не буду лгать и говорить, что не переживаю. Я думаю о малыше, которого мы потеряли. Боюсь, что потеряю еще одного ребенка. Я в восторге. Я чувствую множество эмоций. Разочарование не будет одним из них. Судьба. Помнишь?

Он нежно поцеловал меня с такой любовью, что клянусь, я почувствовала, как она льется в мое тело. Отступив назад, он спросил:

— Готова?

Я глубоко вздохнула и ответила:

— Готова.

— На счет три.

Я кивнула.

— Один. Два. Три.

Мы повернулись, и мои глаза начали метаться по тестам.

— Бля, это да или нет? — пробормотал Стид, глядя на один из них. Я взяла первый. «Беременная». Потом я взяла следующий. Прочитала то же самое: «Беременна».

— Это две строки! У нас две линии! — закричал Стид. — Беременна! Тут написано: «Беременна»!

Слезы жгли мои глаза, и я пыталась совладать с собой. Стид бросил тесты, схватил меня и поднял на руки.

— У нас ребенок! У нас будет ребенок! — сжал он меня, и тут же поставил на ноги и отпрянул. — Черт! Я сжал тебя!

Смеясь, я вытерла слезы.

— Это нормально. Уверена, что ребенку там хорошо и он в безопасности.

Стид сделал шаг ближе и провел пальцами по моим волосам, и по лицу.

— У нас будет ребенок, Пакс.

Я фыркнула сквозь слезы.

Поразительно!

За последние несколько месяцев, мы вернулись к началу. Мое сердце трепетало в груди.

— Сумасшедшие три месяца, да? — сказала я, пока он прижимал лоб к моему.

— Три лучших месяца в моей жизни, — тихо ответил он.

— Нам лучше пойти сказать Амелии и Корду, — хихикнула я.

Когда мы вошли в гостиную, они оба вскочили. Корд выглядел больным, и я знала, что воспоминания десятилетней давности проплывали в его голове.

— Так? У меня будет еще одна племянница или племянник? — спросила Амелия.

Я молчала, давая Стиду рассказать новость. Сжимая мою руку, он улыбнулся:

— Да, ты снова станешь тетей.

Амелия подпрыгнула, а Корд бросился ко мне. Он взял меня на руки и закрутил вокруг.

— Черт возьми! От вас двоих голова идет кругом! Ты ненавидишь его, любишь его, обручаешься! Ты забеременела!

— Это как в романтической книге! — вскричала Амелия, когда Стид выпустил ее из объятий.

— Вы счастливы? — спросили они одновременно.

— Конечно! — ответила я.

— Черт, да, я счастлив! — ответил Стид.

— Как вы думаете, как давно?

— Ну, я почти уверен, что знаю, когда мы зачали.

Амелия прикрыла свое сердце рукой.

— Как романтично! Когда?

Я ничего не могла поделать и расхохоталась. Стид тоже.

— Октябрь.

Амелия оглянулась, посмотрела вперед, перевела взгляд на нас, а затем ужас появился на ее лице.

— Моя хижина?

Стид кивнул:

— Кстати, я тебе ведь так и не вернул бандану, Мели?

День Благодарения

Мелани и мама быстро передвигались по кухне. Я не могла не улыбнуться, смотря, как они разговаривают и смеются. Я так же не могла отбросить вину, которую испытывала, что не разрешала маме разговаривать со мной о Мелани или любом из Паркеров. В конце концов она перестала проводить время с Мелани, и это разбило мое сердце. Они были лучшими подругами, и я знала Стида с раннего возраста. Наши семьи всегда путешествовали вместе. Отпуск, море, парки аттракционов, и мы с Стидом всегда были вместе. Потом однажды... мы влюбились.

Мелани положила тарелку с начинкой для индейки на столешницу и посмотрела на меня.

— Пакстон, ты в порядке?

Мои глаза поднялись от вкусной кукурузной начинки.

— Конечно! Почему ты спрашиваешь?

Она пожала плечами, затем наклонила голову.

— Ты, кажется, покраснела.

Подняв руки к щекам, я улыбнулась.

— Я чувствую себя хорошо. Просто вспоминаю, как мы проводили семейные каникулы вместе.

Мелани улыбнулась.

— Это было весело. Но все-таки. Ты уверена, что в порядке? Все, что я подготовила вчера вечером, дошло до тебя, не так ли?

— Конечно! Мне понравилось! — ответила я.

Хлоя села на стул рядом со мной.

— Пакстон провела ночь в комнате для гостей.

Моя мать и Мелани посмотрели на Хлою, а затем на меня. Маленькая вонючка сдала меня.

Я сказала Стиду, что не думаю, что должна остаться, но он хотел отпраздновать беременность, и поэтому у меня была кулинарная вечеринка с его семьей. Кроме того, Стид сказал, что он должен быть со мной. Кто я такая, чтобы сказать нет?

— Это так? — спросила мама с огромной улыбкой.

— Да. Тетя Мели тоже осталась.

Я усмехнулась. Ха! Прими это! Стид должен заплатить ей за эту маленькую услугу двести долларов.

— Да, но бедную Пакстон тошнило, когда папа забрал ее из дома. Папе пришлось остановить грузовик, и она снова заболела. Не так ли, Пакстон?

— Это не то слово, Хлоя-Кэт, — сказала я, стараясь сохранить свой голос нейтральным.

Она щелкнула пальцами и посмотрела вверх.

— Ну, почему я все время забываю это слово?

Быстрый осмотр помещения, и я увидела Амелию. Я безмолвно попросила о помощи, когда мама спросила:

— Нехорошо себя чувствовала, да?

Не. Смотри. Ей. В. Лицо.

— Да, уверена, что это было из-за вечерней еды.

Мелани наклонилась к Хлое и сказала:

— Хлоя, милая, найдешь дядю Тревора? Мне нужно, чтобы он сделал мне одолжение. Он где-то здесь.

Глаза Хлои загорелись.

— Ладно, бабушка! Пойду найду его.

Наблюдая, как уходит Хлоя, я сползла с табуретки. Строгий голос остановил меня.

— Останься на месте, Пакстон Линн Монро.

Дерьмо!

Я сделала глубокий вдох и выдох. *Веди себя нормально. Просто будь собой.*

— Вам нужна помощь? — спросила с фальшивой улыбкой. Они обе покачали головой. Мелани скрестила руки и уставилась на меня.

— Я знала! Разве я не говорила тебе несколько недель назад, Эйприл?

Что?

— Эм... Ты знала это? — спросила я смотря поочередно на обеих. — О чем ты говоришь, Мелани?

Подняв бровь, мама сказала:

— Может быть, она не знает.

— Не знаю, что? — спросила я.

— О... это может быть.

Они повернулись и молча начали готовить. Я собиралась спросить их, о чем, черт возьми, они говорили, когда почувствовала, как руки Стида оборачиваются вокруг меня. Он нежно положил руки на живот и поцеловал меня в шею.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он мягким голосом.

— Хорошо, — сказала я, подозрительно глядя на наших матерей. — Я думаю, они знают, — прошептала я. Стид усмехнулся.

— Они не могли.

Я потянула его на выход. Как только мы вышли на крыльцо, я рассказала о словах Хлои, и о реакции, что последовала.

— Думаю, они знают.

Стид пробежал пальцами по волосам.

— Думаешь, Амелия или Корд что-то сказали?

Я покачала головой.

— Нет. Они обещали, и я верю, что они не сольют.

В следующее мгновение Стид обнял меня и прошептал на ухо:

— Они смотрят в окно. Они точно знают.

— Черт. Думаешь, они будут хранить это в секрете? И как? Откуда они знают?

— Амелия сказала, что ты светишься.

Я усмехнулась.

— Нет.

Стид обхватил мое лицо мягкими теплыми руками.

— Это так.

— Это может быть потому, что я помолвлена с любовью всей моей жизни.

Глаза Стида закрылись, и я знала, что он пытается совладать с эмоциями. Открыв их, посмотрел прямо мне в глаза.

— Я знаю, что это не все. Я знаю, что мы потеряли ребенка, и в моем сердце всегда будет пустота, но часть меня думает, что я самый счастливый сукин сын за то, что получил этот второй шанс с тобой. Я и тогда был бы счастлив, если бы ты согласилась выйти за меня замуж. Но ребенок... Пакс, я как на гребаной луне, это даже не смешно. Я чувствую, что Бог дает мне еще один шанс все исправить. Когда я узнал о Хлое, я не был счастлив, — печаль была на его лице. — Я был зол, и ненавидел Ким за беременность. Но потом до меня дошло. Я никак не мог потерять другого ребенка.

Я покачала головой.

— Стид, тебе никогда не придется объяснять свою любовь к Хлое. Никогда. Все произошло не просто так, и я так рада, что она и у меня в жизни. Жду не дождусь увидеть ее лицо, когда мы скажем сегодня вечером за ужином, что поженимся.

Уголки его рта поднялись, и я был поражен этой улыбкой. Мы решили подождать и официально объявить о помолвке, хотя все знали, кроме Хлои. Стид хотел, чтобы она была с семьей, когда узнала.

— Я не могу ждать.

Он оглянулся на дом и усмехнулся.

— Хочешь повеселиться?

Я подняла брови.

— Что ты имеешь в виду?

Упав на колени, он обхватил мой живот и начал разговаривать с ребенком:

— Привет, малышка. Твои две любопытные бабушки шпионят за мной и мамой.

Мои пальцы зарылись в его темные густые волосы. Счастье расцвело у меня в груди, когда Стид разговаривал с нашим ребенком.

— Ах да, еще одна вещь. Полегче с мамочкой с утренней болезнью.

Я усмехнулась. Он посмотрел на меня.

— Они все еще смотрят?

Аккуратно я посмотрела на окна, и, закрыв рот, отвернулась. Мелани и моя мать обнимались.

— Что? — Стид встал и оглянулся.

— Думаешь, они немного счастливы?

— Я бы сказал, что они до этого были *немного* счастливы.

ГЛАВА

41.

Стид

Сказать, что этот День Благодарения был и лучшим и странным, было бы приуменьшением. Я еле сдерживался, чтобы не рассказать Хлое о женитьбе на Пакстон. К тому моменту, когда мы с Пакстон вернулись в дом, моя мать и Эйприл успокоились. Думаю, они ждали, что мы им расскажем сами, и промолчали об увиденном. Мы же решили, что дадим им потомиться несколько недель, или, пока одна из них не сломается и не спросит нас.

Потом, эта ситуация между Триппом, Митчеллом и Корин. Трипп пригласил Корин, и она пришла. Митчелл не мог оторвать от нее взгляда, а Корин делала все возможное, чтобы не смотреть на него. Даже мама это заметила.

— Что происходит между Митчеллом, Корин и Триппом? — спросила она. Я сказал, что ей нужно спросить Митчелла. Я ни за что не хотел быть втянутым в это. Но я заметил, что мама назвала Корин «подружкой Триппа». Думаю потому, что так ее представил Трипп.

— *Мама, папа, это моя подруга Корин. Она из Чикаго и ее родители уехали отдыхать, и ей некуда идти.*

На лице Корин было полное смущение, и я ждал, что Пакстон ударит Триппа по яйцам. Ей и не нужно было. Корин сделала это сама, дав понять, что она «подружка» именно Пакстон.

— *Мистер и миссис Паркер, спасибо за приглашение. Пакстон рассказывала столько замечательных вещей о вас обоих.*

— *Ты знаешь Пакстон?* — моя мать наклонила голову.

Корин широко улыбнулась.

— *Мы вместе учились в колледже, и она попросила меня переехать сюда, чтобы занять должность учителя первого класса.*

Сначала мама оглянулась на Триппа, а затем перевела взгляд на Корин и улыбнулась.

— *Ну, мы рады, что ты присоединилась к нам, Корин.*

— Внимание! Ужин готов! — прокричала мама.

Зайдя в официальную столовую, мой желудок скрутило, когда увидел, как Пакстон помогает Хлое устанавливать миску с картофельным пюре на столе. Хлоя стояла на деревянном стуле, и Пакстон передавала ей чашу, показывая, куда ее поставить. Затем она высоко подхватила Хлою и обняла. Она будет удивительной матерью. Она уже была ею для Хлои, хотя и понятия не имела. Хлоя больше не была моей дочерью, она была нашей. Трипп подошел к Корин и слегка поцеловал ее в щеку. Она поправляла цветочную композицию в центре массивного стола из пекана, что отец сколотил несколько лет назад. За ним спокойно могли рассесться двадцать человек, широко расставив локти. Папа сказал, что ему нужен большой стол, ведь его дети скоро поженятся. Хлоя дернула меня за рубашку:

— Папа, я могу сесть между тобой и Пакстон. Хорошо?

Я поднял ее и поцеловал в щеку, заставляя хихикать.

— Конечно, тыковка!

Когда я поставил ее на ноги, она побежала в Триппу.

— Дядя Трипп! В следующем году я пойду на охоту за индейкой вместе с тобой!

Трипп опустился до уровня Хлои и широко улыбнулся.

— Я думаю, это будет кстати! В этом году нам понадобилось две индейки. Я мог бы воспользоваться твоей помощью.

Хлоя щелкнула пальцами и сказала:

— Черт!

Трипп рассмеялся, дернул Хлою за хвост и чмокнул в кончик носа. Корин стояла в стороне и наблюдала за ними. Оглядевшись, я заметил Митчелла у противоположного конца стола. Наконец, все уселись на свои места. Моя мать поставила индюшку на стол и прочистила горло.

— Хорошо, вся еда на столе, но у нас есть одно объявление.

Быстро вытащив телефон, я отправил короткий текст.

— Стид? — кивнула мама.

Я приобнял Хлою, а потом встал и поднял Пакстон. Мы держались за руки, и я почувствовал обручальное кольцо Пакстон. Она сняла его, как только Хлоя вернулась домой прошлой ночью, и только сейчас его снова надела.

— Мы с Пакстон хотели объявить, что мы женимся.

Хлоя вскочила на стул и сосредоточилась на мне. Слезы заполнили ее глаза. Она повернулась и посмотрела на Пакстон. Подняв ладонь Пакстон, я показал кольцо Хлое. Мое сердце билось в горле, пока моя дочь обнимала Пакстон. Я не удивился, что она так быстро влюбилась в нее. Учитывая как много времени они проводили вместе. Когда Хлоя уселилась на свой стул, она плакала. Это меня удивило. *Реально. Рыдала.*

— Это значит... что ты моя мама... теперь? Пожалуйста, скажи «да»! Пожалуйста, Пакстон.

Это не заняло много времени, то, что на глаза Пакстон навернулись слезы. Она кивнула, пока не смогла найти слов.

— Да, Хлоя-Кэт. Я буду твоей мамой.

Хлоя заплакала еще сильнее, повернулась ко мне и бросилась в объятия. Я не знал, как справиться с ее реакцией. Я знал, что она будет счастлива, но не думал, что у нее начнется истерика. Это заставило меня понять, насколько моя дочь тосковала по матери.

Она наконец-то отпустила меня. Пальцами я вытер ее слезы. Сердце болело при их виде. Счастлив я или нет, они убили меня.

— Тыковка, я не хочу, чтобы ты плакала.

Она кивнула.

— Я так счастлива, папа. Это самый счастливый день в моей жизни.

Несколько всхлипов раздалось в комнате. Амелия плакала. Корин тоже вытирала уголки глаз, стараясь изо всех сил не расплакаться. Мама, сидящая напротив, улыбалась,

но слезы текли по ее лицу. Мой отец наклонился и стер их, потом взял ее руку и поцеловать. Эйприл тоже плакала, а Дэвид приобнимал ее за плечи. Мое сердце стучало в груди. Мы были дома, и моя дочь окружена самыми удивительными людьми на планете. Я был благословлен иметь такую семью.

Раздался звонок в дверь. Прочистив горло, я сказал:

— Это мой второй сюрприз.

Я посмотрел на Пакстон, она подмигнула.

— Кто это, папа? — спросила Хлоя, вытирая нос рукавом.

Я поднял палец и сказал:

— Держитесь.

Выбежав из столовой, я открыл входную дверь. Приложил палец ко рту, но моя сестра Вайелин обняла меня.

— Я так по тебе скучала, — сказала она мне в шею. Сильно сжав ее, я закружила ее и поставил на пол.

— Я тоже скучал по тебе. Пошли. Мама с ума сойдет, — за руку я привел ее в столовую.

— Посмотрите, кого я нашел у двери.

Все повернулись, и шокированное выражение распространилось по их лицам, ну, кроме Пакстон. Она была замешана в плане, доставить Вайелин сюда. Моя мать вскочила. Она прикрыла рот рукой и неверующе покачала головой. Рядом поднялся отец.

— Вайелин? — спросил он, дрожащим голосом.

— Черт возьми! Ты дома! — вскричала Амелия, и бросилась к сестре. Хлоя, наконец, поняла, что это Вайелин, спрыгнула со стула и бросилась к ней. Я отошел назад и позволил всем поочередно обнять и поцеловать Вайелин. Подошел к Пакстон, она улыбнулась:

— Когда происходит нечто удивительное, я говорю, что это лучший день в моей жизни. Такими темпами у меня будут сотни лучших дней в жизни!

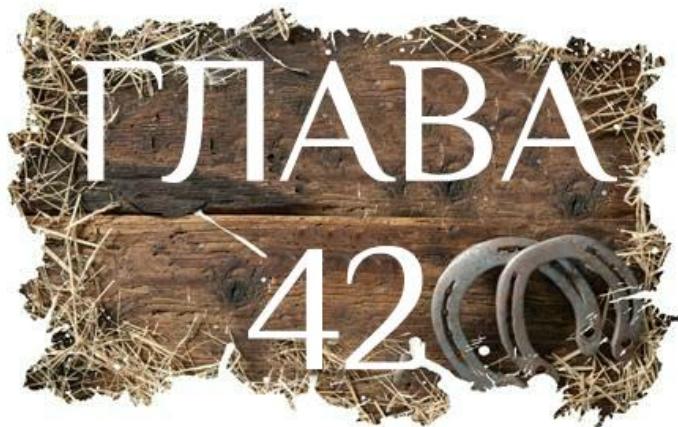
— Я понятия не имел, что Хлоя вот так расплачется.

Пакстон тепло посмотрела на меня.

— Это было прекрасно. Мокро, и по-настоящему. Не думаю, что видела ее такой взволнованной.

Наклонившись, я прошептал:

— Подожди, пока она не узнает о ребенке!

Пакстон

Я обошла класс и посмотрела на рисунки, что рисовали дети. Темой было: Пожелание на Рождество. Я хотела бы задать тему «Зимние каникулы, но сдержала себя. Я и так была слишком счастлива. По мере того как проходила по рядам класса, я широко улыбалась. Если бы наступающие Рождественские каникулы прошли подобно Дню Благодарения, было бы много смеха и немного слез радости.

Вайелин приехала всего на два дня, к разочарованию ее семьи. Ей нужно было вернуться в Нью-Йорк субботу, чтобы присутствовать с мужем на благотворительном мероприятии. Вайелин, Хлоя, Амелия, и я провели пятницу в Сан-Антонио. Шоппинг и маникюр. Это было нечто! Хлоя сразу влюбилась в тетю Вайелин, а вот в глазах Вайелин, было что-то... Натянутая улыбка, что она носила весь день, оставила желание поговорить со Стидом об этом. Она не казалась счастливой, и даже Амелия заметила это.

Кашель одного из детей, выдернул меня из моих мыслей. Остановившись у стола Тимми, я взглянула на его рисунок и попыталась сдержать смешок. Это был рисунок, на котором он держал за руку Хлою. В сердце потеплело. Бедный ребенок. Он понятия не имел, что Стид никогда не допустит, чтобы это желание сбылось. Я прикрыла рот, чтобы не рассмеяться над тем, как Стид прореагирует, когда я расскажу ему об этом.

Обойдя класс, я остановилась и посмотрела через плечо Хлои. Она была глубоко в своих мыслях, а карандаш скользил по бумаге. Это был рисунок поля. Ранчо, я полагаю. Хлоя сидела на лошади с огромной улыбкой на лице, и мы со Стидом стояли в стороне. Дыхание перехватило в горле. Она нарисовала меня с большим животом и рукой Стида на нем. Мой живот был окрашен в розовые и голубые цвета. Я сделала несколько шагов назад, прежде чем взяла себя в руки. Не может быть, что она знает. Стид и я никому не говорили о беременности. Кроме Амелии, Корда и наших матерей. Мы, вообще-то, не «говорили» и нашим матерям. Никто больше не знал. Мы собирались сделать объявление в Рождественский вечер. Я сделала шаг вперед и посмотрела на рисунок. Да, я выглядела беременной. Почему только живот был наполовину розовый и наполовину голубой?

Понимание ударило меня. О, Господь! Она надеялась на близнецов.

Близнецы. Я развернулась, сдерживая дрожь. Почему я не подумала о близнецах? Дыхание сперло, и я закрыла глаза. Глубокий вдох. Глубокий выдох.

Близнецы? О, Господи!

— Мисс Монро, вы в порядке?

Открыв глаза, я посмотрел на маленького Рикки.

— Эм... да. Я в порядке.

Мой внутренний классный телефон начал звонить. Я дошла до него, отодвинув мысли о близнецах далеко из своих мыслей. Очень далеко.

— Да! — сказала я веселым голосом.

— Пакстон, я посыпаю миссис Хаас в класс тебе на замену. Мне нужно, чтобы ты подошла в офис.

Миссис Хаас, заместитель директора? Это нехорошо. Сердце застучало, когда я посмотрела на открывшуюся дверь в класс. Миссис Хаас вошла и улыбнулась мне, но ее глаза сказали мне, что что-то не так.

— Конечно, — сказала я в трубку, — миссис Хаас вошла, и я уже иду.

Повесив трубку, я крикнула детям речевку:

— Бритье и стрижка...

— Ни к чему! — ответил класс одновременно. Все глаза были устремлены на меня.

— Класс, я должна бежать в офис, но миссис Хаас меня заменит, она поможет вам работать над своими проектами. Вы продолжайте рисовать, и когда я вернусь, мы поговорим о них. Тогда настанет время историй.

Дети закивали, а некоторые ответили:

— Да, мэм.

Когда я прошла мимо миссис Хаас, она схватила меня за запястье и вытащила из класса.

— Я чувствую, что тебе нужно предупреждение о том, что происходит.

С трудом сглотнув, я спросила:

— Да?

Школа узнала, что я беременна? Невозможно... А может кто-то увидел, как я купила тест? Или пошел слух с кабинета врача? Нет, невозможно... Что если Хлоя озвучила свои мысли о ребенке. Черт!

— Мама Хлои в офисе... Устроила сцену.

Я смотрела на нее, не уверенная, правильно ли расслышала. Руки накрыли рот, и страх ударил под дых.

— Что?

— Я уже звонила Стиду, но он не ответил. Я вспомнила, что в документах Хлои указано, что ее матери не разрешено контактировать с ней. Проверила и оказалась права. Прости, Пакстон. Мы не знаем, что делать. Я думаю, ты не хотела бы сцену с полицией.

Убрав руки ото рта, я сделала в глубокий вдох.

— Нет, ты поступила правильно. Я скоро вернусь.

Она кивнула и зашла в класс, исчезая по ту сторону двери. Я должна была быть растеряна, но часть меня была вне себя от злости, что у этой женщины хватило смелости показать свое лицо в школе Хлои. Я практически бежала по коридору, мои каблуки стучали по кафельному полу, и мое сердце стучало в ушах. В офисе, Мардж, администратор, указала на конференц-зал мистера Хайнса.

— Мардж, позвоните Митчеллу и скажите ему, что происходит. Если не сможете с ним связаться, позвоните в полицию.

— О, хорошо. Конечно-конечно.

Не знаю, где взяла смелость и отрастила яйца, но я толкнула дверь и вошла. Она сидела там...

Женщина, которая была замужем за Стидом. И родила ему ребенка. Она была красивой. Светлые волосы стянуты в аккуратный пучок, прекрасно сделанный макияж был немного тяжеловат, но ей шел. Кроваво-красные ногти стучали по столу, но остановились, когда я вошла. Ее глаза осмотрели меня, ненависть сочилась со всех пор ее тела.

— Ким, — сказала я с коротким кивком.

Ее глаза прищурились, затем широко открылись. Она удивилась, что я назвала ее по имени.

А потом, она узнала меня. Стид говорил, что у него в портмоне была моя фотография, и когда Ким нашла ее, то хотела сжечь.

— Ты, должно быть, шлюха, по которой мой муж сохнул все эти годы.

Мистер Хайнс возмущенно поднялся со стула, но я подняла руку, чтобы он успокоился.

— Не знаю, что вы здесь делаете, но вам нужно уйти, прежде чем мы вызовем в школу полицию.

Она подняла брови.

— Ты даже не собираешься отвечать на то, что я назвала тебя шлюхой?

— Вам был выдан судебный запрет, держаться подальше от Хлои.

Ким вскочила, пытаясь запугать меня.

— Она моя дочь, так что отойди, шлюха.

— Все, достаточно! Мардж звонит в полицию, — мистер Хайнс вышел из конференц-зала.

Я знала, что они не хотят устраивать сцену, но если в школе появлялся родитель с запретительным ордером, то они немедленно должны звонить в полицию. Я хотела сказать об этом мистеру Хайнсу, но он и сам это понял. А пока, я буду иметь дело с этой сучкой. Опершись руками на стол, я посмотрела ей в глаза.

— Напомню, что ты подписала отказ от родительских прав на Хлою. Ты не имеешь права на нее. Ты — никто.

Ее глаза задергались.

— Он врал мне. Как только я узнала, что засранец вернулся в Техас и живет на плантации богатого папочки, я вылетела первым же рейсом. Я хочу, чтобы он вернулся, и хочу, чтобы Хлоя вернулась. Я передумала.

Я вскипела.

— Во-первых, это ранчо, а не плантация. И деньги, не ветром надуло. Во-вторых, он не хочет тебя, и Хлоя тоже.

— Посмотрим. У меня нет намеренья уходить.

Эта женщина делала жизнь Стида и Хлои адом все эти годы. Теперь, когда она увидела деньги, ее бредовый ум надумал, что она может вернуться в их жизнь, как будто ничего не произошло.

— Знаешь, — продолжила она, — мы трахались как кролики. Все время. Особенно было хорошо, когда я забеременела. Он ласкал мой живот, входя и выходя из меня, говоря, как счастлив из-за ребенка.

Я знала, что это ложь, но в груди вспыхнула боль.

Aх! Ты! Сука!

— Интересно... Пакстон, он трахает тебя сзади? Это его любимая поза.

Мне надоела эта сумасшедшая задница. Обходя стол, я направилась к ней. Моя реакция застала ее врасплох, и она начала отступать.

— Наверное, потому, что он не мог смотреть на твоё лицо.

Она стала задыхаться и дергаться, словно я ударила ее.

— Слушай сюда, и слушай внимательно, Ким. Он никогда не был твоим, он никогда не будет твоим, и если ты не уберешься отсюда, и появишься в пределах видимости Стида или Хлои, я позабочусь, что остаток своей жизни ты проведешь в тюрьме.

Она стояла передо мной безмолвно, а я чувствовала, как растут мои дамские яйца. Медленная улыбка появилась на моем лице.

— Я упоминала, что мой будущий шурин — лучший сотрудник правоохранительных органов штата Техас? Я не знаю, как дела в Орегоне, но здесь, в Техасе, все решается на более... личном уровне. Семья на первом месте.

Ее глаза расширились.

— Ты угрожаешь мне?

— Я не угрожаю, Ким. Ты можешь поставить на кон свои фальшивые сиськи и ресницы, что каждое слово, которое я говорю, высечено на камне. Я люблю Стида и Хлою, и я рискну своей жизнью за их счастье. Так что я предлагаю тебе убрать свою тошную задницу из штата Техас, и никогда сюда не возвращаться. Потому что если ты сделаешь это... я лично надеру тебе задницу и отволоку в тюремную камеру.

Где-то на середине моей речи, я слышала, как открылась и закрылась дверь, уверена, это вернулся мистер Хайнс. Я была морально готова к увольнению, но эти слова того стоили. Эта сучка никак не могла вернуться в жизнь Хлои и Стида, и мне было что сказать об этом. Развернув плечи, она посмотрела мне в глаза:

— Ну, что ж. Это того не стоит. Они, этого не стоят. Удачи, дорогая.

Схватив сумочку, она обошла меня и остановилась. Кривая улыбка пересекла ее лицо.

— Это кольцо Стида у тебя на пальце?

Я улыбнулась.

— О, да! И я открою тебе еще один маленький секрет. Я ношу его ребенка.

Ее рот раскрылся, и гнев наполнил глаза. Потом она рассмеялась:

— О, Иисус Христос. Это прекрасно! Ему не понадобилось много времени, чтобы отыметь тебя. Ну, я думаю, нет смысла горевать. Может, я найду нефтяного миллиардера здесь, в Техасе, — она закатила глаза и фыркнула. — Какая пустая трата семи лет. Надеюсь, тебе понравятся растяжки, которые оставит маленький ублюдок. Этот ребенок изменил мое тело, и я никогда не вернусь к тому, каким оно было до того, как ее вытащили. Эти отходы.

Ее слова ошеломили меня. Она оттолкнула меня и вышла за дверь. Я не могла двигаться. Чувствуя тошноту, я медленно выдохнула.

— Не могу поверить, что она сказала это.

Мистер Хайнс стоял с ужасным видом. Положив ладонь на живот, я еле слышно сказала:

— Она более мерзкая, чем я себе представляла.

До меня дошло, что он слышал, как я сказала, что беременна. Наши глаза встретились, и он кивнул.

— Хорошо, поговорим после, Пакстон.

Черт. Она стоила мне моей работы. Единственное, что я могла сделать, это кивнуть.

— Мне... Мне лучше вернуться в класс.

Чувствуя онемение, я вышла из зала и прошла через офис в коридор. Митчелл и Стид ворвались через входную дверь школы, заставив меня остановиться.

— Она ушла, — сказала я.

Я вдруг почувствовала что устала. Истошена на самом деле. Вся моя энергия, исчезла. Стид изучал меня, его глаза бродили по моему телу.

— Ты в порядке?

— Ты знаешь, на какой машине она приехала? — спросил Митчелл.

Встряхнув головой, я прошептала:

— Нет.

— Это был BMW. Я записала номерной знак, — сказала Мардж.

— Отлично! Я найду ее. Эта сука отправится в тюрьму за нарушение судебного запрета.

Стид, не отрывая от меня глаз, сказал Митчеллу:

— Хорошо. Я хочу, чтобы она оказалась в тюрьме, с ясным посланием, больше никогда не ступать ногой в Техас.

Я заставила себя улыбнуться.

— Я почти уверена, что она получила это сообщение. Стид, я не очень хорошо себя чувствую...

ГЛАВА

43

Стид

Зайдя в комнату, я сжал кулаки, увидев Ким, сидевшую за столом. Митчелл закрыл дверь и встал сбоку.

— Ты меня арестовал? — вскричала Ким.

Я усмехнулся.

— Ты нарушила закон. Конечно, тебя арестовали.

Ее взгляд бегал между Митчеллом и мной.

— Ты специально это сделал.

— Нет, ты сделала это. Ты отказалась от каких-либо прав на Хлою. Я получил судебный запрет против твоей задницы, а ты его проигнорировала.

— Ты незаконно получил его.

Смеясь, я покачал головой.

— Думай, что хочешь, Ким. Я скажу тебе это только один раз. Если ты когда-нибудь вернешься в штат Техас, я прослежу, чтобы ты сгнила в тюрьме.

Она подняла брови.

— И как именно ты это сделаешь?

Опершись на руки об стол, я наклонился ближе.

— Мои родители — одна из самых богатых семей Техаса. Мой брат — техасский рейнджер. Если ты хоть на мгновение сомневаешься, что я смогу сделать твою жизнь адом, ты сумасшедшая.

Ее горло дрогнуло, когда она сильно сглотнула.

— После того, как ты проведешь вечер здесь, в нашей милой тюрьме, я ожидаю, что твоя задница улетит на первом же самолете из штата. Не испытывай меня, Ким. Я слишком долго терпел твое дермо.

Ее глаза сузились в две тонкие щелки.

— Я даже не могу передать тебе, как сильно тебя ненавижу.

Я приблизился ближе, заставив ее откинуться назад.

— Взаимно, Ким.

Я налил кружку кофе, пробежался пальцами по волосам, и посмотрел в окно кухни. Тяжесть наполнила мою грудь, и я старался изо всех сил ее оттолкнуть. Мой разум метался весь день и вечер. Все из-за дерма с Ким. Я не мог поверить, что у нее хватило смелости явиться в школу Хлои. Неужели она действительно думала, что там просто отдадут ее? Конечно думала. Она ни разу не отвела и не забрала Хлою из детского сада.

Ким понятия не имела, как все это работает, потому что оставила все это мне. Однажды она отвезла Хлою на спектакль и забыла забрать ее. Администрация вынуждена звонить мне, чтобы я забрал ее. Я был рад, что Митчелл ее арестовал. Хотел бы я быть мухой на стене и наблюдать как она сидит в камере. Усмехнувшись, я покачал головой и потер сзади шею. Какой идиот.

— Привет, как Пакстон? — спросила Амелия, заходя в кухню.

— Я даже не слышал, как ты вошла в дом.

Она усмехнулась.

— Да, я вроде как пробралась внутрь. Я не была уверена, спиши ты или нет.

Напряженность в шее возросла, и я снова потер ее.

— Пакстон хорошо справляется. Доктор осмотрел ее и заверил нас, что с ребенком все хорошо, но лучше, если Пакстон возьмет следующие несколько дней, чтобы отдохнуть.

— Хорошо, что ребенок в порядке, — ответила она.

— Да. Это очень хорошо. К счастью, осталось только полдня в школе, а потом рождественские каникулы и все такое.

Она обняла себя.

— Это точно.

Отойдя, она улыбнулась и взяла кружку. Налила себе чашечку кофе и спросила:

— Хочешь посидеть на заднем крыльце?

Я пожал плечами.

— Конечно. Почему бы и нет.

После того, как мы устроились на крыльце, мы посидели молча в течение нескольких минут. Звуки природы всегда успокаивали меня. Почему я не сижу здесь чаще? Я сделал мысленную заметку, чтобы сидеть здесь каждый вечер с Пакстон.

— Пакстон уже переехала?

— Она собирается во время каникул, но и сейчас практически живет здесь.

— Что думает Хлоя?

Я улыбнулся.

— Мы с Пакстон говорили с ней об этом. Хлою, похоже, это совсем не беспокоит.

— Все будет проще, когда вы поженитесь, я уверена.

Сделав глоток кофе, я кивнул.

— Говоря о свадьбе, вы назначили дату?

— Чем быстрее, тем лучше. Пакстон беспокоится о своей работе. Сегодня ее босс услышал, как она сказала Ким что беременна. Он сказал ей, что они поговорят после каникул.

Амелия подняла брови.

— Да ладно?! Ради Бога, это не пятидесятые. У многих людей есть дети вне брака.

— Но не педагоги детского сада в маленьком городке Техаса.

— Тогда женитесь на каникулах. Она родит ребенка в июле. Конечно, люди будут сплетничать, но какая разница, что думают люди.

— Нет.

— Господи! Странно, когда люди узнали, что я пишу романтические книги, языки в этом городе вихлялись как сумасшедшие. Я думала, что папа полетит через стойку, когда кассир в банке упомянул, что я написала порно-книгу. Ты просто вольешься в их систему. Они будут сплетничать на своих еженедельных группах игры в карты и церковных собраниях в среду, а затем они перейдут к свежим сплетням. Это цикл.

— Ты права.

— Конечно. Но... В общем, кроме того, что я зашла проверить Пакстон, у меня есть идея. Вообще-то, это идея Вайелин. Я только что разговаривала с ней.

— О, черт. Когда мои две сестры собирали свои мысли вместе, это обычно означало неприятности. Дважды Амелия и Вайелин были на грани быть брошенными в тюрьму,

когда Амелия отправилась в Нью-Йорк, чтобы посетить сестру. Муж Вайелин, придурок, пытался запретить Вайелин видеться с Амелией, и она послала в... и велела хорошо потрахаться.

— Хочу ли я знать?

— Да, я думаю, хочешь. Когда Вайелин была в городе на День Благодарения, и мы все сидели на маникюре, Пакстон упомянула, что она всегда мечтала о зимней свадьбе в Рождество. Праздничная иллюминация и праздничное настроение — идеальное время, чтобы выйти замуж.

— Да, она упоминала об этом раньше.

— Ну что ж! Хорошо!

Я сузил глаза на младшую сестру.

— Ну, что ж?

— Ты женишься на Рождество!

Глядя на нее, как на сумасшедшую, я расхохотался.

— Конечно, ведь это так легко, спланировать свадьбу за... — я посмотрел на часы, — пять дней.

Улыбка расцвела на ее лице, которая на самом деле напугала меня.

— Ты доверяешь мне и Вайелин?

— Конечно. Нет, подожди! — я поднял руку. — Доверяю вам с чем?

— Планировка свадьбы. Мы можем удивить Пакстон. Подумай об этом, Стид. Вы оба хотите пожениться, ни один из вас не хочет стресса, и это же идеально, что все спланируют за вас? Таким образом, вы двое можете сосредоточиться на ребенке, Хлое, и ваших отношениях!

Я откинулся на спинку стула, переваривая.

— Где можно провести?

— Здесь. На ранчо у мамы и папы. Я уже говорила с Эйприл и Дэвидом. Они были в восторге от этой идеи, и рады помочь.

Это заставило мое сердце парить.

— В канун Рождества ты говоришь? — спросил я с усмешкой.

— Да. Я уже проверила погоду, и она будет прекрасной.

— Вайелин полетит к нам?

Ее улыбка дрогнула.

— Она все равно возвращается домой на Рождество. Джек уезжает на деловую встречу в Лондон, и предупредил, что поедет один.

— Ублюдок, — пробормотал я.

— Это точно! Но эта история не для этого дня, — добавила Амелия.

Наклонившись вперед, я положил руки на колени. Чем больше я думал об этом, тем лучше это выглядело. Пакстон быстрее стала бы моей. Моя жена. Мама Хлои. Свадьба без стресса. Мы уже оставили заявление у мирового судьи, так что я знал, что она не будет расстроена. Я наклонил голову и улыбнулся сестре.

— Давайте сделаем это.

Амелия опустила кружку кофе и начала прыгать.

— Боже мой, Стид! Обещаю, ты не пожалеешь об этом! Я клянусь, мы сделаем церемонию особенной для вас троих!

Поднявшись, я втянул сестру в свои объятия. Мне понравилось, что она включила Хлою в наш союз.

— Я знаю, что так и будет, Мели. Я просто рад, что вся семья будет здесь на Рождество.

— На вашей свадьбе тоже, — прошептала она.

— Привет, Амелия.

Мы оба обернулись к Пакстон.

— Почему ты встала? Ты должна отдыхать, — нахмурился я.

Она одарила меня сексуальной улыбкой.

— Доктор сказал, что все в порядке. Я уверена, что именно из-за стресса чувствовала себя плохо. Сейчас чувствую себя отдохнувшей.

Амелия хлопнула.

— Тогда ты не против, пойти со мной наряжаться?

Пакстон сщурила глаза на мою сестру.

— Да?

— У меня назначен ужин, и подруга Вайелин прислала несколько платьев на примерку. Что может быть веселей, чем примерка дизайнерских платьев? Я даже принесу их сюда, чтобы Стид не ругался.

Я смотрел, как засветились глаза Пакстон.

— О! Это было бы весело. Тем более что скоро мне будет не до примерок, — Пакстон погладила живот.

— Отлично! Я побежала в дом, захватив их, а потом вернусь.

Пакстон кивнула.

— Хорошо, это дает мне время, чтобы что-нибудь поесть.

Это был сигнал для меня. Бросившись к Пакстон, я спросил:

— Что ты хочешь съесть, тыковка? Я все сделаю.

Ее голубые глаза наполнились слезами, и я был удивлен, когда она обняла меня.

— Мне так жаль, что вы с Хлоей столкнулись с этой ужасной женщиной.

— Эй, посмотри на меня. То, что она подготовила для тебя, было плохо. Да и с нами обоими она не была таким уж и чудовищем. Я защищал Хлою. А вот тебе, она попыталась причинить боль, и ей это удалось. Не позволяй ей даже забираться в твой ум.

Кивнув, она с трудом сглотнула.

— Я ненавижу, что реагирую так на нее. Меня просто сбила с толку ее ненависть

Гнев по отношению к Ким пульсировал во мне. Я ненавидел ее. Ненавидел, что она добралась до Пакстон. В то же время, я был так рад, что Хлоя не видела ее. Положив руку на щеку Пакстон, я наклонился и нежно поцеловал ее.

— Она больше никогда не будет беспокоить тебя и Хлою. Клянусь Богом.

Она улыбнулась, положив руку на мою.

— Я знаю. Спасибо, что успокоил меня.

С подмигиванием я ответил:

— Да ладно тебе. Давай-ка накормим тебя.

Пакстон

Что-то происходит. Я поняла это на днях, когда Амелия заставила меня примерять красивые платья из Нью-Йорка. Это не насторожило бы, не будь они все белыми. Каждое. Различные оттенки белого (моя мама была бы в восторге!). Или то, что они были моего размера. Я усмехнулась, вспоминая как Амелия прокомментировала:

— Это безумие, что она отправила их все в твоем размере!

Мы с Амелией были одного размера, только моя грудь была немного больше.

Хлоя прибежала в библиотеку.

— Пакстон! Вот это Сочельник! Бабушка только что позвонила папе и сказала, что Корд едет на ранчо с тетей Вайелин! Она снова приехала!

Я посадила Хлою на мои колени и поцеловала в лоб.

— Это так здорово! Я так рада, что она будет здесь!

— Да, и бабушка сказала, что мы все сейчас собираемся и делаем прически!

Моя улыбка дрогнула. Да?

— Все мы?

Она кивнула.

— Да. И я знаю секрет. Б-О-Л-Ь-Ш-О-Й секрет — она произнесла как заклинание.

Я усмехнулась.

— Да? И какой? Ну-ка расскажи своему учителю.

Глядя на меня со смущенным выражением, она рассмеялась.

— Ты такая смешная! Но... мой секрет огромен.

Хлоя широко раскинула руки. Сузив на нее глаз, я спросила:

— Такой? И в чем секрет?

Хихикнув, она прикрыла рот ладошкой.

— В тебе!

Мой желудок скрутило. Все обретало смысл. Платье. То, как Стид сегодня нервничал. Телефонный разговор, который я случайно услышала, о том что он заплатит сумму вдвое, если они смогут что-то сделать в Сочельник. Теперь прическа.

— И еще, мы будем делать все прически, чтобы... — она задумалась вспоминая. — Правильно... чтобы сбить тебя с толку, сказала бабушка!

О, как я любила своего маленького Не-секретного хранителя.

— Хлоя, твой пapa планирует сегодня что-то важное?

Она покачала головой.

— Да, сегодня вечером! И после сегодняшнего вечера, я буду звать тебя мамочкой, — спрыгнув с колен, она выбежала из комнаты, но оглянулась в дверях. — Посмотри, насколько я хороша в хранении тайн! Я даже не сказала тебе большой секрет, что ты и пapa женитесь сегодня!

И так, она скрылась за дверью. Я вскочила. Женитесь? Сегодня? Мое сердце начало стучать, и я не могла сдержать улыбки. Схватила телефон и отправила сообщение двум разным людям.

Я: Как Чикаго?

Корин обычно отвечает быстро.

Корин: Чикаго?

Усмехнувшись, я набрала ответ.

Я: Да, Чикаго. Ты вчера ведь улетела домой?

Она не ответила. Корин не могла соврать. В ее ДНК, не было гена лжи. Не то что лжи, даже выдумки. Ничего. Она буквально неспособна лгать. Следующий текст:

Я: Счастливого Рождества! Не хочешь со мной и папой пойти сегодня вечером посмотреть на иллюминации?

Ответ моей матери был мгновенным.

Мама: Что?! Иллюминации?

Я прикрыла рот, чтобы не рассмеяться. О. Это весело.

Я: Что? Было бы весело. Мы не делали этого в течение многих лет, и я уверена, Хлое понравиться!

Мама: Может быть, завтра или послезавтра? Сегодня не получится.

Поднимая бровь, я коснулась пальцем по ее номера. Давайте поднимем градус. После двух гудков, меня послали на голосовую почту. Боже мой, мама послала меня на голосовую почту.

Я: Ты послала меня на голосовую почту, мама!

Мама: Я на встрече. Не могу говорить.

Я: Какая встреча?

Мам: Насчет новой городской площади.

Я нахмурилась. Черт. Тут был смысл. Моя мать была в Комитете улучшения центра города Оук-Спрингс. Наш маленький городок всегда был полон туристов, их привлекала река Фрио и причудливые магазинчики. Популярность бара Корда доказала, что городскую площадь можно преобразовать. Комитет этим и занимался. В настоящее время разрабатывались планы по привлечению нового бизнеса и превращению города в официальный туристический город. У нас уже были люди, приезжающие на реку Фрио, нам просто нужны были способы удержать их, и заставить их тратить свои деньги.

Я: Окей. Ну, может, я возьму лошадь. Стида нет, только я и Хлоя. Мы можем организовать пикник или еще что-нибудь.

Мама: Нет! Мелани планирует собрать вас всех, чтобы сделать прически. Ты не слышала? Вайелин приезжает, и ты знаешь, как эта девушка любит прихорашиваться.

Я: Я не в настроении для этого.

Зазвонил телефон, и я чуть не выскочила из кожи.

— Привет, мам.

— Пакстон, пожалуйста, сделай мне одолжение.

— Ладно, — ответила я, пытаясь говорить нормально.

— Иди с Мелани. Она очень хочет провести время со своими девушкиами.

— Мам, я знаю.

— Ну, я просто говорю. Ты и Хлоя теперь в ее жизни, и Вайелин приедет, она просто счастлива.

— Мам. Я знаю.

Ответом мне была тишина, потом она наконец-то заговорила:

— Знаешь что?

— Свадьба. Хлоя все рассказала.

Она приглушила микрофон, и сказала что-то кому-то в сторону, а потом вернулась ко мне.

— Не двигайся. Мы уже едем.

Когда я услышала гудок, я отдернула телефон от уха, и неверяще посмотрела на него. Она прервала разговор!

Я еще не знала, что всего час спустя наш дом будет полон людей, которых я любила. Вайелин, к моему удивлению, прилетела прошлым вечером. Корин не уезжала в Чикаго, и ночевала в главном доме вместе с Вайелин и Амелией.

Я не собиралась лгать, мои чувства были немного уязвлены, что я не стала частью этого, но Корин сказала, что это была ночь планирования свадьбы. Большее время я кайфовала. Лучший друг Мелани, владелец парикмахерской и СПА в городе, делал мне педикюр, пока Амелия красила ногти на руках. Вайелин крутила мне волосы, пока мама и Мелани спорили о платье, которое я должна надеть. Амелия уменьшила количество до трех, которые понравились и мне.

— Разве я не должна выбрать? В смысле, то что я знаю о свадьбах и все такое?

Амелия оглянулась через плечо.

— Мам, серьезно, Пакстон должна сама выбрать платье. Я сильно сомневаюсь, что папа и Дэвид спорят о том, что наденет Стид.

Они обе хмурились. Я уже знала, какое платье выберу. Платье от Рене Руис (Прим. Rene Ruiz). Платья из Нью-Йорка, которые я мерила, хотя и были восхитительными, но в них я выглядела как принцесса. Платье от Оскар Де Ла Рента, мне понравилось, но посмотрев на ценник с десятью тысячей долларов, я рассмеялась. Амелия настаивала на нем, но мне больше понравился гораздо менее дорогой Рене Руис.

Наконец, казалось спустя несколько часов, настало время выбирать платье. Подойдя к вешалке с тем, что я выбрала, я улыбнулась.

— Я знала, что ты выберешь Рене Руис. Это классический и захватывающий вариант, — сказала Амелия с огромной улыбкой. — Ладно! Всем выйти кроме Пакстон, Корин и Хлои.

Глаза Хлои засветились, как рождественское утро.

— Я останусь?

— Конечно, Хлоя-Кэт. Мне нужны две подружки невесты, чтобы помочь одеться.

Можно подумать, я подарила ей весь мир. Я поймала взгляд Мелани и улыбнулась. Она вернула мне улыбку и прошептала:

— Спасибо.

Я наблюдала, как все выходили из комнаты.

Я выхожу замуж. Срань! Господня!

Положив руку на живот, я несколько раз вздохнула, чтобы успокоить нервы. Наконец-то это произошло. Взяв Хлою за руку, я привела ее к кушетке у окна.

— Как ты себя чувствуешь сегодня Хлоя-Кэт? — спросила я.

Я предупредила Корин, что хочу поговорить с Хлоей без свидетелей. Она отвернулась, возясь с моим платьем.

— Я?

— Да, ты. Сегодня не просто большой день для меня и твоего папы. Для тебя тоже большой день. Я хочу убедиться, что ты так же счастлива, как и мы.

Улыбка Хлои расплзлась от уха до уха.

— Ты знаешь, как счастлив человек, когда к нему приходит Санта? Или Зубная Фея?

Улыбаясь, я кивнула.

— Ну, и я так счастлива! Я давно прошу Бога о мамочке, которая любила меня и моего папу.

У меня защемило сердце.

— Я так тебя люблю, Хлоя-Кэт. И я люблю твоего папу. Вы оба делаете меня такой счастливой. Никогда не забывай об этом, хорошо?

Она кивнула.

— Не буду.

Я сползла с кушетки и встала на колени, чтобы посмотреть ей в глаза.

— Есть что-нибудь еще, что ты хочешь спросить меня, прежде чем я выйду замуж за твоего папу и стану твоей мамой?

Глаза Хлои устремились к моему платью.

— Можно мне потом это платье? Было бы прекрасно поиграть в принцессу.

Смеясь, я потянула ее в свои объятия.

— Конечно! Считай его своим, принцесса Хлоя.

— Ладно, давай оденем твою маму, — сказала Корин, подходя к нам с платьем. Мое сердце сжалось и свело живот. Хлоя, должно быть заметила, что я нервничаю, и взяла меня за руку.

— Не волнуйся, ты будешь выглядеть как принцесса. Обещаю.

Целуя ее в щеку, я ответила:

— Спасибо, Хлоя-Кэт, — я скинула халат на пол и осталась в белых кружевных трусиках и соответствующем бюстгальтере. С этим платьем бюстгальтер не нужен, но Корин и я подумали, что лучше не отсвечивать голыми сиськами перед Хлоей. Рот Хлои растянулся в широкую улыбку.

— Ух, ты! Мой отец будет счастлив!

Корин и я расхохотались. Корин взяла платье без бретелек и кивнула. Повернувшись спиной к Хлое, которая стояла на кровати, я расстегнула бюстгальтер и позволила ему упасть на пол. Корин осторожно продела платье через мои поднятые руки и голову.

— Осторожно, осторожно! — повторяла сзади Хлоя, поправляя мои волосы. Это была ее работа. Когда платье село как положено, Корин его застегнула, и мы все втроем выдохнули. Без бретелек декольте был ошеломляющим. Кремово-белое платье одновременно выглядело старомодно и современно.

— Ты потрясающая, — прошептала Корин.

— Ты принцесса! — Хлоя обхватила свои щечки ладошками.

Корин передала мне длинный футляр.

— Это от меня. Кое-что «голубое» (Прим.ред.:Английская свадебная традиция, дословно: «Something old and something new, something borrowed and something blue». На невесте в день свадьбы должно быть что-то старое, новое, взятое взаймы и голубое).

В футляре лежало бриллиантовое колье, в центре которого блестел голубой сапфир. Мои пальцы гладили колье, пока я сдерживала слезы.

— Это... великолепно.

— Это бабушкино. Когда-нибудь и ты наденешь его мне на шею, когда я выйду замуж.

Я обняла ее.

— Корин! Это прекрасно. И оно будет тем, что позаимствовали!

Она рассмеялась.

— Я даже не думала об этом. Но это точно!

Хлоя встала передо мной.

— Ты выглядишь как принцесса, — сказала она еще раз, смотря на меня трепетно. Я обхватила ладонями ее милое лицо.

— Спасибо, Хлоя-Кэт.

— Это мой подарок для тебя! Это твое что-то «новое». Ну, это от меня и папы.

Мое сердце дрогнуло, как я открыла взятую у Хлои коробочку. Бриллиантовые серьги, самые красивые.

— Хлоя! Эти самые красивые серьги, которые я когда-либо видела.

Она засияла.

— Я выбрала их! Папа сказал, что у меня неплохой вкус.

Наклонившись, я поцеловала ее в щеку. Корин открыла дверь, впустив всех. Мама подошла ко мне и начала плакать.

— О, мама, не плачь. А то я тоже расплачусь!

— Ты прекрасна, милая. Когда Стид увидит тебя, он отключится.

— Ты преувеличиваешь, — ответила я с улыбкой.

Мама протянула мне Библию и платок.

— Я несла это к алтарю, когда выходила замуж. И твоя бабушка несла, и прабабушка тоже. Это что-то «старое».

Мои руки дрожали, когда я брала Библию и платочек. Если так и дальше пойдет, мое лицо скоро будет покрыто черной тушью. Она поцеловала меня в щеку, а потом настала очередь Мелани. Она пыталась что-то сказать, но расплакалась. Повернувшись, она подошла к Амелии, которая обняла ее.

— Нам пора идти, — сказала Вайелин. Все начали выходить из комнаты, кроме Корин и Хлои. Вайелин улыбнулась.

— Ты готова?

Я кивнула. Когда она повернулась, чтобы выйти, я окликнула ее:

— Эй, Вайелин?

— Да?

— Как вы все это сделали? Организовали так быстро?

Она вернулась ко мне и взяла за руки.

— В тот день в СПА-салоне, когда ты сказала, что хочешь зимнюю свадьбу... Мы все знали, что должны сделать это. Я начала строить планы прямо тогда. Сказать, что я была рада, что вы снова вместе — это мягко сказано.

Мое сердце екнуло. Я была так счастлива, что в моей жизни были такие удивительные женщины.

— Ну, спасибо. Тебе и Амелии за это. Это много значит для меня.

Целуя меня в щеку, она тихо сказала:

— Это было мне в удовольствие. Я не планировала свою свадьбу... Так что это было весело.

Ее глаза, казались такими грустными.

— Мне очень жаль.

С пожатием плеч, печаль Вайелин пропала и сменилась волнением.

— Давай сделаем это! — воскликнула она, и Хлоя начала прыгать, разметая повсюду кудри. Вдруг она застыла и повернулась к нам.

— О нет! Я оставила Патча в папином кабинете!

Мои глаза расширились в шоке.

— Что? Хлоя, что твой козлик делает тут?

— В кабинете твоего папы? — добавила Вайелин.

Положив руки на бедра и наклонив голову, Хлоя посмотрела на нас, как на идиотов.

— Он проводит меня к алтарю.

Я не могла не рассмеяться. Взглянув на еще ошеломленную Вайелин, я сказала:

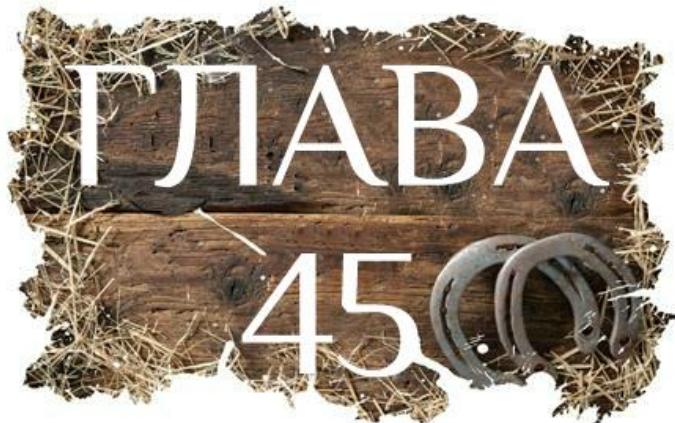
— Нам лучше заставить одного из парней пойти за козликом.

Она смотрела на меня, ее челюсть отвисла.

— Хочешь козла на свадьбе?

Глядя на Хлою, я улыбнулась и ответила:

— Конечно. Он часть семьи.

ГЛАВА

45

Стид

Я стоял под аркой и не особо терпеливо ждал появления Пакстон.

Мои родители и родители Пакстон сделали все ради нашей свадьбы. Казалось, что на организацию потрачено много месяцев. Все было прекрасно. Цветы и торт. Я был рад, что мы сохранили свадьбу в секрете, и собрались только самые близкие. Это все сделало проще.

Корд стоял рядом со мной. Он стал моим шафером, выиграв конкурс «Соломинки». Имея четырех братьев трудно, когда приходит время выбирать шафера. Хлоя придумала конкурс «Соломинки», и моим братьям понравилась эта идея. Да уж! В глубине души все еще дети... Все четверо.

Музыка начала играть, и я увидел свою сладкую маленькую Хлою. Потом Патча. *Какого черта?* На ее лице играла широкая улыбка, пока она шла по проходу, а рядом с ней скакал козлик. Я не мог не смеяться. Чертов козел на нашей свадьбе!

— Черт возьми, Стид. Она почти вызывает желание заиметь ребенка, — сказал Корд с усмешкой. Я посмотрел на него.

— Ребенка?

Он хмурился.

— Я сказал «почти». Козел не особо помогает.

Корин шла следующей. Я взглянул на Триппа. Он улыбался, но один взгляд на Митчелла и я понимал, кто из них был более пленен ею. Митчелл. То, как он смотрел на Корин, было далеко от того как смотрел Трипп. Я оглянулся, затаив дыхание, глядя на дверь. Когда начался свадебный марш и все встали, я медленно выдохнул, чтобы снова перевести дух, когда Пакстон вошла в дверь со своим отцом. Я услышал вздохи от небольшой группы друзей и семьи.

— Она прекрасна, — прошептал я, улыбаясь во весь рот. Простое кремовое платье облегало ее тело, и я не мог не позволить своим глазам скользить по нему. Задержавшись ненадолго на животе, я посмотрел на ее лицо. Голубые глаза встретились с моими. Я медленно покачал головой. Я хотел ущипнуть себя. Черт возьми. Она была моей. Она наконец-то была моей.

Мы с Пакстон ходили и разговаривали с гостями, когда я понял, что она устала. Как и Хлоя, ходившая за нами как приклеенная. Она уже начала называть Пакстон «мамочкой», и каждый раз при этом лицо Пакстон светилось. Слава Богу, здесь в

основном была семья, плюс несколько друзей с каждой стороны и несколько ближайших деловых партнеров моего отца. Это была небольшая свадьба и прием. Мы сделали все в кратчайшие сроки. Амелия нашла кондитера, готового сделать свадебный торт в последнюю минуту. Он был оформлен в белом и мягким синем цвете. Того же тона, что и платья Хлои и Корин. Не спрашивайте меня, как они провернули это дермо. Пакстон наклонилась ко мне и вздохнула.

— Ты устала? — спросил я.

— Немного, — сказала она и... зевнула.

— Мы разрезали торт, всех поблагодарили, думаю, пора уходить. Кроме того, посмотри на Хлою, — ее глаза нашли нашу дочь, и она рассмеялась. Хлоя сидела за столом, ее голова поклонилась на руках, и она крепко спала.

— Ох, маленькая бедняжка. А мы обещали ей еще и фильм. Нам, наверное, пора уходить отсюда.

Я кивнул в знак согласия.

— Найдем наших родителей и сообщим им, что мы готовы идти.

Пакстон переплела наши пальцы, пока мы искали родных. Они сидели внутри беседки, и разговаривали со старыми друзьями.

— Мам, пап, я думаю, нам пора. Пакстон устала, и бедная Хлоя спит.

Они все встали. Каждый из них по очереди поцеловал нас в щеки и поздравил.

— Мы сделаем объявление, что вы уходите.

— Планы на медовый месяц? — спросила Карен, подруга моих родителей, сделав глоток вина.

— Не сейчас. Мы едем в Ирландию во время весенних каникул.

— Ирландия? — спросила она, подняв брови.

— Да, Пакстон всегда хотела попасть туда. Сегодня мы забираем дочь домой, и будем смотреть фильм.

— Как замечательно! — сказала Карен.

Сорок пять минут спустя, мы наконец-то ушли. Хлоя у меня на руках даже не проснулась, когда мы прошли мимо гостей под аплодисменты и крики:

— Мистер и миссис Паркер!

Я аккуратно положил мою спящую красавицу на заднее сиденье грузовика, и помог моей красивой жене с платьем. Быстро помахал всем, я запрыгнул в грузовик и поехал к нашему дому, по ту сторону ранчо. Пакстон откинула голову на подголовник.

— Как бы я ни любила нашу свадьбу, я счастлива сбежать. Я устала даже думать!

Я засмеялся.

Мы зашли в дом, переоделись, и сидя на диване и едя попкорн, смотрели фильм. Пакстон сказала, что мы должны сделать этот фильм традиционным для просмотра в Сочельник.

Я не мог поверить своему счастью. Осталось только погрузиться в свою жену и потеряться в ней на всю ночь. Хлоя сидела между нами, и была в восторге от фильма. Она чуть ранее спросила, собирается ли Пакстон спать в моей спальне, и часть меня почувствовала беспокойство, от того что мы лгали ей. Сейчас мы честно ответили: «да», и она улыбнулась и заявила, что мы теперь официально настоящая семья. Я даже и не хочу спрашивать, с чего она решила. Невежество было блаженно.

Когда пришло время укладываться, чтобы мог прийти Санта, я включил ночник в комнате Хлои и усадил на кровать ее любимую куклу и плюшевую игрушку. Когда Пэкстон переехала, наш обычный режим немного изменился. Раньше я укладывал Хлою, теперь эта работа была отдана ее новой маме, что меня вполне устраивало. Потом следовали молитвы, небольшая история с куклой и козликом в главной роли, а затем выключение света.

— Готова к молитве? — спросила Пакстон, целуя Хлою в лоб.

— Увердительный ответ!

Закрыв глаза, Хлоя начала свои молитвы, которые были абсолютно одинаковы каждую ночь... с несколькими изменениями, когда это необходимо.

— Благослови моего учителя Пакстон. Пожалуйста, благослови всех моих друзей. Пожалуйста, благослови Сэма, Билли, Леди, Аллюр, Марли, маленького Билла, Харли, Чипа, Майло, Бадди, всех коз, особенно Патча, потому что его подарил дедушка, и всех коров и всех диких животных во всем мире. Пожалуйста, благослови мою бабушку и дедушку, и мою новую бабушку и дедушку. Так они попросили их называть, потому что я спросила их сегодня, могу ли официально их так назвать.

Я глянул на Пакстон. Мы оба улыбнулись, и она быстро стерла слезу.

— Пожалуйста, благослови всех моих тетей и дядей. Их слишком много, чтобы назвать каждого.

Эта часть всегда заставляла меня улыбаться, так как она перечисляла четырех лошадей, двух кошек и двух собак вместе с половиной чертовых животных ранчо в своих молитвах.

— И, пожалуйста, благослови папу и мою новую маму. Это Пакстон, Боже. Я знаю, что это может смутить тебя, потому что она и мой учитель.

Мое сердце наполнилось светом. Счастье настолько подавляющее ударило меня в грудь, что я еле сдерживал слезы. Один взгляд на Пакстон сказал мне, что она чувствовала то же самое.

— И еще одно Боже. Пожалуйста, принеси мне младшего брата или сестру. Аминь.

Мы с Пакстон посмотрели друг на друга, и она улыбнулась. Мы уже обсуждали, что следует рассказать Хлое, прежде чем объявить о беременности всей семье завтра. Это сделает весть более особенной для Хлои, сказала Пакстон. Я наклонился и поцеловал щеку дочери.

— Тыковка, Бог уже ответил на твою молитву.

С удивлением она спросила:

— Какую, папа?

Пакстон, взяла руку Хлои и положила ее на свой живот.

— У меня в животике растет ребенок, Хлоя-Кэт. Маленький младший брат или сестра.

Хлоя села. Она была так взволнованна, когда мы объявили, что поженимся, интересно, как сейчас она отреагирует.

Ее глаза наполнились слезами, и я затаил дыхание. Мне не нравилось смотреть, как она плачет.

— Это правда? Пап, это правда, что у мамы там мой младший брат?

Я кивнул.

— Это делает тебя счастливой?

Она вскочила и обняла меня.

— Спасибо, что привез нас домой, папа. Спасибо!

Я держал ее крепко и сжал глаза.

— О, детка. Я люблю тебя.

Когда она отступила, по лицу текли слезы.

— Я тоже тебя люблю.

Она повернулась к Пакстон и обернула свои ручонки за ее шею.

— Я так тебя люблю, мама! Спасибо, что полюбила меня и дала мне младшего брата! Спасибо... большое!

Хлоя рыдала, как и Пакстон. Каждый из них держался друг за друга, словно от этого зависела их жизнь.

— О, Хлоя-Кэт. Я тоже тебя люблю!

Когда мои девочки, наконец, перестали плакать, Хлоя забралась обратно под одеяло, сложила руки в молитве и улыбнулась.

— И еще. Господи, спасибо, что так быстро сделал младшего брата. И спасибо, что помог папе найти мою маму. Он долго искал. Глаза у него, благодаря маминой любви больше не грустные.

Воздух ворвался в мои легкие. Я посмотрел, как Хлоя прижала к себе куклу и козлика.

— Мне лучше спать, иначе Санта не придет.

Мы с Пакстон замерли. Оба в безмолвном шоке. Я был уверен, что произошедшее повлияло на Пакстон так же сильно, как и на меня. Каждый поцеловал Хлою.

— Спокойной ночи, тыковка, — прошептал я ей в лоб.

— Спокойной ночи.

Убирая растрепанные волосы с лица, Пакстон поцеловала Хлою в щеку.

— Спокойной ночи милая Хлоя-Кэт.

Она улыбнулась и что-то бормотала. Взял за руку Пакстон, я вывел ее из спальни, провел по коридору мимо лестницы в нашу спальню. Я закрыл дверь, и мы обнялись.

— Это был самый удивительный момент в моей жизни, — сказал я. Она кивнула и вытерла слезу.

— И мой.

Моя рука скользнула за ее голову, и я притянул ее к себе. Нежно целуя губы, я сказал:

— Я собираюсь заняться с тобой любовью, Пакс.

— Как насчет того, чтобы сначала пришел Санта и оставил все подарки? — спросила она.

С подмигиванием, я сказал:

— Даже Санта требует времени, чтобы насладиться оставленным ему молоком и печеньем.

Пакстон засмеялась и ударила меня по груди.

— Ты плохой.

— Еще нет, детка.

Снял ее футболку через голову и скинул на пол.

— Я буду целовать каждый дюйм твоего тела, и буду шептать: Миссис Стид Паркер.

— Стид, — ахнула она.

Расстегнул бюстгальтер и бросил на футболку. Схватил пояс домашних брюк и снянул их... вместе с трусиками. Она оказалась передо мной голой. Дважды за последние несколько часов я ее раздевал. Первый раз закончился синими шарами, когда я смотрел на жену в ее свадебное платье, а затем и в кружевных трусиках. Тогда мне понадобилось все самообладание, чтобы не заняться с ней любовью. Я прижал губы к ее пупку, пока ее руки поглаживали мои волосы.

— Вы моя жизнь, миссис Стид Паркер. Причина, по которой я дышу. Мое сердце бьется вместе с твоим, и я не могу представить мир без тебя, — прижав лоб к ее животу, я глубоко вздохнул. — Ты все, чего я когда-либо хотел. Наша любовь никогда не терялась, потому что она оставалась со мной... всегда.

Она впилась зубами в губу, пытаясь сдержать эмоции, когда я поцеловал ее живот. Наш ребенок был там, и это осознание сбивало меня с ног.

— Я бы отдал свою жизнь за тебя и наших детей.

Встав, я обхватил ее лицо и вытер пальцами, а затем и губами, слезы.

— Моя жизнь.

Улыбаясь мне в губы, она ответила:

— Моя любовь.

Пакстон

Спустя три месяца.

Я откинула голову на грудь Стида, пока мы сидели на пледе и смотрели на Атлантический океан. С тех пор, как мы поженились, многое изменилось.

После того, как мистер Хайнс узнал, что я беременна, решила, что он уволит меня. Но когда мы со Стидом поженились на Рождество, беременность, больше не была проблемой. Хотя было очевидно, что ребенок был зачат до свадьбы, мистер Хайнс проигнорировал этот факт. Может, наш маленький городок изменился со временем?

В реальность меня вернули руки Стида, ласкающие мой живот, который вырос за последние несколько недель. В прошлом месяце мы были на УЗИ, которое показало пол ребенка. Не буду лгать, мы оба вздохнули с облегчением, когда узнали, что ребенок только один. Хотя, Хлоя думала, близнецы было бы супер весело.

Для нее.

— Как дела у моего сына? — спросил Стид, его горячее дыхание согрел мою кожу от холодного бриза Атлантики.

— У него все хорошо. Думаю, я наконец-то переходила утреннюю болезнь. Слава Богу.

Мягкие губы Стида поцеловали мою шею, стреляя пульсирующей болью между ног.

— Ммм... Если ты продолжишь делать так, мне понадобится некоторое облегчение. Из его горла раздался низкий рык.

— Черт возьми, Пакс. Мой член твердый как палка.

Я засмеялась.

— Ну, у нас есть время до обеда.

Мы сидели у потрясающего домика, который арендовали на неделю. В Ирландии было холодно. А ночью становилось еще холоднее, но нам было все равно. Мы были слишком заняты в постели, нагревая все вокруг, чтобы замечать, как холодно снаружи. Дни были умеренно теплые. Для нас это была прекрасная погода, по сравнению с горячим Техасом.

— Пойдем внутрь? — спросил он.

Кивнув, я подождала, пока он встанет и предложит мне свою руку. Это был Стид. Такой внимательный и добрый. Он всегда ставил нас с Хлоей на первое место, что бы ни делал. После того, как он приобнял меня, мы двинулись в дом. Теплота поселилась в моей груди. Мое тело покалывало от знания, что мой муж собирается заняться со мной любовью. Ничто другое на земле не было более удивительным, чем я и Стид вместе. Он повел меня в спальню и улыбнулся, показав ямочки на щеках, от чего мои колени ослабели. Он нежно провел тыльной стороной ладони по моей щеке, и мое тело задрожало. Некоторые женщины жаждали пищу во время беременности, я же жаждала прикосновений мужа. Это и волновало и успокаивало меня.

— Ты выглядишь прекрасно, Пакс, — прошептал он, пока глаза бродили по моему лицу. Напряжение в его взгляде заставляло ныть живот, и сердце таяло от его сладких слов. Мои волосы были собраны в хвостик, чтобы спасти их от ветра, но уверена, что на голове творился беспорядок. На лице ни грамма макияжа. Сегодня мы решили полениться, и не отправились на осмотр достопримечательностей, и насладились удивительным видом на океан. Я одела на себя его плотные штаны и толстовку, которые висели на мне. В лучшем случае, я выглядела, будто только что проснулась.

— Я в беспорядке, — заявила я с усмешкой. Он покачал головой.

— Я никогда не видел тебя более красивой. Ветер растрепал твои волосы и заалел щеки... Я могу смотреть на тебя весь день, и мне не надоест.

Мой живот скрутило.

— Как ты это делаешь? — спросила я, оборачивая руки вокруг его шеи.

— Что делаю?

— Заставляешь меня чувствовать, что я самая красивая женщина в мире.

Он посмотрел на меня, как будто я сказала самую сумасшедшую вещь, но это была правда. У Стида была способ заставлять меня и нашу дочь чувствовать, что мы все для него. Сам воздух, которым он дышал. Последние несколько месяцев были лучшими в моей жизни. Стид работал на ранчо с отцом и Кордом весь день, но как только Хлоя и я выходили из школы, он был там, улыбаясь и приготовив нам блюдо из удивительных объятий и поцелуев. Часто у меня кружилась голова от волнения, когда мы подъезжали к дому, гадая, какой сюрприз он приготовил для нас. Для Хлои, это всегда было что-то связанное с животными. Например, новая книга. Для меня было что-то простое, как роза и поцелуй, или медальон в форме сердца с нашим семейным портретом в нем. Каждый день он нам что-то дарил. Он избаловал нас любовью, и я не могла представить, что могу быть счастливее.

— Черт, ты самая красивая женщина в мире.

Мои глаза наполнились слезами, когда поняла, что каждый день этот человек заставлял меня чувствовать себя особенной. Что мое счастье вспыхивало каждый раз, когда он улыбался, целовал, держал меня в руках, или шептал, как сильно любит меня. Я любила этого человека больше чем кого-либо. Он был причиной, по которой я дышала.

— Займись со мной любовью, Стид, — тихо проговорила я, притянув его за шею к себе. — Это было бы для меня удовольствием.

КОНЕЦ